

A person is diving underwater in a blue pool. The person is seen from the back, with their arms and legs extended downwards. The water is clear and blue, with light reflecting off the surface. The overall scene is serene and captures a moment of quiet activity.

ВАДИМ ЛАРСЕН

**СЕМЯ
ГИДРЫ**

Молодого дайвера Ивана Усика жизнь забросила на далёкое побережье Индийского океана. Море, солнце, кораллы... и один лишь телефонный звонок перевернул всё с ног на голову. Катастрофа и удивительное спасение. Удача сменяется полным крахом и безысходностью. Необъяснимые, из ряда вон выходящие перипетии, в которых оказывается Иван, не прочтёшь даже в фантастических романах. Будет ли счастливый конец всей этой истории?

Вадим Ларсен
Семя Гидры

Из рыбацкого посёлка Ковалам — непризнанной жемчужины Коромандельского побережья — Иван выехал с рассветом, но рейсовый автобус, обшарпанный, с замызганными шторками на окнах, с тюками, мешками и дорожными чемоданами под затёртыми до дыр сидениями, одолел несложный тридцатикилометровый маршрут едва к обеду. По всей видимости, сей монстр колониального автопрома бороздил пыльные дороги штата Тамилнад ещё со времен премьерства Индиры Ганди. Пыхтя и постанывая, он грозил заглохнуть в любую минуту, а спустя три часа адской тряски и вовсе встал колом посреди грунтовки перед арбой, запряжённой тощим мулом, да так, что с верхних полок попадали баулы.

Яростно жестикулируя, выпячивая большие, похожие на рыбы глаза, немолодой индеец-водитель долго и упорно грозил обучить старика-погонщика правилам дорожного движения, а тот, в ветхом выцветшем саронге, понимающе кивал головой, увенчанной не менее ветхим тюрбаном, но не на полшага не сходил с дороги. Его мул мерно жевал жвачку и снисходительно поглядывал на разъяренного шофёра, мол, что взять с невежды. В конце концов, водитель, разразившись многоэтажной бранью, смешивая хинди с английским, в сердцах вывернул руль и по-черепаши едва не свалившись в кювет, объехал упёртого старца.

Так, обливаясь потом и кляня себя за то, что заранее не позаботился о снаряжении, Иван к полудню прибыл в Ченнаи. Времени хватало ровно в обрез: заскочить в магазин Джима и Анжелы и после, не мешкая, на метро в аэропорт. Главное всё делать без суеты, чётко и последовательно как при десятиметровом погружении без акваланга.

Иван вспомнил, как со слезами на глазах его провожал Риши.

Риши — девятилетний мальчонка, сын хмурого тамила, у кого Иван снимал угол. И это не оборот речи — набитая кокосовой копррой циновка, месяц служившая Ивану кроватью, располагалась как раз в углу бедной рыбацкой хижины отца Риши, капитана небольшого рыболовецкого судна — потрёпанного штормами сейнера с гордым названием «Арихант». Поначалу Иван снисходительно отнёсся к явно высокопарному прозвищу выдавшей виды посуды. Не очень-то та походила на ракетный подводный крейсер стратегического назначения класса «Арихант» (в переводе «Истребитель врагов»). Но позже к своему стыду он узнал, что слово это на самом деле переводится как «душа, победившая внутренние страсти» отчего его первоначальный скепсис развеялся. В который раз Иван убеждался — в Индии всё имеет свой потаённый глубокий смысл.

Молчаливый рыбак и его непоседливый сынишка проживали вдвоём. При беззастенчивом выяснении, почему так вышло, постояльцу скоро дали понять, тема женщин в рыбацкой семье — табу, а причина сего чужеземцев не касается.

С рассветом и с дюжиной рыбаков просоленных ветром и обожжённых безжалостным солнцем отец Риши ходил в море, чтобы к сумеркам вернуться с двумястами килограммами сардины на борту. За своим отцом не отставал и сынишка. Вот уже как месяц Риши «работал» «менеджером по продажам», выручая в день по пятьдесят рупий за выловленные Иваном кораллы. Каждое утро с ластами подмышкой, кислородным баллоном наперевес и с радостной улыбкой на светящейся от счастья физиономии, мальчишка нетерпеливо переминался с ноги на ногу, нависая над спящим Иваном, и звонко горланил:

— Let's go Van! Ип-дь-йом! Ип-дь-йом! Ип-дь-йом!

Это его звонкое русское «ип-дь-йом», означавшее то ли «подъём» то ли «идём», а может и то, и другое вместе, походило на своеобразную трель будильника.

Риши именовал постояльца Ваном, упорно глотая первую букву, что ещё значительно подчёркивало непоседливость мальчишеской натуры. А ещё потому что «ван» на тамильском означает «воздух», а «белый постоялец», по глубокому убеждению Риши, был никем иным, а настоящим Королём Воздуха. Нет, европеец не умел летать, он умел нырять, да так, как никто не умел этого делать.

В первые дни, когда Иван и Риши уходили на арендованной за две рупии лодке далеко от берега, Иван в одной маске как обычный индус-ныряльщик спускался по верёвке к коралловым зарослям, а через три минуты затишья Риши начинал отчаянно кричать на тамильском: «Ван-ван!» (Воздух-воздух!) искренне не понимая, как этот большой белый чужеземец с длинными молочного цвета волосами и крепкими мускулистыми руками, ухитряется так долго — дольше всех ныряльщиков побережья — обходиться под водой без воздуха. Когда же Иван шумно выныривал из воды с увесистым мозговым кораллом в руке, чёрные как два больших обсидиана зрачка Риши недоумённо округлялись до размеров Вселенной, а с губ срывался возглас:

— На вашем севере все люди умеют делать так?

Но позже мальчишка свыкся с уникальными способностями иностранца и даже устраивал с ним своеобразное соревнование, параллельно задерживая воздух в лёгких, упорно раздувая коричневые щёки и смешно по-петушиному пыжась.

Незаметно Иван сдружился с непоседливым рыбацким сынишкой и сейчас, блуждая глазами по шумной, грохочущей, гудящей клаксонами и рычащей двигателями центральной улице Ченнаи в поисках такси, немного сожалел, что вряд ли когда-либо он снова окажется в тихой коралловой бухточке в углой плоскодонке вместе с неугомонным говорливым Риши.

— Трипликейн! — крикнул Иван притормозившему перед ним таксисту.

Индиец вывалился по грудь из окна и показал пять растопыренных пальцев, означавших пятьсот рупий. Местные таксисты уверены: европейцы — богачи, в противном случае, зачем приезжать в Ченнаи без денег?

Иван мигом нырнул в салон и выгреб карманы. Денег хватало ровно на запланированную покупку гидрокостюма и на жилет-компенсатор. Очень не хотелось ударить в грязь лицом на новом месте, ведь по одежке встречают даже на Андаманских островах. Оставалась надежда, что Джим откроет рассрочку, ведь теперь Иван без пяти минут инструктор элитного Scuba-Radhanagar, а посему: «Прощай безденежье!»

В кармане заурчал зуммер телефона.

— Месье Усик? — незнакомый номер мурлыкнул обворожительным женским голоском по-английски, но с лёгким французским прононсом от чего показался ещё более прелестным.

— Да, это я, — ответил Иван, косясь на таксиста, который что силы давил ладонями клаксон и осыпал проклятиями беспардонно подрезавшего его мотоциклиста.

— Вы на пути в аэропорт? — голосок сделался ещё нежнее. — Вылет через час. Ждём вас на пятьдесят первой линии. Вход со стороны...

— Да-да, у меня есть чёткое описание. Самолёт класса бизнес-джет. Борт 159. Верно?

— Так точно. Это мы.

— Честно сказать... — чтобы хоть как-то заглушить громоподобные недовольства таксиста отсутствием возможности перестроиться Иван заткнул пальцем свободное от

телефона ухо, — я не совсем разбираюсь в частных самолётах... и всегда думал, что Хонда — это мотоцикл.

— Ничего страшного, месье Усик, — очаровательно пропел мобильник. — Наш самолёт небольшой, длиной всего сорок футов, и здесь он такой один. И чтобы вам было удобнее, я буду ждать вас у трапа с табличкой с вашей фамилией. Меня зовут Брижит. Я бортпроводница нашего судна. До встречи, месье Усик.

Последняя фраза прозвучала так, будто Иван и Брижит росли в одной песочнице.

Хозяин магазина Джим — высокий широкоплечий метис с длинной замысловато заплетенной иссиня-чёрной косичкой — встретил Ивана широкой американской улыбкой. Когда-то он и сам был обручённый с морем бродячий покоритель глубин, пока не познакомился с предприимчивой Анжелой. Так прирождённый аквалангист стал торговцем аквалангами.

— Рад за тебя, мой бледнолицый брат! — с напыщенным пафосом произнёс Джим. — Не всякому выпадет удача подрядиться сезонным инструктором в один из элитарных закрытых дайв-центров Бенгальского залива.

— Спасибо Семеновичу, — пожал плечами Иван.

— Хвала покровителю ловцов жемчуга Кришне, что настоящие друзья помнят номера мобильных своих друзей, — и Джим театрально вознёс руки к небу. — Три месяца на Андаманах — девяносто дней в раю! Как же я завидую тебе, брат, — и тут же осведомился: — Но разве инструкторам не выдают снаряжение?

— Своя рубаха ближе к телу, — подмигнул Иван. — Всегда мечтал иметь собственный Скубапро.

Когда речь зашла о рассрочке, Джим переменялся в лице, но оглянувшись на дверь в подсобку, согласно кивнул и полушёпотом произнёс:

— Ок. Я покрою своими. Не надо, чтобы Энджи узнала...

Какими завистливыми глазами смотрел сейчас на него Джим! Глядя на это, Иван подумал, что вряд ли когда-либо сам женится и оседет на суше. Рождённый в крохотном посёлке под Могилёвом простой белорусский парень Ваня Усик навечно обручился с морем.

Началось это в то жаркое лето, когда его, двенадцатилетнего мальчишку, мать привезла в Гурзуф к дяде Жоре. Бывают в жизни моменты, определяющие судьбу — то лето оказалось именно таковым.

Дядя Жора приходился Ваниной маме двоюродным братом, и, следовательно, двоюродным дядей Ивану. Широкогрудый, сухой и жилистый, с прекрасным здоровьем для своего пенсионного возраста, дядя Жора был настоящим морским волком. Нет, не морским — подводным. Всю жизнь он проработал водолазом-техником. В молодости трудился на заводе подводным сварщиком, после поднимал затонувшие суда, прокладывал трубопроводы, расчищал акватории. Несколько лет провёл в тихоокеанских научно-исследовательских экспедициях.

— Море с тобой всегда честное, — любил повторять дядя Жора, вглядываясь с прищуром в морской горизонт, и от переполнявших эмоций по Ваниной спине бежали мурашки.

В конце лета домой Ваня вернулся другим человеком.

Теперь студёными зимними вечерами он зачитывался историями о славных пиратах капитана Блада, о сокровищах Флинта, о пятнадцатилетнем капитане и о загадочном Наутилусе. Каждый его день начинался с пробежки, а заканчивался отжиманиями,

приседаниями и подтягиваниями.

— Моряк — не профессия, — часто вспоминал он слова дяди Жоры. — Моряк — это судьба.

Уже в пятнадцать лет Иван твёрдо решил стать моряком. Он штудировал азы судовождения и парусного спорта, сыпал галсами, румбами, узлами, безошибочно отличал курс галфвинд от бейдевинда, а классическую «восьмёрку» от устричного морского узла, и по окончании средней школы, собрав в рюкзак нехитрые пожитки и поцеловав на прощание заплаканную мать, отправился поступать в Одесское мореходное училище имени А. И. Маринеско.

В училище Иван и познакомился с Сашкой Семенóвичем, в последствии сыгравшим в его жизни немалую роль. Всегда улыбчивый, с каким-то хитровато-блуждающим выражением глаз, Сашка был старше Ивана на год и в первый же день знакомства, оценивающе оглядев с головы до ног хорошо сложенного белорусского парня, сказал, будто от этого решения зависела дальнейшая Иванова судьба:

— Такие крепыши нам нужны.

Так с лёгкой Сашкиной руки Иван записался в одесский молодёжный клуб любителей подводного плавания. Вначале в выходные, а следом и по будням после занятий — Семенóвич имел талант договариваться с неуступчивым старшиной экипажа-общезития — приятели проводили в клубе. Сборка снаряжения, поведение на воде, специфика погружения, общение жестами и многие другие азы подводного спорта они жадно впитывали кожей. Ивану нравилось буквально всё: красавица-Одесса, учёба в училище, клуб «Нептун», да и сам Семенóвич, с которым за четыре года они стали закадычными друзьями.

«Розовые» очки слетели с Иванова загорелого лица сразу по получению диплома, когда выяснилось, что отыскать работу выпускникам «вышки» в разваливающемся на глазах советском флоте удастся не всем, а что есть на берегу — принеси-подай. Счастливики из «блатных» морских династий устраивались «под иностранный флаг» или за большие деньги покупали тёплое местечко в пароводных компаниях, Ивану же светило разве что речная баржа или портовый буксир.

И тут снова подсуетился Семенóвич.

— Ванька не дрейфь, — с обычной долей иронии Сашка хлопнул друга по плечу. — Идёшь на педагогические курсы, а после определим тебя педагогом-инструктором к нам в «Нептун». Есть у меня партнёры, оформляем общество с ограничкой. Платим немного, но поверь, мы везучие, живём во времена великих перемен. Раскрутимся, дадим рекламу, закупим современные акваланги, и бизнес наладится. Знаешь, как за бугром называют ныряльщиков? Дайверами! Это у них моднейшее хобби. За то, чтобы выпендриться, толстосумы забашляют огромные бабки. Вот увидишь, скоро и у нас от богатеньких клиентов из комерцов и деловых отбоя не будет. Дай только время, прорвёмся.

И Иван согласился. Так, не став профессиональным моряком, он стал профессиональным дайвером.

За шесть лет жизнь изрядно потрепала Ивана. После рейдерской атаки на Сашкиных партнёров — новых хозяев «Нептуна» — оказавшихся на поверку обычными аферистами, Иван год проработал инструктором в бассейне детской спортивной школы, затем водолазом-спасателем в отряде быстрого реагирования. После расформирования нанялся на английское судно «Marine Gold» к настоящим искателям сокровищ и два года провёл в Адриатике в поисках затонувшего в XV веке венецианского купеческого судна. С тех пор начались

странствия Ивана по белому свету, которые к миллениуму забросили его без денег и перспектив в рыбацкий посёлок Ковалам, затерянный среди пальм и песков юго-восточного побережья полуострова Индостан.

И вот неделю назад неожиданный звонок Семеновича в который раз переменял сложившееся над Иваном расположение звёзд.

«Объявился-таки, морской дьявол», — думал Иван о своём деловитом друге, резво вышагивая по пыльной ченнайской улице.

На метро он доехал до станции Международный аэропорт и по выходу на перрон пошарил глазами в поисках указателя к внутреннему терминалу Камарай. Не найдя доверился интуиции. Времени было вдосталь.

Аэропорт Ченнаи — третий по значимости воздушный порт Индии — походил на улей с гудящими на разных языках разноцветными и разномастными пчёлами, и Ивану стоило большого труда не затеряться в этом гаме, туристической толкотне и деловом хаосе.

А глаза бросилась полукруглая табличка со сверкающей надписью L-51, и Иван понял, интуиция в который раз не подвела. Поправив за спиной набитый снаряжением рюкзак, широкой морской походкой он направился к траволатору.

Самолёт Иван заметил сразу. Ослепительно-белоснежная сигара с синим стилизованным подбрюшьем. Высокий хвост, увенчанный мощным горизонтальным стабилизатором. Массивные обтекатели двигателей с большими красными номерами N 159. У спущенного трапа тонкая женская фигурка в синей униформе и с табличкой в поднятой руке. Сомнений не осталось, на табличке аккуратно алой помадой была выведена его фамилия на английском.

Белозубо улыбаясь, Иван проследовал к самолёту.

— Месье Усик, — произнесла, то ли спрашивая, то ли констатируя факт опознания, встречающая его обворожительная шатенка с улыбкой Моны Лизы.

Тёмно-синяя юбка, зауженная до колен, и тёмно-синий форменный жакет подчёркивали божественное телосложение. На осиной талии тонкий кожаный пояс в цвет стильным туфлям-лодочкам. Белая блузка, под воротничком повязан небесного цвета бант-шарф, скрывающий без сомнения нежнейшую шею. Две ямочки на едва тронутых румянцем бархатных щеках. Игривый взгляд больших карих глаз. Завершала идиллию уложенная в причёску, но при этом непослушная копна густых каштановых волос.

Ивану вдруг показалось, что подобный ангел в женском облике может стоять лишь у райских врат и войди он на борт самолёта, непременно окунётся в Нирвану.

— Привет... Брижит? Я Иван, — представился он по-английски и привычно протянул для рукопожатия большую крепкую ладонь.

— Bonjour, — произнёс ангел и легко коснулся протянутой руки.

Что это было за прикосновение! Ивану вдруг стало неловко за свой внешний вид: бежевые шорты, вылинявшая на солнце просоленная майка, выдавший виды рюкзак.

— Рады видеть вас, месье Усик, на борту нашего судна, — тем временем ангел всё сильнее затмевал собой окружающее пространство. — Надеемся, полёт доставит вам удовольствие. Наш пилот — капитан Прэйтип Сингх — профессионал высочайшего класса. В Порт-Блэре мы приземлимся ровно через три часа. А сейчас, месье Усик, будьте добры проследовать в салон.

Так вот на каком красавце ВИПы летают на отдых!

— На два часа почувствуешь себя олигархом, — Иван вспомнил, как смеялся в телефонную трубку Семенович, хвастаясь, что выхлопотал место в арендуемом клубом «гостевом» бизнес-джете. И как всегда оказался прав — два часа в воздухе с головокружительным комфортом несоизмеримо приятнее недельного ожидания ближайшего рейса и нескольких дней нудной морской болтанки в гуще разномастных туристов.

Салон самолёта сверкал чистотой. Вдоль рядов овальных иллюминаторов попарно друг напротив друга возвышались четыре высоких кресла обтянутые белоснежной кожей. Между ними выдвижные столики матового пластика с подстаканниками и фигурными выемками. Напротив трапа пятое кресло без столика, пониже остальных и без подголовника. Пол устлан пёстрым ковром Джайпура ручной работы. Между лётной кабиной и салоном раздвижная перегородка, что позволяло рассмотреть пенаты пилота. В кабине два эргономических кресла и два хитроумных штурвала, приборная доска с мониторами и множеством тумблеров, кнопок, переключателей, сигнальных ламп и индикаторов различных цветов. И такая же безупречная чистота, как во всём салоне. Брижит — была идеальной хозяйкой.

Кроме Ивана в самолёте уже находился пассажир. С правой стороны лицом к кабине сидел мужчина лет пятидесяти или чуть постарше и листал глянцево-туристический буклет, какие в изобилии раздают зазывалы у входа в аэропорт. Небрежно брошенный под сиденье дорожный мешок военного образца чернел за каблуками его пыльных остроносых сапог. Ладно сидящие потёртые джинсы, широкий кожаный ремень, массивная круглая пряжка с руническим знаком в центре. Синяя хлопчатобумажная рубаша плохо скрывала сухое, поджарое тело. Загорелая шея без капли подкожного жира и такое же бронзовое дублёное беспокойной жизнью лицо. Полоска усов под большим характерным носом и маленькая «эспаньолка» на очерченном подбородке. Тёмно-серые глаза с лучиками морщин разбросанных к вискам. Чуть приподнятые надбровные дуги. Лоб прорезан четырьмя глубокими горизонтальными морщинами. Большие уши и тёмные волосы, непокорно-длинные сверху и бритые на висках и затылке на армейский манер.

— Хай, — кивнул попутчику Иван.

Тот сдержанно и строго поднял глаза, будто оценивая, чего ожидать от этого белокурого, похожего на хиппи 60-х, длинноволосого парня с синими, слово фарфоровыми глазами. И словно очерчивая границы дозволенного, он поднял сумку и бросил в кресло напротив, придавив её вдобавок ногой в подбитом медными набойками сапоге. Затем нехотя поднял указательный палец вверх в качестве приветствия, и вновь углубился в изучение рекламных картинок.

«Серьёзный дядька, — подумал Иван. — На волка с Уолл-стрит не похож. Скорее волкодав, выслеживающий этих самых уолтстритовских волков. Одно из двух — либо наёмный убийца либо агент под прикрытием. На крайний случай терминатор из будущего. Ищет свою Сару Коннор».

Украдкой, не привлекая внимания, Иван огляделся в поисках места, хотя казалось, теперь «терминатор» остался бы непроницаемым, сделай он даже стойку на голове посреди

салона. Выбрав кресло напротив входа, Иван уместил рюкзак в отсек для ручной клади, развалился удобней в кресле и, закинув ногу за ногу, стал любоваться видом из дверного проёма, где на фоне залитой солнцем взлётной полосы были хорошо видны модельные тувельки, точёные икры и округлые коленки Брижит, едва прикрытые краем форменной юбки. Насладившись увиденным, он блаженно прикрыл глаза и представил, как через два часа окажется на островах, с которых и начался его путь в подводный мир.

В Одессе, на третьем курсе мореходки, а было это в начале девяностых, Сашка Семенович как-то обзавёлся видеомагнитофоном, редкостной по тем временам диковиной. Аппарат был японским и стоил как пол-автомобиля, но предприимчивый Семенович купил его почти задаром у одного филиппинского моряка, пропьянствовав с ним неделю в самых злых местах Молдаванки. То была сделка века, и обе стороны остались довольны — филиппинец за незабываемые впечатления борделей Одессы тех бурных лет, а Сашка за возможность открыть в экипаже нелегальный видеосалон.

С магнитофоном прилагалась единственная кассета в пластиковой коробке, где на фронтальной стороне в лазурной толщи морской воды плыл настоящий слон. Под слоновой ногой большими буквами краснело название фильма на французском языке: «*Andaman, les îles invisibles*», а над слоновим ухом размещался кругляш с фото сухощавого большеногого мужчины в красной вязаной шапочке и полукруглая надпись: *Jacques-Yves Cousteau*.

В мореходке учили английскому как международному языку моряков, но именно человеку с кассеты и его Одиссее Иван обязан за свой второй французский. Фильм назывался «Андаманские острова: Невидимые острова», а улыбочивое лицо принадлежало Жак-Иву Кусто. Держать в руках французскую кассету с ныряющим слоном было невероятно вдвойне, но настоящее чудо случилось, когда кассету вставили в магнитофон.

Иван сбился со счёта, сколько раз он пересматривал тот фильм. Ныряльщики команды Кусто в серебряных гидрокостюмах, похожие на людей-амфибий, в скафандрах с гидрофонами и экипированные как космические пришельцы. Искрящуюся в лучах южного солнца бирюзу океанской воды прорезают стай проворных ставрид. Юркие луцианы и яркие рыбы-попугаи снуют среди массивных коралловых глыб. Рифовые акулы в поисках наживы не обращают внимания на дайверов. Перистые звёзды разлеглись на вулканических наростах.

Кадры того фильма напрочь въелись в память начинающего ныряльщика.

В реальность Ивана вернул высокий мужской голос. Парень нехотя расплющил веки. У трапа невысокий полноватый человечек в потрёпанном зелёного цвета шервани^[1] оживлённо жестикулировал короткими ручками и что-то скороговоркой объяснял озадаченной Брижит. Его чёрная лопатообразная борода, придававшая лицу форму горизонтального овала, хаотично дёргалась в диссонанс кивкам безукоризненно лысой головы, на которой непонятно как держалась белоснежная ганди^[2]. Толстячок пританцовывал и был явно возбуждён. Речь его сливалась в шумящий ручей. И всё-таки он не казался негодующим или рассерженным. Скорее наоборот, его глаза улыбались так, что становилось понятно, они попросту не умеют испытывать иных эмоций, кроме позитивных.

В непрестанно льющемся потоке Иван различил некоторые фразы:

— У меня официальный контракт... да... желаете взглянуть? Нет? Но как же? Этого не может быть... я честный налогоплательщик... — От переизбытка эмоций толстячок пританцовывал и смешно шлёпал себя пухлыми ладошками по не менее пухлым ляжкам. — Я обязан быть в списке... да-да. Но контракт? Разве мистер Крофт не поставил вас в

известность? Странно... будьте любезны... простите, могу я переговорить с капитаном этого замечательного лайнера? У меня есть рекомендации... Профессор Докешандр мой давний знакомый... но как так?

На вид толстячку было лет под шестьдесят, но, то с какой живостью он извивался перед непреклонной Брижит, указывало о наличии в его жилах молодой энергии. Иван подумал, посади его на осла и сними очки с мясистого носа — вылитый Санчо Панса с обложки советского издания Дон Кихота.

Стойкая Брижит ревностно охраняла подступы к самолёту. Её хрупкая фигурка загораживала трап. Руки сложены за спиной, лопатки сведены, грудь вперёд и только лучезарная улыбка свидетельствовала — я всё понимаю, но, увы, правила есть правила.

Щебет «Санчо Пансы» неожиданно смолк, когда за его спиной вырос силуэт высокого плечистого сикха в форме военного лётчика и в тёмно-синем дастаре^[3]. Жёлтый шарф на шее под окладистой ухоженной и совершенно седой бородой; огромные солнцезащитные очки в пол-лица; замысловатые нашивки на выцветшем виридановом кителе. Почти двухметровый сикх одним лишь своим видом внушал почтительное уважение ко всем приверженцам сикхизма.

«Санчо Панса» развернулся на каблуках и, склонившись в три погибели перед грозным пенджабцем, сложил руки в молитвенном жесте и затараторил с новой силой:

— Достопочтенный господин пилот, добрых вам радостей и долгих лет жизни. Позвольте представиться: профессор биологии Секхар Чакрабати. Хотя профессором можете меня не называть. С тех пор как мне пришлось переселиться в индонезийский Банда-Ачех я оставил науку и преподавание...

Сикх снял очки и вопросительно глянул на Брижит. В его взгляде читался вопрос: Кто это такой?

— Господин капитан, — невозмутимо произнесла бортпроводница, — этот человек утверждает, что заявлен на наш рейс.

Глаза сикха округлились ещё больше.

— Вот именно, — встрепенулся профессор, — и я об этом! Я рассказывал вашей прелестной помощнице, что уже неделю служу личным гидом, секретарём, переводчиком и гувернёром у многоуважаемого господина Крофта и в этом качестве должен лететь с ним в Порт-Блэр. Всё законтраковано и оформлено должным образом. Я законопослушный гражданин и могу представить бумаги, — профессор полез в портфель, но пилот-сикх коротким жестом остановил его. — Сегодня утром мне поступил звонок из отеля «The Elite Grand» и администратор передал распоряжение господина Крофта прибыть ровно в это время и в это место с целью отправиться с господином и его семьёй запланированным маршрутом на ежегодный фестиваль по глубоководному погружению. Вы не думайте... я почётный член Индийского антропологического общества и отлично осведомлён о подводной флоре и фауне тех мест. Я всегда ответственно исполняю свои обязанности. Ещё в Университете Джхаркханда на кафедре биологической антропологии...

Дальше сикх не слушал. Он мягко, но решительно отстранил профессора в сторону, поднялся по трапу, взглянул на Ивана, затем на «терминатора», который, наконец, оторвался от изучения фото фешенебельных отелей, и сдержанно представился:

— Добрый день, господа. Моё имя Прэйтат Сингх. Я пилот этого судна.

«Терминатор» как и прежде, поднял вверх указательный палец, но на этот раз произнёс глухим утробным басом:

— Рой Гаррет.

Иван представился тоже.

— Мистер Крофт! — раздался радостный возглас профессора.

Чтобы лучше рассмотреть происходящее, Иван приподнялся в кресле. В пяти метрах от самолёта остановился белый сверкающий лимузин. Из него вышел темнокожий водитель в чёрной униформе, поспешно оббежал машину, открыл заднюю дверь и вытянулся по стойке «смирно». Из чрева авто вынырнула плешивая голова с венчиком рыжих коротко стриженных волос, а вслед за ней её владелец — низенький мужчина неопределённого возраста. Красная гавайская рубашка с синими цветами, бежевые шорты и кожаные сандалии на босу ногу за несколько тысяч долларов. Под выцветшими бровями недовольные белёсые глаза, в остальном вместо лица бледное незапоминающееся пятно. Водитель прикрыл дверь, отступил назад и проделал тоже с передней пассажирской дверью. На божий свет как Афродита из пены морской явилась высокая блондинка в теннисной двойке. Вьющиеся волосы, яркая губная помада и такое же, как и у спутника, недовольное выражение лица. На вид лет двадцать, двадцать пять — тот прекрасный возраст, называемый цветением. Красивые плечи, тонкие руки, два массивных кольца на пальцах, обтягивающая блузка и шорты в виде юбки выгодно подчёркивают округлости красивой фигуры. Держалась она одновременно и развязно и высокомерно. Такие гармонично смотрятся эскортницами на каких-нибудь светских раутах или элитных приёмах.

— Ты всегда поступаешь по-своему! — негодуя бросила она в никуда, хотя фраза, несомненно, предназначалась «гавайской рубашке». — Предложение Тома лететь на его личном аэроплане было как нельзя кстати. Так нет, ты опять за своё. Достала твоя подозрительность!

Тут она снизошла до поворота головы и окатила спутника таким леденящим взглядом, что холодно стало даже Ивану.

— Чтобы прощельга Том весь полёт рассматривал твои коленки? — ничуть не дрогнув, огрызнулась «рубашка», — а ты ему в это время улыбалась как на той вечеринке у Тиффани?

— Ха! О чём ты говоришь, Алекс? — фыркнула красотка. — Что за необоснованные намёки?

На этот раз её спутник промолчал, сделав вид, что ему всё итак понятно и говорить здесь не о чем, и сделал шаг навстречу Брижит.

— Галерист Алекс Крофт, — представился он с американским акцентом с такой же американской скромностью, с какой произнёс бы: «Я — Президент мира». — Это моя супруга Натали и мой сын Питер... — Он развернулся, ища взглядом: — Питер! Где ты?

Из лимузина выскочил мальчишка лет двенадцати в светло-синих джинсах и в ярко-голубой футболке с контуром дельфина и надписью «2000 Year of the Dolphin». Копна рыжих волос похожая на пересохшее сено, от подбородка до лба всё лицо в восхитительных веснушках, подвижные зелёно-жёлтые глаза подчёркивали бойкость натуры.

— Питер, — обращаясь к мальчику, грозно произнёс мистер Крофт тоном, каким родители рассерженные сторонними обстоятельствами вымещают злость на собственных детях.

— Что, па? — без тени смущения спросил мальчик. — Наташка опять выносит тебе мозг?

— Сколько раз повторять, не называй её так! — бледное лицо Крофта мигом сделалось оранжевым, а его спутница недовольно фыркнула и, закатив глаза, первой поднялась по

трапу.

— Гуру! — Мальчишка заприметил профессора Чакрабати стоящего поодаль от Брижит и приветственно замахал руками.

— Господин Крофт, — подал голос Чакрабати, — понимаю, это всего лишь досадное недоразумение, и вы без сомнения в два счёта разрешите сложившуюся ситуацию и как всегда всё расставите по своим местам, но... меня нет в списке пассажиров.

С последними словами профессорское лицо приняло страдальческое выражение, а руки привычно сложились в молитвенный жест.

— Наше судно рассчитано на пять пассажирских мест, — не переставая улыбаться, произнесла Брижит. — Полёт утвержден администрацией нанимателя и согласован с диспетчерами портов. — Она открыла кожаный планшет и прочла: — Месье Алекс Крофт, мадам Натали Юсупова, их сын Питер Крофт, месье Рой Гаррет и месье Иван Усик. Всё. Пять пассажиров. Никакого Чакрабати в списке не значится.

Крофт нахмурился. Минуту стоял, размышляя, затем повернулся к профессору и без единой эмоции произнёс:

— Значит, вы остаётесь.

— Но... — горизонтальный овал профессорского лица мгновенно вытянулся став вертикальным. Борода затряслась, глаза увлажнились, а рот принялся по-рыбьи хватать воздух. — Но ведь контракт...

— Расторгнут, — бросил Крофт и, потеряв интерес к собеседнику, ступил на ступеньку трапа.

— Папа! — раздался за спиной требовательный голос Питера. — Я остаюсь с учителем.

— Так! — Крофт нахмурил свои рыжие брови. — Не зли меня! Идём.

Но Питер не сдвинулся с места. Он крепко сжал ладонь профессора и решительно произнёс:

— Не ты ли, отец, настаивал, что мне нужен репетитор? Что с матерью я совсем обленился и скоро превращусь в последнего двоечника? Что в школе меня терпят лишь из-за твоих денег? А может ты нанял учителя Чакрабати, чтобы я не мешал твоим развлечениям с Наташкой? Зачем тогда ты взял меня с собой?

— Питер, — перебил сына Крофт, — ты же слышал, мест нет.

— Вот и славно, — улыбнулся мальчишка, — Я не лечу, и Наташка может занять целых два места.

Иван сквозь дверной проём, а Рой Гаррет в иллюминатор с интересом наблюдали за происходящим. Лишь Прэйтипа Сингха казалось, нисколько не касалась случившаяся перепалка. Наконец он поднялся с пилотского кресла и направился к выходу. Спустившись с трапа, отвёл Брижит в сторону, и девушка принялась пояснять причину задержки время от времени, указывая то в планшет, то на профессора Чакрабати, то на мальчика.

Сингх почесал седую бороду, посмотрел на Крофта.

— Мы можем взять вашего слугу, — сказал он, и Ивану показалось, что слово «слуга» было произнесено намеренно, дабы подчеркнуть статус американца. — У меня есть такое право. Это хороший самолёт. Перегруза не будет. Ваш сын невелик, да и багажа немного. Вот только ему придётся сидеть на полу. Господа, готовьтесь к вылету.

С этими словами хмурый сикх направился в кабину.

После короткого взлёта самолёт набрал высоту, и в салон вышла Брижит с подносом в руках:

— Господа, шампанское?

Гаррет поднял вверх указательный палец. Этот единственный имеющийся в его арсенале жест всякий раз обозначал абсолютно разное, но безальтернативно точное, конкретное и интуитивно читаемое желание. Исключительно армейская черта — излагаться короткими жестами или односложными фразами понятными на уровне подсознания. Взяв бокал, он благодарно кивнул.

Бортпроводница развернулась к Ивану и их глаза встретились. На мгновение губы девушки тронула лёгкая улыбка, а в зрачках мелькнула игривая искорка. Она нечаянно коснулась коленкой его бедра, тем самым вызвав неосознанный гормональный всплеск, и Иван машинально одёрнул ногу. Он почувствовал как покраснел, но несмотря на комичность ситуации, ничего не мог с собой поделать. Перед ним молодая, умопомрачительная девушка и влечение, так спонтанно и так неуместно в нём возникшее, невозможно было ни скрыть, ни обуздать.

Честно сказать, в свои двадцать семь Иван не был искущён в любовных делах. Крепкий на вид, при росте сто восемьдесят пять сантиметров, с серо-голубыми глазами и копной русых волос, он всё ещё был по-юношески застенчив и сторонился слабого пола. От не вовремя возникшего желания кровь ударила в голову, а пунцовая помада на приоткрытых губах Брижит напомнила случай девятилетней давности.

Шёл первый год учёбы в одесской мореходке. Дородной пышногрудой Катьке исполнилось двадцать, и была она на два года старше Ивана. Её чёрные как маслины глаза искрились чертилкой и были завораживающе прекрасны, как, кстати, и всё её дышащее желанием тело.

Познакомились они случайно в овощном магазине Катькиной матери — Ларисы Павловны и на худощавого Ивана, конопатого, с выцветшей на солнце русой, похожей на ядерный взрыв копной непослушных волос, миловидная одесситка немедля «положила глаз».

— Откуда ж такой морячок взялся? — игриво поинтересовалась она, взвешивая сочные, налитые южным солнцем помидоры.

— Белоруссия, — ответил Иван.

— Отож, — рассмеялась дивчина. — Білий як крейда.

— Нічого, ще почорнію, — улыбнулся в ответ Иван. За год учёбы он немного выучил украинский.

Так они познакомились.

Весь август Иван захаживал в овощной магазин за покупками, и вскоре случилось так, что не проходило ни дня, чтобы он не перекинулся парой фраз или многозначительными взглядами с дерзкой украиночкой.

Случилось это в начале сентября. Была пятница, конец учебной недели. Дело шло к дождю. Небо затянули тучи, сбив духоту ранней осени. Зайти в магазин Иван решил по дороге в экипаж. Катька стояла за прилавком и разглядывала себя в маленькое зеркальце пудреницы.

— Нравится? — завидев Ивана, спросила она, выставив «уточкой» большие густо на помаженные губы. Их кроваво-пунцовый цвет делал Катьку ведьмой из киноленты «Вий», но Иван промычал что-то одобрителное и с видом знатока услужливо кивнул. Он совершенно не разбивался в подобных вещах, а Катькины губы манили в любом виде.

В глазах дивчины вспыхнула сумасшедшинка:

— Поставлю тобі печатку!

Она склонилась над прилавком, да так, что старенький калькулятор «Citizen» жалобно крякнул под натиском её тяжёлой груди, и словно насосом впиалась губами в пересохший от морской соли Иванов рот. Округлившиеся глаза Ивана полезли на лоб.

Поцелуй продолжался вечность. Наконец Катька оторвалась с таким придыханием, что казалось, слышно было на другом конце рынка.

Иван застыл истуканом. Вдруг девушка схватила его на ворот и потащила через прилавок. На пол полетели калькулятор, блокнот, ручки и через секунду они яростно осыпали друг друга поцелуями. Раскрасневшаяся Катька была прекрасна. Иван пальцами ощущал, как под бархатной кожей клокочет неудержимый поток горячей молодой крови. Он не заметил, как они оказались в пропахшем квашеной капустой и тараканами овощехранилище.

— Шо ты, чёрт, робишь? — нехотя отстранила она Ивана. — Не тут, чумной...

Дивчина вырвалась из объятий, проворно подскочила к дверям, закрыла их на защёлку и потащила Ивана в маленькую тесную подсобку, где среди ящиков с огурцами и сетками болгарского перца они снова принялись целоваться.

Вдруг за железными воротами приёмки раздался громоподобный окрик:

— Ідіть геть! Мені нічого не треба!

— Маманя, — испуганно прошептала Катька и замерла. — Циць, — Она приставила палец к измазаным помадой Ивановым губам. В девичьих глазах страх боролся с невероятным энергетическим напором и безграничным желанием — состояние, какое наверняка испытывают на «американских горках».

Противно запищали несмазанные петли и за дверью послышались голоса, один из которых принадлежал хозяйке магазина Ларисе Павловне.

— Чего они ходять? Не дадут покою.

— Поставщики-крохоборы, твою мать.

Много позже Иван узнал, что лихие девяностые семья Катьки лишь благодаря тёте Ларе прожила в достатке. Что усилиями матери старшая Катькина сестра — Светлана Семёновна — стала старшим начальником налоговой, а средний брат Сашка окончил школу милиции.

Лариса Павловна, проработав половину жизни за прилавком винно-водочного отдела советского универсама, в перестройку «перековалась» во владелицу собственного овощного магазина. Себя она называла предпринимателем, но супруг её — Семён Иванович, а в простонародии Сенька — тридцать лет тому назад соблазнивший краснощекую Ларку на почве совместного бизнеса как раз в том же универсаме, называл жену не иначе как «моя бизнесвумен». Будучи с молодых лет таксистом, он «мутил бабки», приторговывая по ночам из багажника Ларкиной водкой-«неучтёнкой», и вскоре их совместное алкогольное предприятие переросло в крепкую постсоветскую семью, подарив стране трёх прекрасных детей — налоговичку, милиционера и любвеобильную Катьку.

То, что в доме всем заправляла Лариса Павловна, домочадцев вполне устраивало. Из-за хронического геморроя и усилившейся любви к «беленькой» папа-Сеня забросил

водительское ремесло и стал, как он сам выразился, «Ларыным бизнес-партнером», хотя по факту у хозяйки-Лары он числился «принеси-подай». В тонкости торговли Сеньке вникать было не по рангу. Ему нравилось «намутить бизнес», а всё остальное была не его забота. Хватало на то, чтобы за бесценок закупить подмороженной картошки, привядших кабачков или подгнившей капусты и за такой горе-бизнес Павловна частенько била мужа веником по его конопатой лысине. Тот не обижался, а с пониманием приговаривал: «Наше діло малэньке, обісцявся — стій, обтікай».

Но всё это Иван узнал позже, а в тот день, сжимая в объятиях горячую от возбуждения Катьку, он думал лишь об одном, как поскорее унести ноги.

В подсобке, за дверью звенели стаканы, грохотала посуда.

— Це надовго, — с горячим придыханием прошептала Катька. — Мамадя с тётей Любой прийшли розслабитись.

У Ивана похолодело нутро.

— Представляешь, мать, — после паузы, во время которой вероятно была выпита первая рюмка, раздался голос Павловны. — Я робила вдень і вночі тільки для дітей. Щоб вони людьми стали... Я, простий підприємець, але усім від мене щось треба. Торговля ніяка. Грошей нема. Доходу нуль. А ці завели шарманку: «Берите то, возьмите это». Тьфу, уроды. Усі хочуть поиметь. Хах... имелка ще не выросла!

При слове «имелка» Катька расстегнула Ивановы джинсы и широкой пятернёй ухватила за «хозяйство». Парень чуть было не взвыл, но горячая одесситка заткнула его рот поцелуем.

— Зла нема, Любаня, — ругалась Павловна. — І де ця шалава Катька? Віддам її за моряка, тоді гори все, хоч повигорай.

— За якого моряка? — гнусаво икнули в ответ.

— Є варианты.

— Є варианты, — сладким шёпотом повторила Катька, силой повалила Ивана на мешки с картошкой, уселась сверху и прижалась дрожащим телом. Опёршись руками о контейнер с капустными очистками, сначала медленно, а затем всё быстрее она заходила на Иване вверх-вниз. Дальше всё было как в тумане. Жаркое дыхание, девичий запах и безумный кураж вперемешку с животным страхом быть пойманным — запредельный чувственный коктейль хлестал через край, заставляя позабыть обо всём на свете.

А в подсобке всё также пили водку и раздавались голоса.

— В ящики складывай! В ящики! Аккуратно, ёпт...! Да что ж ты, черт безрукий! Ну! Вот так! — кричал кому-то на улице Катькин отец, дядя Сеня. — Здрасьте, девоньки!

— Здрасьте, забор покрасьте, — фыркнула в ответ Павловна. — Прикатил?

Катькины тазобедренные движения приобрели строгую системность. Вправо-влево, вверх-вниз... От наслаждения Иван закрыл глаза.

— Ага. Пора тормозуху менять...

— За чьи деньги менять будем, меняла? — зло прикрикнула опьяневшая Павловна. — Если все менять, поломаются кровать.

— А я чего? Я ничего, Ларочка. Как скажешь, так и будет.

Двигаясь на Иване как на необъезженном жеребце, Катька склонилась, прижалась щекой. Глаза её закатились, губы зашептали что-то нечленораздельное и Иван вдруг ясно представил себе как именно сейчас с дрожащих, опухших от поцелуев девичьих губ сорвётся страстный оргазмический крик. Он в ужасе обхватил разгорячённую дивчину руками, прижал к себе и впился пересохшим ртом в её пылающие губы.

И в этот миг всё случилось. Не издав ни звука, их тела затряслись в обоюдных конвульсиях, слившись в единую космическую элегию.

— Хазяин, сэтка падлюка дай, а? — раздался на улице молодой голос разнорабочего среднеазиатских кровей.

— Чего? — переспросил Сенька.

— Эх ты, неуч. Сетку под лук просит человек, — пояснила Павловна и прыснула пьяным смехом. — Ладно, п'ємо останню та пішли працювати.

* * *

— Не желаете выпить, месье Усик? — голос Брижит вырвал Ивана из воспоминаний юности.

— Я не пью, — отрицательно покачал головой Иван.

— Зря, — многозначительно цокнул языком Алекс Крофт. — Выпивка в полёте расслабляет. Отвлекает от ощущения высоты.

Брижит едва заметно повела плечиком, обворожительно улыбнулась и склонила поднос перед Крофтом. Тот принял бокал.

— Не напивайся, Алекс, — скривилась его спутница.

Крофт недовольно глянул в её сторону, но промолчал.

— Я бы тоже выпил, если можно, один бокальчик, — из глубины хвостового отсека раздался голос Чакрабати. Умопившись в позе лотоса ближе к санузелу на устланном ковром полу, профессор сошёл бы за медитирующего йога, если бы не живые смеющиеся бусинки его чёрных не по возрасту ясных глаз. Он явно был доволен разрешившимся вопросом с поездкой. — Без сомнения алкоголь активирует рецепторы гамма-аминомасляной кислоты, — проговорил он лекторским тоном, — которая в свою очередь притупляет действие глутамата — главного раздражающего медиатора нервной системы, что затормаживает реакцию на внешние раздражители и блокирует возбуждающие информационные потоки, расслабляя, отвлекая и успокаивая. Главное с алкоголем не переборщить. Не зря же человеческий организм реагирует на страх высоты полной мобилизацией ресурсов? Так он готовится к критической ситуации, если вдруг понадобится действовать быстро и эффективно, а воздушный полёт — это именно опаснейшая ситуация.

— Вы здесь, профессор, чтобы нас пугать? — ещё больше скривилась Натали.

— Ни в коем случае, госпожа, — затараторил Чакрабати. Голос его задрожал, а глазки опасливо забегали. — Я лишь поясню, как реагирует нервная система на опасн...

Тут он окончательно сконфузился и потупил взгляд.

— Мы не разобьёмся, — усмехнулся Крофт, допивая второй бокал с шампанским. — Сколько бы я ни летал, благодаря выпивке я точно знаю, что сяду благополучно.

— Ты хотел сказать «сядем», милый? — поправила его Натали.

— Бейби, — язвительно усмехнулся Крофт, — полети ты с Томом, тебя бы интересовало не «сядем», а совсем другое действие...

Натали выпрямилась и обиженно вскинула подбородок вверх:

— Том уж точно не топил бы свой страх перелётов в шампанском. Да у него и быть не может такого чувства как страх.

Крофт пропустил реплику мимо ушей и потянулся за третьим бокалом.

— Это лучший частный самолёт в Порт-Блэре, — произнесла Брижит, — а за его штурвалом опытейший пилот. Нам нечего опасаться, господа.

— Не стоит в самолёте рассуждать об опасности. В жизни и без того есть чего опасаться.

Это раздался голос «терминатора»-Гаррета. Низкий, утробный, с притягательной хрипотцой. Идеальный для провозглашения смертных приговоров. На присутствующих он произвёл действенное впечатление, и в салоне надолго воцарилось молчание.

— Гуру, глянь какое красивое море! — нарушил тишину Питер. Всё это время он, не обращая внимания на препирательства отца с мачехой, безотрывно разглядывал в иллюминатор бирюзовую гладь, раскинувшуюся от горизонта до горизонта.

— Это Бенгальский залив, господин Питер, самый большой залив в мире, — многозначительно пояснил Чакрабати. — И поэтому его можно смело назвать залив-море. В древние времена он именовался Маходадхи, что означает — океан.

— А там, куда мы летим, есть слоны?

— А как же, — рассмеялся профессор, — И поверь мне, очень умные слоны. А так же есть огромные черепахи весом с полтонны, есть лазающие по пальмам крабы, и даже есть крокодилы, живущие в солёной морской воде. Животный мир Андаманских островов уникален в своём роде.

— Раз это острова, значит, там должны быть и пираты?

— Шишья Питер! — профессор всплеснул руками, — мы живём в цивилизованном мире. О каких пиратах может идти речь в век компьютерных технологий? Грозные морские флибустьеры — юнцы по сравнению с современными информационными пиратами, выпускниками лучших мировых университетов. Так-то, господин Питер, дабы стать удачливым пиратом, нужно много учиться, учиться и ещё раз учиться.

— Попади на необитаемый остров, учёба не поможет, — мальчишка надул щёки, теряя интерес к разговору.

— Количество островов Андаманского и Никобарского архипелага более пятисот семидесяти, но вряд ли среди них остались необитаемые. Хотя неизученные ещё есть, и один такой лежит как раз на нашем пути. За всю историю существования современной цивилизации туда ни разу не ступала нога белого человека.

— Как такое возможно, гуру? — глаза Питера загорелись с новой силой.

— Удивительно, но факт, — продолжал профессор. — Речь идёт о Северном Сентинельском острове, и я непременно поведаю тебе его историю, но только позже и после посадки. А пока твоему гуру лучше помолчать некоторое время, дабы с ним не приключилась ненароком «морская болезнь». Мне сегодня совершенно не повезло позавтракать.

С этими словами Чакрабати сложил руки на коленях ладонями вверх, соединил большие и указательные пальцы вместе и, прикрыв глаза, принялся беззвучно напевать что-то наподобие мантры. Поняв, что история удивительного острова откладывается на потом, Питер разочарованно вздохнул и уставился в иллюминатор. Иван последовал его примеру.

Под крылом самолета, сколько хватало глаз, разлился голубой перламутр самого большого в мире залива. С высоты птичьего полёта он выглядел фантастично. Иван вглядывался в тонкую мареву горизонта, где ясное небо практически сливалось с водной гладью. В воздухе они пробыли уже больше часа, и вскоре должен был показаться архипелаг, чьи дикие воды, ещё недавно не знавшие людей, манили каждого уважающего себя

ныряльщика. В особенности Иван мечтал побывать на потухшем вулкане к северу от Бесплодного острова. Он много слышал о тех местах. Кристально чистая, богатая планктоном вода; огромные коралловые рифы протяжённостью в полкилометра в глубину; грандиозных размеров подводные обитатели, нисколько не опасющиеся человека: двухметровые тунцы; стада гигантских скатов манта; акулы-молоты. Мысли о дайверском рае погрузили Ивана в приятную полудрёму.

Из небытия Ивана пробудило странное ощущение тревоги. От хвостового отсека по салону пробежала Брижит. Поспешно прикрыла за собой шторку кабины пилота.

— Вы слышите? — напряжённо произнёс вышедший из медитации профессор, — мне это кажется, или действительно куда-то пропал гул двигателей.

Неожиданно в салоне погас свет и тут же раздался пронзительный женский визг:

— Алекс, что происходит?!

Крофт сделал попытку подняться, но в это мгновение самолёт резко рухнул в воздушную яму, и центробежная сила вдавила всех присутствующих в кресла. Спустя минуту полёт выровнялся. Из кабины показалась бледная Брижит.

— Не стоит беспокоиться, господа, — тусклый свет иллюминаторов высветил профессиональную улыбку на её обескровленном лице. — Прошу вас пристегнуться и не покидать своих мест.

— Папа, мы разобьёмся? — раздался в полумраке испуганный голос Питера.

— Что ты мелешь, дурак! — выкрикнула Натали. — Алекс, сделай что-нибудь!

— Да погодите вы... — Крофт вновь попытался подняться.

— Не дёргайтесь! — на его плечо легла тяжёлая ладонь Гаррета.

«Терминатор» упёрся предплечьем в затёкший жиром загривок обескураженного Крофта и бесцеремонно нагнул его лицо к коленям. Перегнулся через сгорбленную спину и, упёршись орлиным носом в иллюминатор, внимательно осмотрел турбину, расположенную над правым крылом.

— Эй, позвольте... — попытался было возмутиться Крофт, но Гаррет уже развернулся в противоположную сторону и оглядел турбину с левого борта. В его действиях читалась напряжённая сосредоточенность.

— Так и есть, — наконец констатировал он. — Двигатели издохли.

— Как это издохли? — вырвалось у галериста.

— Спросим у пилота, — Гаррет кивнул в сторону кабины и командно рявкнул: — Всем оставаться на местах!

Сделав три широких шага, он распахнул шторку кабины и из глубины раздался грозный выкрик:

— Во имя святого Нанака, сядьте на место!

— Спокойно, кэп, — невозмутимо произнёс Гаррет. — Поясни, что стряслось?

— Уважаемый мистер Гаррет... — начала Брижит, но «терминатор» красноречиво поднял вверх указательный палец, призывая к молчанию.

— У меня за спиной полторы сотни прыжков с парашютом, — сказал он, обращаясь к пилоту. — Я единственный из всех, кто в состоянии тебе помочь. Скажи, уважаемый бородач, в чём проблема.

Что-то мерзкое ёкнуло у Ивана в животе, заставив непроизвольно поводить взглядом над креслами и под сиденьями в поисках ниш с кислородными масками и отсеков со спасательными жилетами.

— Отказали оба двигателя, — хмуро пояснил сикх.

— Это я вижу. Какова причина?

Иван не видел пилота, лишь макушка его дастара высилась над спинкой

эргономического кресла, но вероятно, сикх ответил Гаррету что-то малоприятное, потому как тот только и смог выговорить:

— Да уж, дела...

После долгой паузы «терминатор» продолжил серию коротких вопросов, словно он находится не в бизнес-джете, а на военном самолёте, выполняющем боевую операцию:

— Скорость?

— Двести девяносто, — ответил пилот.

— Топливо?

— Две с половиной тысячи фунтов. Полный бак.

— Электропитание?

— Генератор питается от двигателей, которые... вы сами видите, молчат.

— Стало быть, нет электричества, нет связи с землёй и нет каких-либо мыслей, что делать? — Гаррет озадаченно почесал щетинистый подбородок, достал из кармана мобильный телефон и долго всматривался в экран. Затем разочарованно спрятал гаджет обратно. Иван проделал тоже со своим мобильником. Связи не было от слова совсем.

— Теряем высоту, — сухо произнёс сикх то ли Гаррету, то ли самому себе.

— Можешь перезапустить движки с помощью ВСУ?

— Господин осведомлён? — пилот хмуро хмыкнул. Затем недовольно процедил: — Да будет тебе известно, уважаемый сагиб, именно это я и пытаюсь сейчас проделать. Оживить вспомогательную силовую установку.

— И?

— Хвостовой генератор тоже мёртвый.

Говоря это, сикх в пол-оборота развернулся к Гаррету, и Ивану удалось разглядеть его лицо. Мышцы напряжены, на висках бусинки пота, разрез глаз сузился до крохотных щёлок. И без того смуглая кожа грозного пенджабца стала чёрной как смоль.

— Да что там происходит, дьявол вас побери?! — это из салона раздался нервный возглас Крофта.

— Прошу вас, господин Гаррет, пожалуйста, сядьте на место, — взмолилась Брижит. — Не стоит нервировать остальных.

«Терминатор» развернулся и поднял руки вверх.

— Господа, прошу внимания! — выкрикнул он тоном конференсье готового наконец-то представить публике лучший номер сегодняшнего вечера. — Из-за технических неполадок мы временно перешли в свободное планирование. Но уверяю вас, в этом нет ничего ужасного. Самолёт наш достаточно крепкий, лёгкий и хорошо управляемый. Это не сорокатонный Боинг какие бьются как орехи, а прекрасный манёвренный планер, и посему в самом худшем случае мы всего лишь спланируем на воду, вот и все дела. Выше нос, солдаты! Как-то в 90-м в Персидском заливе мне доводилось приводняться «на брюхо». Ощущение, скажу я вам, как на «русских горках». Сперва обдeldываешься от страха, а после обдeldываешься от радости, что остался жив, — и Гаррет рассмеялся, по-солдатски невесело и цинично. — И поскольку все мы приглашены на фестиваль глубоководного плавания, стоит полагать, здесь собрались достаточно умелые пловцы...

— Я не умею плавать, — раздался из глубины салона страдальческий голос Чакрабати.

— Гм..., - озадаченно хмыкнул Гаррет. И всё же профессорская реплика не сбila его с намеченного сценария. Лишь внесла некоторые коррективы: — Вы, гуру, можете положиться на меня. Не дадим науке пойти ко дну. — Затем он обратился к Ивану: —

Возьмёшь на себя мальчишку. Профессор и женщины — моя забота.

Он снова развернулся к кабине и, протиснувшись между пилотскими креслами, влез в неё чуть ли не целиком.

— Сможем сесть на воду? — спросил он с той невозмутимой уверенностью, с какой командир перед боем подбадривает бойцов риторическим вопросом: «Сможем надрать им задницы?»

— Через пять миль по курсу остров, — не отрываясь от мёртвых приборов, ответил пенджабец. — Если я не запущу тягу, постараюсь на холостом ходу дотянуть до суши.

— Приземление куда лучше приводнения, — со знанием дела произнёс Гаррет.

— Какое ещё приводнение?! — вышла из оцепенения Натали. С горящим взором, она набросилась на притихшего Крофта: — А я тебе говорила, Алекс, надо было лететь с Томом! Боже мой! Боже... Что теперь будет? Ты во всём виноват!

Её глаза были полны слёз, губы дрожали, а ярко-алые ногти по-кошачьи впились в подлокотники кресла.

— Успокойся, — рыкнул в ответ красный как рак Крофт и, шаря глазами в мигающем сумраке, позвал сына: — Питер, ты где?!

— Я здесь, папа, — раздалось из хвостового отсека. Мальчишка сидел на полу, прижавшись к профессору.

— Сядь на место и пристегнись! — гаркнул Крофт. Питер, молча, повиновался.

В салоне воцарилась тишина. Гнетущая, зловещая. Переполненная страхом, всеобъемлющим ожиданием наихудшего и крохотной надеждой на то, что слова «терминатора» об удачном приземлении окажутся пророческими. Никто из пассажиров не решался нарушить её, словно скажи он хоть слово и начнётся непоправимое, то, что уже не изменить. Каждый прислушивался к безмолвным двигателям и надеялся, что вот-вот они снова взревет привычным монотонным рёвом, и всё образуется. И можно будет облегчённо выдохнуть, расслабиться и традиционно поаплодировать пилоту за то, что он справился с ситуацией. И что всё случившееся окажется лишь минутным техническим сбоем, недоразумением и останется позади. И что в будущем этот досадный случай будет вспоминаться как счастливо завершившееся приключение. Но секунды подгоняли секунды, а двигатели, горделиво возвышающиеся над пилонами белоснежных как саван крыльев падающего самолета, как и прежде мертвецки молчали. Чернели погасшие электрические светильники, прерывистый свет иллюминаторов рвал на клочки сумрак салона, и лишь тихое завывание ветра слышалось в хранящих безмолвие турбинах.

— Остров! — вдруг раздалось из кабины.

— Если мы сядем на этот чёртов остров, я поставлю свечку Святой Милдрит.

Слова эти были произнесены англичанином едва различимо, почти шёпотом и с каким-то необъяснимым остервенением, но казалось, каждый присутствующий в салоне услышал их.

Иван приподнялся в кресле и из-за спины Гаррета заглянул в кабину. Самолёт уже спустился достаточно низко, и в широком фонаре фюзеляжа в обрамлении ясного вечернего неба виднелся быстро приближающийся пятачок, устланный вечно зелёным тропическим ковром.

— Куда? — пробасил Гаррет. — На пальмы? На песок?

Пилот молчал. Лицо его стало каменным изваянием. Одна рука на штурвале, вторая на рычаге элеронов. Прямая спина, собранный взгляд. Сикх словно растворился в собственном

внимании.

— Месье Гаррет... — умоляюще произнесла Брижит.

— Погоди, — отмахнулся тот.

— Попрошу вас, сядьте на место!

На этот раз в голосе девушки зазвучал металлический звон и безграничная решимость добиться исполнения своего требования. Не сказав ни слова, «терминатор» повиновался.

Брижит вышла в салон, отряхнула от несуществующей пыли юбку и идеально поставленным голосом обратилась к пассажирам:

— Господа, сохраняйте хладнокровие. Истерика — первый враг в полёте. Вам не стоит беспокоиться. Экипаж контролирует сложившуюся ситуацию. Планирование на короткую посадочную полосу самолетов HondaJet — обычный штатный манёвр и входит в курс подготовки пилотов экстра-класса, таких как капитан Сингх. Прошу вас, господа, снять все украшения с шеи, ушей, груди и рук. Также прошу снять обувь. Пожалуйста, пристегнитесь ремнями безопасности, склонитесь к коленям и обхватите сверху голову ладонями. Вас же, профессор, я попрошу лечь плашмя на пол и, как и все, прикрыть голову руками. Уверяю, всё кончится хорошо.

Девушка стояла к Ивану боком и так близко, что Иван отчётливо различил запах её духов. Стройная фигурка, руки «по швам» — звонкий натянутый нерв. Он заметил, как дрожат её длинные пальцы, как покрылись «мурашками» икры её красивых ножек, как всё тело её трепещет от желания верить тому, что она вынуждена была сейчас говорить им всем.

Но прежде чем проделать то, о чём сказала Брижит, Иван в последний раз заглянул в кабину пилота. Тёмно-зелёный остров теперь занимал всё обозримое пространство «фонаря». Прямо по курсу виднелась укатанная жёлто-коричневая полоска насыпи, а за ней сливающаяся с небом синь залива. Иван не видел лица сикха, но потусторонним чутьем ощущал, как готовый ко всему пилот взглядом вгрызся в жёлто-коричневую полоску, протяжённостью не более полторы тысячи футов и отчётливо понимал, совсем скоро эта полоска дикого песка либо станет для них спасением, либо их общей могилой.

* * *

В салоне стало темно и жутко.

— Мама, мамочка! — вскричала Натали, тщетно пытаясь застегнуть ремень безопасности. Пальцы её не слушались. Справиться с замком помог Гаррет.

На полу, прикрыв ладонями лицо, тихо молился профессор.

— Эй, бойцы! Делай как я! — гаркнул Гаррет, призывая обоих Крофтов, отца и сына, склониться к коленям и обхватить голову руками. Те, пристёгнутые в креслах, последовали его примеру.

Удар слева тут же превратился в пронзительный скрежет — левое крыло коснулось пальмовых ветвей. Самолёт накренился в сторону удара, на мгновение захватив противоположными иллюминаторами синеву неба, несколько раз качнулся как кукла-неваляшка, задрал нос и чиркнул хвостовой частью о землю. Обшивка загудела так, будто это был не самолет, а бочка по которой что есть силы жажнули кувалдой. Фюзеляж затрясло, забило мелкой дрожью. Нос накренился вперёд.

— Я не хочу умирать! — раздался истеричный фальцет Натали.

Разбивая пальцы в кровь, девушка рвала на себе ремень, стремясь высвободиться.
— Успокойся, Ната... держи себя в руках... — кричал Крофт, не поднимая головы.

Но Натали словно обезумела. Визжа и изрыгая проклятия, она извивалась как змея в огне, пытаясь избавиться от удерживающих её пут, в то время как алюминиевый остов самолёта в свою очередь визжал так же противно и страшно, угрожая вот-вот распасться на куски.

Вдруг истерику прервал хлёткий хлопок. Это Гаррет отвесил Натали звонкую оплеуху и заставил её замолчать, лишив сознания.

— Да что ты себе позволяешь... — побагровел Крофт и потянулся к Гаррету руками.

— Отгребёшь вдогонку за своей бабой! — демонстрируя литой кулак, прорычал «терминатор» да так убедительно, что галерист непроизвольно одёрнулся и весь вжался в кресло, уменьшившись даже в размерах.

— Так-то лучше, — удовлетворённо буркнул Гаррет и по-фельдфебельски гаркнул, брызжа слюной: — Лицом к коленям! Руки на голову! Живо!!!

И тут всё тело Ивана рвануло вперёд так, что ремень острым плугом врылся в живот и бёдра. Вероятно, шасси скользнуло по насыпи. Тряска, скрежет метала, и самолёт снова взметнулся вверх. Ивана как на батуте подкинуло к потолку, и тут же придавило вниз. Затем ещё, и ещё раз — дьявольская пляска Витта. Иван машинально ухватился за поручень, но пальцы лишь скользнули по мокрой коже.

Он поднял голову и открыл глаза. На миг перед его взором завертелся красочный калейдоскоп. Точечные всполохи в темноте. Весь спектр кружился перед глазами как разноцветная детская юла, а в центре этого беспощадного танца света и тьмы явственно прослеживалось мерцание красной статичной точки над шпангоутом кабины пилота. Ни единого лучика не пробивалось сквозь залепленные смесью листвы и песка и оттого чёрные как смоль иллюминаторы. Рваный свет лился лишь из фонаря фюзеляжа навстречу движению, освещая кабину. Крылья шумно лизали манговые заросли, остов осыпал песчаные вихри, и весь этот доносившийся снизу страшный гул рождал ощущение разверзшегося под ногами Ада.

Начинку салона и притороченных к креслам несчастных пассажиров трясло так, будто сам Господь вознамерился сбить из них коктейль в своём огромном небесном шейкере. И только пилот-сикх не вписывался в эту смертельную карусель. Серыми, будто выточенными из мрамора руками он, что есть силы, удерживал непокорный штурвал. Всё выглядело так, будто происходящее вокруг пенджабца происходит в иной реальности. Он ничуть не переменился в лице. Уверенная поза, сосредоточенность и полный контроль над отточенными ювелирными движениями. Едва подав штурвал вперёд, сикх направил кабину вниз, и новая порция резонансных толчков проверила на прочность обшивку аэроплана, точно он брюхом прошёлся по поверхности стиральной доски.

Руки Ивана коснулась чья-то горячая рука. Над поручнем показалось окровавленное лицо Чакрабати. Профессор был без головного убора. Чёрные струи прорезали его лоб вертикальными полосами. Иван крепко ухватил профессора за запястье, протянул под ремнём безопасности и обмотал локоть старика, чтобы удержать рядом с собой.

— Всё будет хорошо... — прокричал он по-русски, но вряд ли профессор расслышал эти его слова. Глаза зажмурены, губы шепчут молитву.

И вдруг последний толчок вперёд такой неистовой силы, что его едва выдержали кронштейны кресел...

А после всё стихло.

Пространство тонуло в тишине, сотканной из трёх частей. Из звенящего гула, схожего на быстрое погружение, когда вода и давление закладывают уши; из утробного холода в паху, словно падаешь с невероятной высоты в бездну, и нет никакого спасения; и из понимания, что если смерть именно такая, то перечисленные выше ощущения должны были бы быть иными, не столь приземлёнными. Едва Иван подумал об этом, как голова взорвалась настолько адской болью, какая не может случиться у мертвеца. Под темечком дико гудел рой растревоженных ос. Иван едва сумел сдвинуть ладонями виски и свернуться в комок, отдалённо напоминая позу эмбриона, как к горлу подкралась блевотная тошнота. Глубоко втянув ртом воздух, он с трудом подавил рвотный спазм и протяжно по-стариковски закашлялся. И собственно этот горько-кислый кашель, как ни что более подтверждал, что он, Иван, до сих пор жив.

По векам саданули солнечные лучи — это Гаррет откинул трап-дверь наружу. Вывалившись в проём всем телом, он на минуту заслониł широкой спиной поток света, а затем легко спрыгнул вниз и исчез в светло-зелёном мареве.

— Эй, вы! — крикнул откуда-то извне. — Спускайтесь! Я помогу!

Между креслами протискивались две серые фигуры — это Крофт тащил к двери сомлевшую Натали. Руки её болтались, голова раскачивалась из стороны в сторону, ноги заплетались как после долгого перепоя. Один тufель слетел с её ступни, второй навсегда лишился каблука.

— Питер, помоги же... — выдохнул обессиленный Крофт, подтягивая жену к двери за подмышки.

Мальчишка, даже в такой страшной ситуации юркий каким был с первых минут полёта, проворно опустился на колени и одну за другой свесил ноги мачехи наружу.

— Давай-толкай! — подгонял снизу Гаррет. — Я её держу!

Тело Натали постепенно растворилось в солнечном свете проёма, а следом и сын с отцом проделали то же самое, но уже без посторонней помощи.

Салон, перерезанный пополам яркой солнечной полосой, выглядел как пыльный чердак старинного дома, в котором впервые за много лет распахнули фрамугу. Хвостовой и носовой отсеки тонули в сумраке, зрение различало лишь попавшее в чётко обозначенный трёхмерный светлый куб между дверью и Ивановым креслом. На белоснежной коже подлокотника чернел отчетливый ряд кровавых полос. Иван машинально ощупал себя. Нет, это не его кровь.

«Профессор!» — стрельнуло в гудящей голове. Парень пошарил глазами по полу, несколько раз зажмурился и расплющил веки, кулаком протёр слезящиеся глаза и кое-как приспособился к полумраку салона.

Чакрабати смиренно восседал на полу в позе лотоса, опёршись спиной о дверь санузла. На нём вновь был тюрбан. Умиrotворённое лицо, руки сложены в молитвенном жесте. На лбу и щеках кровавые разводы, но теперь они не пугали как минуту назад — омытое собственной кровью лицо старца походило на лик Будды.

В кабине застонала Брижит. От удара шторку перекосило, и Иван мог видеть лишь голову девушки. Волосы её рассыпались на лицо.

Иван с лёгкостью выломал изуродованную шторку, подsunул руку под плечи девушки и

приложил ухо к её груди. Подпряно пахнувшей кожей различались мерные удары сердца. Тревога отступила.

Брижит снова застонала. Иван миготом отстранился. Осмотрел на предмет повреждений. Восковое лицо, размазанная по щекам помада, мелко вздрагивающие ресницы.

Она открыла глаза, и Иван почувствовал прилив облегчения.

— Ты как? Жива? — спросил, не зная, отпускать её или продолжать держать.

— Oui, — тихо произнесла Брижит по-французски, прикрыла веки, и щёки её окрасил едва различимый румянец.

Сердце Ивана заколотилось. Он понимал, с девушкой всё в порядке, но ему ничуть не хотелось выпускать её из своих рук. Пауза затягивалась.

— Трудно дышать? — то ли спросил, то ли констатировал он. — Сейчас станет легче, — и он принялся торопливо развязывать форменный шарф, туго стягивающий девичью шею.

И тут Брижит бесцеремонно и сильно оттолкнула его от себя. Её глаза вспыхнули, будто Иван сделал что-то выходящее за рамки приличия. Она потрогала шарф и, убедившись, что он плотно охватывает шею, сменила спонтанный гнев на милость.

— Помоги капитану, — мягко сказала она, указывая в сторону сикха.

Кэп был без сознания. Пилотское кресло, наполовину вырванное из основания кабины, завалилось вперед, и тело пенджабца, удерживаемое ремнями как натянутыми тросами, нависало над приборной доской. Рукояти штурвала упёрлись ему в грудь, словно бычьи рога, нанизавшие тореадора, перед тем как сбросить наземь.

Обеими руками Иван ухватился за спинку кресла, упёрся ногами в консоль приборной доски и потянул конструкцию на себя.

— Живые есть?! — раздался снаружи голос Гаррета.

— Сюда! — позвал Иван.

Спустя минуту, в арке показалась взлохмаченная голова «терминатора». Мгновенно оценив ситуацию, он по-военному отчеканил: — Понял, — и как крючками, пальцами вцепился в обивку лётного кресла.

— И-и-и... раз! — скомандовал он.

Четыре мускулистые руки потянули массивное кресло. Скрежет дюралюминия, хруст пластмассы, но кресло ни на йоту не сдвинулось с места.

— Пробуем качками, — предложил Гаррет. — Как перетягиваешь канат.

Иван кивнул.

— И-и-и... раз! И-и-и... раз! — равномерно считал он по-английски и на каждый счёт на его руках вздувались вены, мышцы каменели, а пальцы рвали обивку.

Едва кресло поддалось, Брижит сумела высвободить штурвал.

— Крови нет... — с облегчением сказала она.

Пенджабец не издавал ни звука, и всё-таки он был жив. Иван вплотную приставил ладонь к его губам и ощутил едва различимое дыхание.

— Аккуратней, — взмолилась Брижит.

— Спокойно, девочка, — успокоил её Гаррет, — Этого парня всенепременно есть за что спасать.

Навалившись всеми силами на неподатливую конструкцию, мужчины, в конце концов, справились с поставленной задачей.

— Так держать, боец, — подмигнул «терминатор» Ивану. — А ну, приготовиться.

Брижит ослабила ремни, и тело пенджабца медленно сползло прямо в подставленные мужчинами руки.

Они аккуратно спустили раненого с самолёта и уложили на траву, предварительно подложив под голову Иванову сумку с гидрокостюмом. Гаррет расстегнул пилотский китель — вся грудь сикха выглядела сплошной бурой гематомой.

— Вероятно, переломаны рёбра, — тоном знатока констатировал Гаррет.

Иван встал и впервые оглядел место, куда их занесло божье провидение. Песчаная гряда показалась ему необычной. Неестественно ровная, с тремя параллельными колеями-залысынами, укатанными вдоль всей насыпи как просёлочная дорога на родине. Между ними, словно кем-то высаженная, грядками буйствовала трава, но сами песчаные полосы были почти нетронуты тропической флорой. Слева шумели заросли падука и чоя, справа прибрежная полоска песка в четверть мили и дальше синева океана. И ещё лёгкий свежий бриз, какой бывает по утрам, предвещая хорошее начало дня.

Иван невесело ухмыльнулся ветру. Да уж, хорошенькое начало.

Из самолёта показалась голова Чакрабати.

— Шишья Питер! — радостно вскричал профессор. — Дай мне тебя обнять! Кришна внял моим молитвам!

Мальчишка бросился в распростёртые объятия старика.

Все занялись делом. Крофт приводил в чувство Натали, Брижит перевязывала разбитую голову профессора, а Гаррет осматривал окрестности. Иван тоже не остался без дела. Он обошёл самолет вокруг и внимательно осмотрел его. На вид «хонда» выглядела неповреждённой. Лишь содранная краска вдоль днища и по левому крылу, да пару сбитых сигнальных фонарей хвостового оперения. И главное — шасси совершенно не просели в песке. Аэроплан возвышался гордо и величаво, также как и час назад в Чиннайском аэропорту.

— Мистер Гаррет! — позвал Иван, впервые обратившись к «терминатору» по фамилии.

— Зови меня Рой, — махнул рукой англичанин. — А тебя как величать?

— Иваном, — ответил Иван и продолжил: — Мистер Рой...хм... Рой, вам не кажется, что это не приливная гряда, а самая настоящая мощёная дорога? Вы только посмотрите.

— И то верно, — согласился Гаррет. Он подставил ладонь козырьком ко лбу и внимательно разглядывал место посадки. — Видно, что здесь побывали колёса. Неужели мы дотянули до Адаман? Это радует. Стало быть, дождёмся тех, кто этой дорогой пользуется и всё окей?

Все вокруг услышали эти слова, и лица их посветлели. Вот так рождается надежда.

— Значит, всё удалось? — срывающимся голосом переспросил Крофт. — Ты слышишь, Наташа? Мы живы и мы... как вы сказали? Мы дотянули! Так... — он поднял руку с телефоном: — Здесь должна быть связь, — и вскочив на ноги, в попытке поймать сеть, размашисто побежал вдоль насыпи с поднятым гаджетом в руке.

— Небо сжалилось над стариком, — благодарно шептал профессор.

— Мистер..., - Натали, прикрывая пунцовую от оплеухи половину лица, обратилась к «терминатору». — Спасибо вам... и пилоту, надеюсь, с ним всё обойдётся. И вам, — последнее она адресовала Ивану.

— Когда я расскажу об этом в школе, все обзавидуются! — запальчиво прокричал Питер и тут же посерьёзней: — Вот только что случилось с двигателями?

— Да какая разница! — махнул рукой Гаррет. — Главное, мы живы и рядом с дорогой,

по которой ездят люди. Это же дорога, верно? — сам у себя спросил он, и сам же ответил: — Такое приливу не по силам.

Все дружно засмеялись. И словно эхо вторило Рою Гаррету, глухо прозвучал голос сикха:

— Вы правы, такое приливу не под силу.

Очнувшийся он приподнялся на локтях и с отвращением таращился на «дорогу». У него не было лица. Вместо лица маска вуду. Чёрная, будто измазана пеплом. Морщины на лбу превратились в рытвины. Клочковатая борода слилась с угольными щеками и только белки взбешенных глаз белели, излучая ненависть к тому месту, куда они были направлены.

— Такое по силам только людям, — не своим голосом вещал сикх. — Вернее солдатам, двое из которых мертвы, а третий сейчас перед вами. Не могу поверить, что такое может повториться дважды.

Все пораженно уставились на пилота.

* * *

Пенджабца бил озноб. И без того обветренное лицо его совершенно задубело, а в глазах застыло страдание. Голос его звучал натужно, с хриплым присвистом. Вероятно, сломанное ребро повредило лёгкое. Он говорил долго и тяжело, но видимо то, чем сейчас делился сикх с горсткой своих случайных попутчиков, до этой минуты не рассказывал ещё никому. Рассказ его был сбивчив, прерываем тягучими болезненными паузами и местами достаточно путан, но если сложить всё вместе, вот как выглядела поведанная им история.

Случилось это тридцать лет назад, в начале семидесятых, когда пакистанские самолёты предприняли ряд превентивных ударов по северо-западным авиабазам ВВС Индии.

Курсант штурманских курсов Прэйтип Сингх служил без году неделя и мог не лететь в ту ночь. Но опыт боевого бомбардирования — это не учебный вылет. Такому на тренажёрах и полигонах не научиться. К тому же парень был молод, горяч и месть за смерть товарищей по оружию считал делом чести.

Над Бенгальским заливом их штурмовой бомбардировщик обстреляли с моря. Отказал левый двигатель, «издох» генератор вместе с приборами навигации и машина потеряла ориентирование. Оставалось два варианта: продолжать полёт «в тёмную» и на одном роллс-ройсе в надежде дотянуть до авиабазы либо искать место для аварийной посадки.

На рассвете, когда «под крылом» показалась береговая полоса, радости экипажа не было предела. Было решено садиться. Дабы найти подходящее место для посадки пришлось сделать несколько подлётных манёвров и сбросить весь бомбовый запас в океан, пока лучи восходящего солнца не высветили по курсу намытую приливом грядку. Посадка выдалась тяжёлой. Самолёт едва не развалился надвое. От гасившего скорость многочисленного тейлстрайка загорелся хвостовой отсек, но быстро был потушен. Спасло форсированное торможение единственным двигателем. Но из-за того, что при приземлении неимоверно тянуло влево, выгнулась передняя стойка шасси, повредился гидропривод, и заклинило левый элерон. И всё же, экипаж остался жив.

Три дня они продирались сквозь тропический лес на восток пока не вышли к противоположному берегу. Тогда-то они поняли, что находятся на острове. А спустя неделю безуспешных поисков следов цивилизации выяснилось, что остров этот либо полностью

необитаем, либо не имеет никаких контактов с «большой землёй».

— Что вы хотите этим сказать? — не выдержав напряжения, впервые за всё время рассказа прервал сикха Крофт.

— Именно то, что сказал, — бесстрастно ответил тот. — Мы решили не ждать чуда, а выкарабкаться собственными силами, пока они у нас ещё оставались. Повреждения самолёта оказались незначительными. Благо, военное судно оснащено необходимым инструментом. Мы подложили под фюзеляж срубленные деревья и, используя их как домкрат, вытащили увязшие в песке шасси. Затем мы выправили переднюю стойку, починили заклинивший элерон и привели в порядок топливопровод левого двигателя, перебитый снарядом пакистанской зенитки. Через две недели самолёт был готов. Оставалось дело за невыполнимым, а именно за «взлёткой».

Ночами на самодельной телеге мы свозили сюда сырую мангровую глину и, мешая её с илом, до утра мазали заранее уложенные вдоль хода шасси пятифутовые ряды из стянутых лианами и утрамбованных в песок пальмовых стволов — их мы рубили неподалёку — чтобы дневное палящее солнце превратило наш ночной труд в монолитный настил. Мы пили дождевую воду, питались корой и корнями, поочерёдно переболели малярией, но, не прекращали работу. Когда наш бомбардир Раджиш Арора повредил ногу, ему пришлось ползать на брюхе, чтобы глинистым раствором шпаклевать щели между бревнами, вкопанными мной и командиром. Так за десять мучительных месяцев мы соорудили полторы тысячи футов этой чёртовой «дороги». Она и до сих пор здесь, занесённая песком. При посадке я чувствовал её. Каждое бревно чувствовал! Каждый стык, дьявол его дерит!

К середине своего повествования пенджабец едва не задыхался. Ему приходилось выдавливать из себя каждое слово. Фразы его сделались бессвязными, лицо налилось кровью, глаза вылезли из орбит. Борода вздыбилась торчком, как павлиний хвост. Ему стало совсем невыносимо дышать.

— Дайте воды, — попросил он.

Чакрабати подал банку Спрайта, а Брижит приставила её край к пересохшим губам пенджабца. Тот сделал несколько глотков и благодарно прикрыл веки.

— Вряд ли я что-либо понимаю, — в полголоса произнёс Крофт.

— Ясно то, что этот парень знал, где садиться, — также тихо сказал Гаррет. — Теперь осталось понять, что со всем этим делать дальше.

— Когда, наконец, мы укрепили грунт, — продолжил сикх спустя долгую паузу, — пришло время готовиться к взлёту. Мы сняли с самолёта всё лишнее, максимально облегчив вес. Разобрали бомбовый отсек, убрали ряд ненагруженных лонжеронов, сгрузили кислородные баллоны, фотокамеру фиксации бомбометания, пустой топливный бак, оставили лишь полный дополнительный, и даже избавились от кресел бомбардира и штурмана. И хотя бросить оружие нам грозило трибуналом, мы всё же демонтировали контейнер с пулеметом и избавились от всех четырёх двадцатимиллиметровых пушек каждая весом почти двести фунтов с нерастраченным боекомплектом по пятьсот патронов на каждую. Мы раздели нашу «птичку» догола как уличную девку.

Сикх криво улыбнулся собственному похабному сравнению, полностью противоречащему его вере, и снова зашёлся натужным кашлем. На этот раз пауза продлилась довольно долго, и было видно, сколь болезненным был его кашель.

— Господа, — наконец прошептал он, — я и так поведал вам всё самое важное. А теперь дайте мне отдохнуть и набраться сил. Мне надо встать самому на ноги и поднять «на

ноги» наш самолёт. Как вы уже поняли, это единственный путь к спасению. Если нам тогда удалось поднять в воздух тяжёлый бомбардировщик, то этот «воздушный самокат» выстрелит как из пращи. Надо лишь найти причину поломки. А пока ступайте на юго-восток. Через полмили увидите холм, у подножья скальное плато, там хижина. Надеюсь, наша постройка не сгнила за столько лет. Отведите туда женщин.

С этими словами он умолк и закрыл глаза.

— Погодите, — глаза Натали, все в разводах размазанной туши, отражали крайнее удивление. — Он хотел сказать, что по этой дороге никто не приедет?

— Чёрти что! Глупость какая-то! — горячо вопил Алекс Крофт, расхаживая взад-вперёд. — Этого просто не может быть! Как тебе это нравится, Натали? Сумасшедший индус уверяет, что мы на необитаемом острове, а все слушают и внемлют, раскрыв рты. Ха-ха! Представляешь? На необитаемом острове! Да он спятил, господа? Вначале ломается его проклятая «этажерка» а после всего, что мы с вами тут пережили, он выдаёт нам такой анекдот!

Багровая лысина галериста покрылась мелкими бусинками пота. Щёки его отвисли и подпрыгивали при каждом шаге, будто края подтаявшего пудинга.

— Ай, да ну вас! — всё больше распалялся Крофт, игнорируя просьбы не беспокоить своими криками раненого. — Нет, нет и ещё раз нет! Нам надо, если я верно понимаю... — он поднял глаза к солнцу, замысловато повертел пальцами в воздухе, пару раз щёлкнул языком и указал рукой куда-то вдаль: — Туда! Натали, Питер, собирайтесь! Где наши вещи?

С этими словами американец по-мальчишески подбоченился и, качаясь как пингвин, мелкими шажочками посеменил к самолёту. Никто не сдвинулся с места.

— Объясните мне, что происходит? — не обращая внимания на истерики мужа, подала голос Натали.

— Мы на необитаемом острове, госпожа, — без единой эмоции произнёс профессор Чакрабати. — По крайней мере, так уверяет нас пилот.

— Ерунда! — с дорожной сумкой через плечо и с чемоданом в руке в дверном проёме показался Крофт. — Разве вы не видите? Это Национальный парк Махатма Ганди Марин. Я знаю, что говорю. Где-то у меня был их рекламный проспект.

— Да погодите вы пороть горячку, — с уверенным спокойствием вмешался Гаррет.

— Именно, — согласился с ним профессор. — Верить на слово так же антинаучно, как и огульно отвергать то, что теоретически может оказаться правдой. Для справедливого решения нужны либо стопроцентные доказательства, либо такие же стопроцентные опровержения.

— Эй, Джонни, за мной! — крикнул Гаррет Ивану. — Наука дело говорит.

Они поднялись на настил, спинами встали к передней стойке бизнес-джета и внимательно осмотрели место посадки. Иван присел на корточки и ладонью загрёб бледно-серый песок. Мелкие зернинки струйками потекли сквозь пальцы. Грунт из такого пылеватого песка бывает достаточно плотным. Застели верхний слой естественным покрытием и получится добротная лежнёвка. Выросший в лесном краю, Иван имел представление, как выглядит лежнёвая дорога. Заготовительные бригады лесничеств обычно выкладывали просеки срубленным тут же некондиционным лесом. Такие «деревянные» дороги — широкие и основательные, бревно к бревну — выдерживали тяжелую технику и при определённых условиях вполне могли простоять лет тридцать. Но были и щербатые, сделанные наспех.

И всё-таки поверить, что троим летчикам, удалось вручную выложить лежнёвку без навыков и необходимого инструмента, да ещё на необитаемом острове? Вряд ли набор инструментов штурмового бомбардировщика оснащён топором и двуручной пилой. Хотя нельзя исключить, что по непальской традиции пилоты «Быстрых пуль» носили при себе армейские ножи, и не расставались с ними даже в воздухе, как гуркхи со своими кривыми

кукри. И если те ножи ко всему были ножами боуи, такой клинок мог с лёгкостью срубить пальмовый ствол толщиной с ногу годовалого телёнка.

Но всё-таки что-то во всём этом было неестественно мистическое.

— Уверен, ты Джонни, как и я, гадаешь, если услышанное — правда, каким образом эти парни провернули такую мудрёную операцию? Не голыми же руками они закапывали брёвна? — Гаррет опустил след за Иваном и пошарил руками по песку. — Хотя боевой самолёт — не гражданский. Как-то в Кувейте мой сержант выиграл в карты у одного бельгийского пилота лётный набор для выживания. Скажу тебе так, кроме минигорелок, компаса и ракетницы в нём была даже складная лопата. Оп-па! — он замер. Его руки по запястья утонули в песке. — А ну-ка помоги...

В четыре руки они принялись выгребать песок и вскоре их труды увенчались успехом — на глубине в пол локтя пальцы упёрлись во что-то твёрдое. Спустя полчаса работы их взору представился почерневший от времени, прогнивший в нескольких местах, но всё ещё довольно крепкий настил из пальмовых деревьев. Нетолстые, диаметром с пивную банку стволы, плотно подогнанные друг к другу, представляли собой настоящую тропическую лежнёвку.

— Ширина в полтора шага, — прикинул Гаррет, выпрямляясь и вытирая вспотевший лоб. — Ровно столько, чтобы не соскочило колесо шасси.

— Это ничего не означает! — услышал Иван за спиной голос Крофта. — А из чего, по-вашему, в национальном парке местные аборигены должны строить дороги? Не из бетона же? Именно из пальм и строят. Я и не спорю — это дорога! Дорога в Порт-Блэр! Вот, тут написано...

В руке Крофт держал пёстрый рекламный буклет. Он уткнулся близорукими глазками в мелованный листок и громко прочёл:

— «...наш парк расположен в 29-ти километрах от столицы Андаманских островов...» Так-так, вот ещё: «...девственная природа... живописные пустынные пляжи...не ступала нога человека...». Слышите? Слышите вы, чёрт бы вас всех побрал!

Галерист был крайне возбуждён. В таком состоянии его и без того нескладная фигура выглядела уж совсем карикатурно. Из овального туловища как ветки из пугала торчали худые конечности, а обрамлённая коротко стриженным венчиком голова была насажена прямо как гуля на картофелине и, похоже, без использования шеи. Гавайская рубашка его потеряла нижнюю пуговицу, и из прорехи проглядывал белый как известь живот. Багровое лицо лоснилось от пота, глазки бегали как пойманные в стеклянную банку две зелёные мухи.

— Возможно, вы правы, — кивнул Иван. — Пока наша находка ничего не доказывает.

— Конечно, прав! Кто бы сомневался! — петухом вскричал Крофт, и, развернувшись, нашёл глазами жену и сына. — Идём, дорогая! Питер, поднимайся!

Мальчик вопрошающе смотрел на профессора Чакрабати.

— Господин Крофт, — сказал индус, верно расшифровав взгляд мальчика. — Вы уверены, что Порт-Блэр именно в той стороне, а не в противоположной?

— А вас никто не спрашивал, — не задумываясь, огрызнулся американец.

— Дорогой, вряд ли я дойду до того поворота, — поддержала профессора Натали. — Не лучше ли нам подождать какое-нибудь авто? Если это дорога, по ней должны ездить автомобили.

— Молчи! — перебил её галерист. Нервы его были на пределе.

— Всем оставаться на своих местах! — приказал Гаррет таким тоном, словно

нарушителя этого решения, принятого им единолично и за всех, неминуемо ждала смертная казнь через расстрел.

Питер вцепился в профессорскую руку, всем видом показывая отцу, что без Чакрабати он не сдвинется с места. Измотанная пережитым госпожа Крофт восседала на чемодане в царственной позе. Брижит мало интересовала возникшая перепалка. Иван же разглядывал пальмовый настил, всё больше убеждаясь, что вряд ли когда-либо его касались колёса, как выразилась Натали, «какого-нибудь авто». Для автомобильных мостов, даже для большегрузных самосвалов нетронутые травой колеи были слишком широки. К тому же их было три — идеально для шасси какого-нибудь бомбардировщика и совсем не практично для автомобиля.

— Идём я и Джонни, — уточнил Гаррет.

— Это как понимать? — с новой силой взорвался Крофт. — Мы остаёмся, а вы идёте в Порт-Блэр?

— Мы идём на юго-восток, — рыкнул «терминатор». — И если найдём там хижину, как сказал индус, найдём и подтверждение его байкам. Но коль к вечеру вернёмся ни с чем, переночуем, а поутру всем отрядом двинемся по вашему плану. — И саркастически добавил: — Ежели, конечно, к этому времени здесь не проедет «какое-нибудь авто».

* * *

В который раз Иван похвалил себя за то, что не пожалел надеть новые купленные у Джима неопреновые ботинки для дайвинга. Пробраться сквозь густые заросли тропического леса в старых кедах было бы практически невозможно. Мистер Рой — теперь «терминатор» требовал к себе такого обращения — также оказался не промах. В высоких ковбойских сапогах он бодро и уверенно прокладывал путь. Его синяя рубаха совсем почернела от изобилующего пота и плотно прилипла к выступающим буграм мышц.

Перед выходом Иван ничего не взял с собой, да у него и нечего было брать. Мистер Рой напротив, выудил из своего военного мешка три практичных вещи: льняную кепку восьмиклинку английского покроя, тактические перчатки без пальцев с резиновыми вставками на костяшках и складной нож с широким лезвием и замысловатой рукоятью в виде кастета. И этот человек собирался на отдых?

Дорогу осложняли разросшиеся кустарники плаунов и вьющиеся в метре от земли лианы, из которых тонкие Рой срезал ножом, а под толстыми приходилось пролезать едва ли не по-пластунски. Вековые колонны саловых деревьев снизу доверху опоясали цветущие эпифиты различных цветов и оттенков — от молочно-лиловых с перламутровым налётом, до сине-фиолетовых и тёмно-кофейных.

На небольших прогалинах Рой останавливался и устремлял взор к пробивающемуся сквозь листву солнцу. И лишь после тщательной корректировки курса продолжал путь. Во время очередной такой остановки Иван свистом окликнул англичанина. Тот развернулся и с хмурым видом уставился на парня как на нарушителя устава, тем самым давая понять, кто здесь командир, а кто рядовой. Без лишних слов Иван выставил вперёд левую руку с «водонепроницаемыми», так чтобы Рой смог разглядеть кружок компаса рядом с цифрой девять. «Терминатор» с интересом взглянул на часы, поднял глаза на парня, снова на часы и, недолго думая, указал рукой перед собой, предлагая напарнику взять на себя роль

проводника.

Так они прошли больше мили, пока за спиной не раздался окрик Роя:

— Эй, Джонни! Посмотри направо!

На три часа по ходу, над спускающимися в низину кустарниковыми зарослями дикого тростника возвышался скалистый хребет, похожий на застывшую в броске хищную рыбу-мурену. Ближняя его сторона, голая и будто оцетинившаяся, козырьком нависла над низиной, задняя же пологая вся была покрыта тёмно-зелёным ковром древовидных папоротников.

В животе у Ивана ёкнуло. Перед ними, несомненно, был холм и под его крутой стороной, по всей видимости, действительно располагалось скалистое плато. Но была ли там хижина, о которой говорил сикх? Это и предстояло выяснить.

— Ничего не значит, — прочёл Ивановы мысли Рой. — Здесь сплошь леса да горы. Индус указал наугад и вроде мог попасть в яблочко.

Рой, как и прежде, по-военному чеканил каждое слово, и всё-таки тон его переменился. Теперь в нём не чувствовалось уверенного прагматизма, свойственного людям исповедующим философию, что не решаемых задач попросту не существует. Голос его приобрёл едва уловимые нотки разочарования, к которому бывший солдат, по всей видимости, готов не был. Это когда понимаешь, что самый худший вариант не исключён и тем ни менее не просчитываешь его в надежде на удачу, забывая, что закон Мерфи гласит: «Если плохое может произойти, оно обязательно произойдёт».

— Мистер Рой, — решился на вопрос Иван, — вы сказали, что мы предпримем, если не отыщем доказательств. Но что делать, если таковые найдутся?

— Я сразу заметил, что ты, Джонни, поверил рассказам этого... ударившегося головой индуса, — хитро сощурился Рой. Стало ясно, ответа у него нет.

— Такое не придумать на скорую руку, особенно в его состоянии. Да и смысл? — пояснил свой вопрос Иван.

— Ты из тех, кому во всём подавай смысл?

— Да, — не задумываясь, ответил Иван. — Поэтому меня и смущают некоторые совпадения. К примеру, отказ обоих двигателей новёхонького самолёта случился как раз над местом, где именно только наш пилот и никакой иной не смог бы совершить аварийную посадку. Вам не кажется это странным?

— Ты хочешь сказать, подстроенным? — ничуть не удивившись высказанному предположению, спросил Рой, и сам себе ответил: — Поверь, мой мальчик, на войне случались дела похлеще.

— То на войне, — пожал плечами Иван.

— Даже если бред индуса правдив, в чём я сомневаюсь, за тридцать лет много воды утекло. Не удивлюсь, если под скалой окажется селение каких-нибудь нудистов-европейцев или йогов-отшельников. В наше время богатыми лодырями забито всё местное побережье. Может остров этот купил аравийский шейх-миллиардер или сама Мадонна, и сейчас там, на вершине, расположено её бунгало с огромным бассейном, с павлинами и позолоченными статуями Будды. Всё может стать, посему идём, глянем.

С этими словами «терминатор» направился к подножию холма.

Через сто метров в зарослях гуавы послышался тихий журчащий шелест и вскоре разведчики вышли к ручью. Быстрая и чистая как слеза вода, подмыв суглинистые берега, сплошь увитые корнями эвкалиптов, пробил в скалистом подножии неглубокое до колен и

пятифутовой ширины утыканное камнями русло, за которым начиналось плато.

Голая скальная площадка, обрамлённая миртовыми зарослями, была размером в теннисный корт, и нависшая над её доброй частью скала создавала непроглядную внушительных размеров тень. Но даже в этой мрачной как самая безлунная ночь темени просматривался широкий скат прогнившей во многих местах крыши из листьев саговой пальмы, точь-в-точь как крыши хижин папуасов Новой Гвинеи.

Открывшееся взорам разведчиков строение не походило ни на выездные апартаменты араба-нефтяника ни на бунгало поп-дивы. Вряд ли бы в нём согласились поселиться натуралисты из Германии или постсоветские йоги прочищать друг другу чакры. Постройка отдалённо напоминала человеческое убежище, и тем ни менее когда-то она являлась таковой. Теперь же стала подлинным звеном в цепи, связующей мистический рассказ сикха с неотвратимой реальностью бытия.

Не произнеся ни слова, мужчины подошли к полуразрушенной постройке.

Передняя стена хижины из сплошь поеденного короедом плетня перемежёвывалась алюминиевыми листами неопределённой формы, вероятно служившими в свое время обшивкой самолёта. В центре между двумя листами чернел проём. Под ним ступени из сложенных камней вели внутрь чрева жилища.

— Выше нос, солдат, — сам себя подбодрил Рой.

Он секунду помешкал, коснулся — словно отсалютовал — козырька кепки и, выставив вперёд нож, поднялся на сохранивший крепость бревенчатый настил. Иван с увесистой веткой в руках последовал за ним.

Чиркнуло о кремень колёсико Zippo. Синий огонёк вспыхнул и нервно задрожал. Ужами поползли в разные стороны длинные рваные тени.

Мужчины огляделись.

Слева у входа два деревянных патронных ящика. На верхнем толстый слой пыли, по бокам облупленная зелёная краска, крепёжные полосы съедены коррозией. За ними синие сигары кислородных баллонов. Пробившиеся сквозь стену лианы обвили их, плотно приторочив друг к другу. У стены плетёный стол и какие-то стеллажи с тёмными нагромождениями. С того, что с натяжкой можно назвать потолком свисают опутанные паутиной гнилые верёвки, обрывки брезента и остатки крыши.

Мерзко закрипели ржавые петли — Иван с трудом поднял крышку одного из ящиков. Внутри труха и армейский хлам: противогазы, военный термометр, штурманский планшет, два кожаных лётных шлема и что-то железное — пушечные затворы и всякий оружейный инвентарь.

Рой поднял руку с зажигалкой и обвёл хижину, освещая всё вокруг.

У дальней стены очаг, сложенный из камней, таких же, как и ступени. Над ним самодельная воронка и труба, свёрнутая из листов дюралюминия. Вокруг очага подобие кроватей — три низких коробки четырёхугольной формы — лежанки, которые сверху вероятно когда-то устилались папоротниковой листвой.

— Видишь Джонни, так и есть, у нашего чёртового спасителя не отшибло память, — хмуро подытожил увиденное мистер Рой.

— Думаю, переночевать разок можно, — произнёс мистер Рой Гаррет, напоследок осматривая хилую хижину. — До темноты приведём остальных. По пути соберём для костра. И Джонни, тебе и твоей француженке задание: заберите из самолёта всё, что есть съестного.

— Почему «твоей»? — переспросил Иван.

— Не вилай, — игриво поддел его Рой. — Я видел, как ты на неё пялился.

Несмотря на неутешительные новости, англичанин на обратном пути был более разговорчив. Он давал указания, сыпал вариантами, строил планы. Создавалось впечатление что его, словно в край прожжённого авантюриста, ничуть не беспокоит, а наоборот, будоражит сложившаяся ситуация. Да и Ивану не хотелось молчаливо предаваться невесёлым мыслям, и он с интересом внимал «терминатору».

— Вот так и действует фортуна, — подбадривая себя и своего спутника, рассуждал Рой. — Благодаря ей счастливицы ставят на «зеро» последнее, что у них завалилось в карманах и назло завистникам срывают джек-пот. Скажу тебе, парень, сколько раз я прощался с жизнью, но как видишь, продолжаю коптить небо. Так будет и сей раз. Какой к чёрту необитаемый...? Хочешь сказать, что за столько лет здесь никто не завёлся? Даже вши заводятся на вторую ночь в окопе. Необитаемый?! Хэх! Наши парни в Кувейте бились за каждые полмили ничейной «серой зоны», а тут на тебе, целый ничейный остров!

Он заливался смехом настолько позитивным и жизнерадостным, что Иван безоговорочно проникся каждым услышанным словом.

— Поужинаем, переночуем, оправимся, а поутру займёмся поисками, — перечислял Рой список ближайших дел, будто заполнял ежедневник. — Разделимся на две группы, благо у тебя есть компас. Леди оставим присматривать за индусом. Ты, Джонни возмёмшь с собой науку, а я того рыжего истерика. Я умею ладить с такими как он. Как-то в 75-м мы помогали процветанию демократии в одной банановой республике. Президентом там был один черномазый. Может, как правитель он был и неплох, и искренне ратовал за свободу аборигенов, но как человек... оказался хамелеоном. Он ненавидел нас, белых, также сильно, как любил наши «зелёные» деньги и наше оружие. Сколько крови попил нам этот недоносок. Пришлось симитировать нападение на его президентский кортеж и доблестно спасти «светоч революции», дабы навсегда сбить с него спесь и манеру считать себя равным «белым братьям».

— Вы бывший ЦРУшник? — в лоб спросил Иван.

Рой, молча, улыбнулся, внимательно посмотрел на парня и задал ответный вопрос:

— А ты бывший комсомолец?

Иван промолчал. В годы его юности комсомол под песни Виктора Цоя триумфально канул в лету, а комсомольские вожди перековались в успешных бизнесменов.

— «Рэйзрядка! Пэризагрузка!» — смеясь, выкрикнул Рой по-русски и, дружески хлопав Ивана по плечу, поставил жирную точку в так и не разгоревшейся дискуссии: — К чёрту политику. Холодная война окончена. Теперь мы все демократы.

Остаток пути они хранили молчание, пока между редеющими зарослями не проступила бирюзовая полоска океана. Над насыпью в лучах вечернего солнца сверкал смертельно-бледный силуэт самолёта, и красная надпись N 159 на безжизненных двигателях выглядела как засохшие кровавые подтёки на теле мертвеца. Всё выглядело, как и несколько часов

назад за исключением полнейшей тишины и отсутствия какого-либо движения вокруг самолёта. Их никто не встречал.

— Что за чёрт? — возмутился Рой. Он напрямик направился к откинутым сходням и крикнул в разинутый зев проёма: — Эй, вы там?! Уснули что ли? Подъём!

Ему никто не ответил. Рой в два прыжка скрылся в салоне. Спустя минуту показалась его удивлённая физиономия.

— Никого.

— Может, скрылись от солнца в лесной тени? — предположил Иван.

— Может быть... — согласился Рой, высматривая в зелени пролеска какое-нибудь движение. — Или... их подобрала местные.

«Терминатор» спрыгнул вниз и приступил к поискам следов присутствия какого-либо транспорта.

Следов оказалось много. Песок вокруг Ивана был сплошь вздыбившийся, потревоженный чьими-то босыми ногами, поскольку ни отпечатков подошв, ни отметин каблучков не наблюдалось. Истоптанный песок вокруг самолёта походил на поле после пляжного волейбола. Гладкое зигзагообразное углубление свидетельствовало о том, что здесь кто-то либо катался на спине, либо что-то тянули волоком. Ни намёка на след автомобильного протектора, ни копыт гужевой тягловой силы, более традиционной для подобных мест.

— Когда мы их догоним, ох уж и отыграюсь я на этом богатеньком америкашке, — Рой изрыгал металлический рёв. Он вертел головой и рыскал глазами по насыпи, силясь угадать, куда направились его недавние партнёры по несчастью. — Говорю тебе, Джон, таких упырей я встречал немало. Изучил их гнилое нутро! Готовы на всё ради собственной шкуры. Видимо негодяй посулил аборигенам золотые горы лишь бы поскорее добраться до тёплой кровати. К остальным у меня претензий нет. С его содержанки и отпрыска взятки гладки, профессор — мямля, а забота француженки — поскорее доставить в госпиталь командира. Всему виной этот рыжий толстосум!

Рой извергал проклятия на голову беспринципных богатеев, не ведающих ни чувства локтя, ни ответственности перед ближним. Лицо его раскраснелось, глаза пылали, а рот кривился презрительно и негодуяще, будто он вот-вот загонит в угол и прильёт так долго донимавшую его жирную навозную муху.

— Поглядите туда, мистер Рой, — Иван указал под брюхо самолёта.

Из-за стойки заднего шасси, скалясь ярко-алой атласной подкладкой, будто рваной кровоточащей раной, выглядывал развороченный пустой чемодан мисс Крофт. Рядом наполовину воткнутая носком в песок единственная кожаная сандалия американца, а вокруг разбросано тряпье, содержимое чемодана.

— Тэ-эк, — протянул Рой, — торопились, даже вещи побросали...

— Здесь что-то не так, мистер Рой. С ними случилась беда, — с тревогой в голосе произнёс Иван.

Рой молчал. Он, наконец, унял гнев и теперь внимательно разглядывал следы на песке. Опустившись на колени, он поводил раскрытой ладонью над взъерошенным грунтом и с пониманием цокнул языком:

— Похоже на место, где разведгруппа угодила в засаду. Был у меня один такой случай...

Он не договорил. Протяжный крик прервал боевые воспоминания мистера Роя.

— Помогите! Я здесь!

Из чащи в их сторону бежала маленькая фигурка.

Иван остолбенел. Крича и размахивая руками, к ним нёсся Питер Крофт.

* * *

— Не хнычь боец. Выкладывай, что знаешь, — в который раз повторял «терминатор» тряся плачущего Питера за плечо и было видно, не очень-то он имел представление как обращаться с детьми.

Иван отстранил Роя и как можно спокойнее произнёс:

— Питер, ты в безопасности. Успокойся и расскажи всё по порядку, что здесь произошло и где остальные.

— Они были голые и у них были настоящие луки, — процедил мальчик, растирая слёзы по щекам. — А ещё длинные копья.

— Кто они? — не унимался Рой.

— Да погодите вы, мистер Рой. Это вам не допрос «языка». — И Иван сделал жест, призывающий англичанина к пониманию.

— Давай сам, Джонни, — сказал Рой и, капитулируя, поднял вверх руки.

— Питер, о ком ты говоришь? — голосу Ивана мог бы позавидовать сам Дед Панас из «Спокойной ночи, малыши».

— О неграх, — шмыгая носом, ответил тот.

Рой дёрнулся на месте. Ему хотелось что-то спросить, но Иван поднял руку вверх и опередил «терминатора»:

— Ты хотел сказать, что пока нас с мистером Гарретом не было, сюда прибыли местные спасатели и твой папа, твоя... хм... мама и все остальные пассажиры уехали вместе с ними, а ты сбежал и... потерялся. Так? — Иван сам удивился, насколько глупо прозвучал заданный им вопрос, и это свидетельствовало лишь о том, что и сам он, также как и мистер «терминатор», был отнюдь не мастер успокаивать плачущих и напуганных детей.

На удивление, вопрос подействовал на Питера отрезвляюще. Мальчик перестал плакать, вытер лицо, несколько раз глубоко вздохнул и посмотрел на своих защитников как на слабоумных гувернанток, с которыми скорей всего ему не единожды приходилось иметь дело.

— Что за бред? — по-взрослому спросил он.

— Так, Питер, — Иван в сердцах хлопнул себя ладонями по ляжкам. — Ты нам расскажешь, кого ты испугался и где весь народ или нет?

— Они приплыли на лодках, — начал мальчик, уткнувшись пустым взглядом в песок. — Две большие каноэ, какие показывают по Дискавери. Я был в самолёте. В кабине. Хотел разобраться, как там всё устроено...

— Значит, было две каноэ? — повторил Иван, направляя повествование в нужное русло.

— Да, сэр, — кивнул Питер. — Я увидел их из окна. Лодки остались на берегу, а чёрные голые люди ползли в нашу сторону. Они прятались за кустами и у них были луки. Я хотел рассказать о них папе, но... — глаза Питера снова налились слезами, — но там, снаружи вдруг сильно закричала Наташка и... и я испугался. Люди орали там внизу непонятные мне слова и били палками по самолёту...

От прилива эмоций он стал задыхаться. Иван поднялся в самолёт и вынес банку

Спрайта. Питер жадно выпил половину, и ему стало легче.

— Тэ-эк, — хмуро процедил Рой, когда мальчик немного успокоился. — Что ещё ты видел?

— Я боялся выглянуть в окно, — дрожа и всхлипывая, ответил Питер. — Лишь одним глазком глянул и только разок, когда они перестали орать. Я увидел, как они ведут к своим каноэ папу и гуру Секхара. Папа махал руками и громко звал на помощь. Гуру что-то сказал им, но один чёрный ударил его палкой... второй, большой и толстый, нёс стюардессу — он перекинул её через плечо — а третий тянул за волосы Наташку. Я испугался, вдруг они меня заметят. Я быстро присел и больше не смотрел в окно. Потом я заперся в туалете. Я боялся, что они захотят вернуться. А потом я выскочил наружу и побежал в лес. Я не оборачивался и не смотрел, уплыли каноэ или нет. Я спрятался в кустах и не знаю, сколько прошло времени. А после я увидел вас, дядя Рой и дядя Джон...

Всё вышесказанное Питер выпалил скороговоркой на одном дыхании и, истратив все силы, закрыл лицо руками и заплакал. Более мужчины не останавливали его. Они медленно и с трудом переваривали услышанное.

— Вот так новость, — нарушил молчание Гаррет. — Выходит, этот остров очень даже обитаем.

— Это могли быть кто угодно, — сказал Иван, хотя слова Роя не предполагали полемики. — Мальчишка мог с лёгкостью принять за каноэ обычные надувные лодки, а чёрные и голые люди... полиэстровый гидрокостюм чёрного цвета.

— А луки и копья? — задумчиво спросил Рой, хотя и на этот вопрос он не ждал ответа. Луки могли попросту привидеться напуганному ребёнку, а копья — длинные багры или части разборных вёсел.

Мужчины прокручивали в уме самые сверхъестественные варианты толкования случившегося — от появления представителей первобытных племён сохранившихся до наших дней, до современных «джентльменов удачи» промышляющих похищением людей. Но кто бы ни были эти «чёрные налётчики», ни единого мало-мальски реального решения по спасению своих бывших попутчиков не рождалось ни в Ивановой голове, ни в тактических мозгах мистера Гаррета. Не было даже намёка где искать.

— Надо уходить, — как обычно за всех принял решение «терминатор». — Планы не меняются, меняется численный состав подразделения и ранее поставленные задачи. Переночуем в хижине. Там безопасней. Если за тридцать лет эти черномазые не разнюхали о существовании берлоги, есть предположение, что у них не хватит ума отыскать её и этой ночью. Первоочередная цель — выспаться и набраться сил. Как у вас говорят, Джонни? «Утро вечера толковее»?

— Мудрее.

— Вот-вот, — щёлкнул пальцами Гаррет. — Утром приступим к поиску стратегических решений. — Он по-отечески глянул на Питера: — Не теряй духа, парень! Найдём мы твоего «старика». Всех отыщем, будь спок. Надерём этим ублюдкам их черномазые задницы. Уж в этом я профи.

Голос Роя был настолько обнадеживающим, что мальчишка невольно улыбнулся в ответ и его грязную от пыльных слёз физиономию тронул жизнеутверждающий румянец.

— Где были те каноэ? — спросил Иван.

— Там, — Питер махнул рукой в сторону океана.

— Пойду, гляну.

Иван направился к указанному месту. Подталкиваемый природной дотошностью, он надеялся отыскать что-нибудь стоящее, то, что могло натолкнуть на след похитителей.

Он прошёлся вдоль берега, долго всматривался в полоску горизонта, но так ничего и не нашёл. Берег был чист. Если следы и были, их давно слизали пенистые волны.

Со стороны берега самолёт просматривался наполовину. Нижнюю его часть скрывали песчаные холмики и редкие безлистые кустарники, от чего аэроплан казался огромной насадкой, высиживающей в гнезде яйца.

С берега приплывшие не могли видеть ни людей у самолёта, ни Питера в тёмном окне кабины. Их привлёк сам самолет, если они, конечно, знали, что такое самолёт, в чём Иван начинал сомневаться. В противном случае, если нападавшие были «продуктом цивилизации», вряд ли они бы отказались осмотреть самолёт на предмет трофеев или из банального любопытства. Но мальчишка утверждал, что они даже и не пытались этого сделать. Если, конечно, перед ними не стояла определённая цель — взять в плен конкретного человека.

Ивана передёрнуло. А почему бы и нет? Алекс Крофт — идеальная мишень. На вид толстячок был безвреден и трусоват, но его магнат-отец... наверняка за свою долгую и неангельскую жизнь старик Грегори Крофт оброс массой недругов.

Так может, отказ двигателей кем-то подстроен? Сколько в мире случается нераскрытых покушений замаскированных под несчастные случаи? Сколько таких авто и авиакатастроф? Все ли крушения случайны? И попутные жертвы здесь не в счёт, если стоит задача убрать того, кто рядом в посадочном кресле изучает вчерашние сводки биржевых торгов.

От этих мыслей замутило. Навалилась усталость.

Иван вернулся к самолёту. Его ждали. Гаррет с мешком на плече, у ног сложенный чемодан Натали. Рядом Питер в спасательном жилете, в руках Иванов рюкзак. Англичанин протянул два больших полиэтиленовых пакета, вероятно предназначенные для отходов:

— Собери съестное, что не скоропорт. Твоя ноша.

Иван взял пакеты и поднялся на борт. Но прежде чем опустошить холодильный и продуктовый отсеки он по какому-то наитию направился в носовую часть самолёта.

В кабине всё оставалось на своих местах. Мёртвые мониторы, штурвалы с эргономичными рукоятями. Действительно, дикие налётчики не рискнули забраться во чрево «большой белой птицы». Вероятно, опасались быть съеденными — это и спасло мальчишку.

Кругом идеальный порядок, не считая чашки недопитого кофе в подстаканнике. Кроме заваленного вперёд пилотского кресла всё выглядело современным и отовсюду веяло продуманными техническими решениями. Но червячок сомнения грыз Ивана, заставляя внимательно изучать обстановку. Будто было упущено нечто важное, что сможет многое прояснить.

Он по-хозяйски осмотрел повреждённое кресло. Посадка если и была аварийной, то никак не экстремальной. Вряд ли японские конструкторы не учитывали подобные нагрузки? И всё-таки кресло было сломано.

Иван встал на одно колено и пошарил под сиденьем. Кресло фиксировалось рядом массивных шпилек, выступающих из основательно укрепленного перемычками и рёбрами жёсткости пола. Внизу было темно и не хватало места для обзора. Ивану пришлось лечь на пол и протиснуться вплотную, чтобы разглядеть конструкцию. Он напряг зрение и вдруг почувствовал, как горячий пот на спине мгновенно сделался холодным.

Каждая из пяти передних шпилек, удерживающих фронтальную часть основания кресла, имела плотно навинченную, блестящую хромом гайку. Пять же задних шпилек топорщились, как пять растопыренных пальцев, и гайки на них отсутствовали напрочь, будто кто-то их предварительно свинтил.

На пути к хижине Иван не проронил ни слова, в то время как мистер Гаррет развлекал Крофта-младшего армейскими воспоминаниями намереваясь отвлечь его от пережитого им потрясения. «Терминатор» в ярких подробностях, пересыпанных солдатскими прибаутками в стиле «пулю мне в ногу», описывал, как он молодым лейтенантом едва не утонул в мангровых болотах Сьерра-Леоне каковые, по его мнению, непременно имеются и в здешних краях. Оправившийся от шока Питер оказался, как и любой двенадцатилетний подросток, благодарным потребителем приключенческих баек.

У Ивана же из головы не шла недавняя находка. Он пытался было отвлечься и вникнуть в монолог Гаррета, но мысли его упорно возвращались в кабину пилота. Он не объяснял себе, почему сохранил увиденное в тайне, просто интуитивно понимал, так будет лучше. По крайней мере, пока.

В отрочестве Иван зачитывался морскими романами, но с книжным бумом 90-х увлёкся детективами и теперь был уверен — хочешь распутать таинственный клубок фатальных событий, начни с банального: «Зачем?» и «Кому?» И если поймёшь «Зачем», нелогичные и на первый взгляд не связанные элементы хаотичной мозаики тотчас сойдутся в последовательную цепочку планов и действий, и укажут на того «Кому».

Если верить столпам мировой криминальной литературы, логичнее всего предположить, что несостоявшаяся авиакатастрофа затевалась под американца. По законам жанра богатый и, вероятно, влиятельный и сто процентов не умеющий держать язык за зубами Крофт отлично подходил на роль жертвы покушения. У такого должно быть немало не менее богатых и влиятельных врагов. Мотивация может варьироваться от дел финансовых — долги, наследство, доля в бизнесе — до дел амурных. Версий, пусть даже и самых фантастических, Иван мог нанизать с дюжину, и все они вертелись вокруг семейства Крофтов. Остальные пассажиры не в счёт. Как говорится: «Лес рубят — щепки летят».

О преднамеренном покушении свидетельствовали и полный отказ сразу двух двигателей и, хотя с большим приближением, даже отряд «чёрных» пловцов, вероятно посланных для «контрольного выстрела». Но зачем повреждать пилотское кресло? Удивительная метаморфоза — отказ обеих турбин вместе саботажем в кабине превосходно иллюстрировали то, что случившееся — не простое совпадение. И в тоже время оба эти факта полностью опровергали друг друга. Ведь для того чтобы навредить седоку, не обязательно строить козни кучеру, достаточно подстрелить саму лошадь.

Что до группы неизвестных на каноэ, по всей видимости, организаторы крушения следили за ходом событий и знали, где ориентировочно оно произойдёт. Современные технологии без труда помогут отследить летящий объект и вполне возможно, что где-то поблизости дрейфует судно с радаром для авиатрекинга. А океан во всех смыслах, лучшее место спрятать концы в воду.

Но всё пошло кувырком. Бывший военный лётчик Прэятап Сингх смешал киллерам все карты и спас самолёт. Злодеям пришлось менять планы. Убийство пассажиров теряло всякий смысл, поскольку противоречило версии несчастного случая, и «чёрные с луками» пленили бедолаг для разрешения их дальнейшей судьбы.

Ух, куда его занесло!

Иван поразился витиеватости собственных рассуждений. И почему он не подал

документы в литературный? Из него получился бы великолепный сочинитель фантастических историй.

Чтобы унять расходившуюся фантазию, он в такт ходьбе стал делать дыхательные упражнения, что всегда помогало укротить назойливый ум.

Впереди шествовал Гаррет. Стоило отдать должное его профессионализму — единожды пройдя маршрутом, теперь бывший военный прекрасно ориентировался на местности без помощи компаса.

За «терминатором» следовал Питер. Мальчик всецело превратился в слух. Сказывалось терапевтическое воздействие рассказней мистера Роя о курсах выживания бойцов SAS в малазийских джунглях с симуляцией плена и допроса с пристрастием. Они не только отвлекали от мрачных мыслей, но и давали надежду, что человек, сбежавший из иракского плена близ Эль-Кувейта, без сомнения спасёт и пленённых Крофтов, и всех остальных.

Иван замыкал процессию. Он то и дело поправлял связанные ремнём и сползавшие с плеча мешки с провизией. Съестного оказалось не так много как хотелось. По большей части спиртное — три бутылки французского шампанского, три шотландского виски, несколько банок содовой. Спрайт и Кола. Из полуфабрикатов замороженные морепродукты, которые стоило съесть поскорее, термические упаковки с мясными и овощными салатами, достаточное количество различных индийских специй и приправ и непонятно с чем две большие жестяные банки без этикеток и каких-нибудь опознавательных знаков.

Дыхательные упражнения помогли Ивану разбудить здравый смысл, и то, что предположения, основанные на домыслах, обычно оказываются ложными с вероятностью в девяносто девять процентов. Что он знает о Крофте, чтобы строить версии вокруг его osoby? Ровным счётом ничего.

— Послушай, Питер, — окликнул Иван идущего впереди мальчугана, дождавшись когда «терминатор» закончил очередную байку. — Твой отец действительно галерист?

— Ага, — неохотно буркнул тот. — Он так себя называет.

— Не пойми меня неправильно, но я понятия не имею, что это за профессия, — соврал Иван. — Он что, художник?

— У него в Нью-Йорке собственная художественная галерея.

— Вот как? — Иван выразил удивление. — И что, доходный бизнес?

— Отец говорит, выставки для имиджа и пиара. А ещё для привлечения богатых покупателей, возомнивших себя ценителями искусства. Ну и чтобы Наташке не было скучно. В основном его дилерская фирма покупает и продаёт картины на аукционах.

— Выходит, твой отец состоятельный и удачливый бизнесмен?

— Не-а, — и Питер к удивлению Ивана отрицательно покачал головой. — Его все обманывают. Папа мечтает открыть нового Энди Уорхола, а ему подсовывают, по словам деда, «бабочек-однодневок». После очередного провала он клянёт живопись, на чём свет стоит, но потом снова отыскивается новый «гений» и всё начинается сначала. Если бы не дед, отец давно бы прогорел.

— И кто твой дед?

— Мой дед — миллиардер Грегори Крофт, — с достоинством ответил Питер, и стало заметно — его отношение к деду несравнимо значимее, нежели к отцу.

— Настоящий миллиардер? — иронично переспросил Иван.

— Не веришь? — щёки мальчишки запылали. — Дед владел несколькими сталелитейными заводами в Детройте, но удачно продал их, когда отец был таким как я.

Затем он скупил по дешёвке несколько металлургических заводов в Китае, а когда родился я, ещё прикупил два завода на своей родине, в России.

— Вы русские? — разговор становился интересней.

— Нет. Дедова семья — беженцы из Украины. Он мне много рассказывал о той стране. Настоящее его имя Григорий Кровтенко и я хотел, чтобы и меня называли Пётр Кровтенко. Но в нашей школе как назло никто не выговаривает эту фамилию.

Иван хотел было сказать, что хорошо знает ту страну, что учился в ней и может рассказать Питеру, чем сейчас живёт родина его деда, но вдруг горло его сдавила судорога и Иван подобно Пифагору едва не выкрикнул: «Эврика!».

Грегори Крофт — сталелитейный магнат мировой величины и «денежный мешок», до краёв набитый долларами. Самолёт с его сыном и внуком делает вынужденную посадку в богом забытом месте где неизвестные и похищают обоих Крофтов... Чёрт побери! Да это как дважды два четыре — самое, что ни на есть похищение с целью выкупа!

Ивану захотелось поделиться своей догадкой с мистером Роем, но он едва сдержался. Не стоило обсуждать подобное при Питере. Мальчишка и без того натерпелся.

Остаток пути они шли молча.

* * *

Они добрались до хижины к вечеру, когда красное солнце вплотную подползло к горизонту.

Питера не удивил вид хилой постройки. Он настолько устал, что едва держался на ногах. Пока Иван с мистером Роем высвобождались от своих нош, сносили листья и траву для лежанок и разводили костёр в очаге из камней, мальчуган безмятежно дремал, свернувшись калачиком на бревенчатом полу. Лицо его, усыпанное крупными рыжими веснушками, прихватил лёгкий загар. Щёки окрасились румянцем, какой бывает после длительных непривычных нагрузок.

Глядя на Питера, Ивану нестерпимо захотелось спать. Только сейчас он почувствовал, как налились усталостью его ноги, сколь отяжелела его голова и насколько всё произошедшее этим бесконечным днём и то, что может произойти завтра, стало несущественным и не имеющим никакого смысла в сравнении с его величием сном. Воистину сон — великое изобретение если не создателя, то матери-природы. Все рождённые Ивановым пытливым умом гипотезы расплывались как в дымке над утренней водой. Теперь ему совершенно не хотелось ни обсуждать случившееся с мистером Роем ни вообще думать о чём-либо. Для этого не осталось. Изнеможённый Иван упал на лежанку и стал тупо взирать на набирающий силу огонь костра.

— Отбой, Джонни. Утро вечера мудренее, — понимающе произнёс Гаррет. — Ночью будем дежурить по очереди. Через два часа твоя смена, затем снова моя...

Иван едва понимал адресованные ему слова. Наконец тяжёлые веки сделали своё дело, и парень, закрыв глаза, погрузился в небытие.

Не прошло и минуты, как его уже тряс за плечо мистер Рой.

— Эй, парень... хватит дрыхнуть. Уже полночь.

Иван продрал глаза. Ломило спину. Руки и ноги будто набили опилками.

Он глянул в дыру проёма. Пространство перед хижинкой утопало в стойком стальном

свете. Журчание ручья в ночной тиши усилилось многократно.

Питер спал, мистер Рой готовился ко сну. Кряхтя и тяжело вздыхая, он стягивал с ног сапоги. В очаге мерно дотлевали багровые угли. Рядом на камнях дымилась самодельная «сковорода» — дюралевый лист обшивки с загнутыми внутрь краями. Жаркое из замороженных морепродуктов пахло так, что у Ивана потекли слюни.

— Возьми, поешь, — предложил Гаррет. — Через три часа разбудишь.

Он с облегчением улёгся на лежанку, раскинул в стороны руки и ноги и мгновенно уснул.

Настолько божественным показался Ивану вкус жареного морского коктейля. Тёплое жаркое скорее походило на загустевший пудинг, разделённый на три части, из которых одна часть была уже съедена. Иван с удовольствием доел свою порцию, подставил «сковородку» ближе к жару и направился к ручью.

Ему даже не понадобился фонарик его дайверских часов — поляну перед хижинкой ярко освещал звёздный ковёр южного полушария.

Иван подошёл к воде, встал на колени, зачерпнул ладонями и стал пить. Вода оказалась удивительной на вкус. Чистая, обжигающе свежая, придающая силы. Напившись, он умылся и вернулся в хижину.

Рой и Питер спали как убитые. Питер тихо, словно его и не было вовсе, Гаррет же то и дело похрюкивал и постанывал. И почему он не забаррикадировал вход? Это было бы весьма рационально.

Иван включил фонарик, провёл лучом вокруг себя. Ящики, баллоны... если передвинуть их ближе к двери, можно загородить проём. От змей и насекомых вряд ли спасёт, но оградит от нападения крупного зверя.

Верхний ящик оказался полупустым, и Иван с лёгкостью перетащил его. Нижний, похоже, прирос к полу. Пришлось приложить усилие, чтобы приподнять его. Иван коленом упёрся в ржавую скобу, налёг и столкнул ящик с места. Глухой звук падения и что-то обозначилось в лунном свете. Иван пригляделся. Под ногами лежал командирский кожаный планшет, подобно тем, какие были обязательным атрибутом военных лётчиков Второй Мировой.

Иван поднял находку и раскрыл её. Из содержимого: сложенный вчетверо и хорошо сохранившийся листок плотной бумаги, и огрызок химического карандаша. Листком оказалась часть топографической карты, обратная сторона которой была исписана по-английски. Иван направил фонарик и стал читать:

«Примечание:

Тем, кто найдёт это послание

просьба неотложно перенаправить его

в Южный штаб ВВС Индии,

база Тривандрам.

Офицеру в чьи руки попадёт сей документ

предписание считать его официальным рапортом

о выполнении боевого задания.

Я, Махавир Джай Сингх, майор 18-го авиаполка 35-й эскадрильи «Летающие сабли»

Докладываю

6 декабря 1971 года, будучи командиром штурмового бомбардировщика Canberra Mk.66, бортовой номер 220К, вместе с экипажем в составе двух человек: штурмана лейтенанта Прэйтипа Сингха и бомбардира капрала Раджиша Арора следовал в составе боевого звена для бомбардирования пакистанских баз близ населённого пункта Читагонг.

В четыре утра над Бенгальским заливом наш самолёт был обстрелян вражеским крейсером противозвоздушной обороны. Снаряд вывел из строя левый двигатель, заклинило генератор, отключились навигационные приборы. Мы сбились с курса, и, пролетев пятьдесят миль на одной тяге, были вынуждены совершить аварийную посадку.

Изучив обстановку, я принял решение привести судно королевских ВВС в техническую готовность, поднять его «на крыло» и вернуться на базу. Все силы вверенного мне экипажа были брошены на осуществление поставленной задачи.

Сегодня по моим расчётам 15-е октября 1972-го года и мы сделали всё возможное и невозможное. Для удачного взлёта нам осталось немного: максимально облегчить фюзеляж, проверить работоспособность систем и узлов и дожидаться попутного ветра.

Мы оставляем вооружение «Канберры» здесь, но это не означает, что мы бросаем оружие на поле боя. Прилагаю подробный план места, где спрятаны запечатанные в ящики промасленные и законсервированные четыре двадцатимиллиметровых пушки Aden Mk.4 и контейнер с 7.62-миллиметровым пулеметом и с полным комплектом боеприпасов.

P. S. Если взлёт окажется неудачным и повлечёт смерть экипажа, прошу считать нас погибшими в бою».

Дальше следовала схема, а за ней продолжался текст. Но теперь Ивану показалось, он был дописан хотя и тем же химическим карандашом, но значительно позже и по-иному. Строчки выглядели неровными, буквы прыгали, словно писавшая их рука тряслась:

«Дополнение к рапорту.

Вчерашним утром я собирал яйца морских черепах к северу от мыса. Впервые за десять месяцев я увидел на берегу лодку. Сперва я бросился к ней, но страх удержал меня на месте.

В лодке были люди. Их лица блестели от раскраски, а за плечами висели длинные копья, и я понял, это туземцы. Они вышли из лодки. На плечах они несли бамбуковые маты, на которых лежали какие-то чёрные туши. Сгрузив ноши на берег, они закричали на непонятном мне языке. Затем они сели в лодку и уплыли.

Я спустился, когда лодка исчезла из виду.

На берегу остались два человеческих тела. Это были белые люди, одетые в водолазные костюмы. Чтобы выяснить, живы они или нет, я наклонился над одним из них и приложил ухо к его груди. Прорезиненная ткань провалилась внутрь грудной клетки. Я расстегнул «молнию» и увидел ужасное. Также я расстегнул костюм другого мертвеца. Там было то же самое. У белых людей вместо груди зияли дыры — у них отсутствовали лёгкие.

Я не рассказал об этом товарищам. Сегодня ночью я предал трупы несчастных огню. Прошу тех, кто читает сейчас эти строки: если нам не удастся осуществить взлёт, и вы найдёте нас на берегу этого проклятого острова растерзанных и лишённых внутренних органов, сожгите наши тела, как это сделал я и развейте пепел над ручьём, дабы души наши вознеслись к Богу».

На этом письмо заканчивалось.

Поражённый Иван долго не мог пошевелиться. Он повертел листок в руках, сложил его вчетверо и отправил обратно в планшет. Планшет он сунул в рюкзак.

Лавина событий бесконечно тяжёлого дня столь стремительно обрастала таинственными открытиями и невероятными гипотезами, что стоило попридержаться коней и поубавить обороты. Весьма своевременно англичанин Рой Гаррет вспомнил старославянскую формулу выхода из тупикового положения: «Утро вечера мудренее».

Под утро мистер Рой в очередной раз сменил Ивана. Проснувшись ровно за десять минут до начала дежурства, англичанин бегло оценил возведённую у входа баррикаду, похлестал себя по щекам, прогоняя сон, и привычно скомандовал:

— Отбой солдат. Здоровый сон — успех в бою.

Иван лёг, закрыл глаза, но сон не приходил.

— Мистер Рой, послушайте...

— После поговорим, — буркнул «терминатор». — Мне бы опорожниться.

Иван слышал, как Гаррет натягивает сапоги и не мог взять в толк, почему не встаёт и не начинает разговор. Ведь столько случилось за эти сутки и столько открылось новых обстоятельств. А с другой стороны, появилось и немало вопросов, на которых у Ивана пока нет ответов. Поможет ли в этом отставной военный, заостенелый приверженец устава? Не рассмеётся ли в лицо, этот любитель конкретики? Не хлопнет снисходительно по плечу со словами: «Предоставь это командиру».

Да и с чего начать? С найденного лётного планшета, как подтверждение откровений сикха? Или с версии, что все они оказались «разменной монетой» в организованном похищении четы Крофтов? Может начать с трупов в гидрокостюмах из рапорта индийского майора или с людей «в чёрном» похожих на «голых» с луками и копьями из рассказа мальчишки?

На первый взгляд между нагромождением этих бессвязных фактов зияла тридцатилетняя пропасть, и всё-таки не покидало ощущение, что каким-то непостижимым образом все эти переплетения не случайны. Как разные по цвету, форме и размеру стекляшки, но стоит всыпать их в трубку калейдоскопа, и картина на глазах приобретает завершённый смысл со стройными связями и чётко прослеживающейся логикой. Стёклышки имеются, осталось всыпать их в калейдоскоп...

Проснулся Иван, когда совсем расцвело. Гаррета в хижине не было. Рядом на лежанке, обхватив руками колени, сидел Питер и безотрывно смотрел в сверкающий солнцем проём. Увидев проснувшегося Ивана, мальчишка оживился. Его лицо просияло, глаза загорелись, напряжение в его позе исчезло.

— Мистер Рой приказал следить за обстановкой и если что, будить тебя, Джонни, — сказал он с явным облегчением и бодро отрапортовал: — На объекте всё спокойно, сэр!

— Ты завтракал? — спросил Иван.

— Так точно, сэр! — браво выкрикнул Питер.

— А где мистер Рой?

— Он с моим смартфоном ищет связь.

— С чем?

— Телефон такой. Новый. Подарок деда.

Иван вынул из кармана свой старенький мобильник, батарея которого давно требовала замены. Так и есть, гаджет не подавал признаков жизни.

Питер снисходительно вздохнул:

— У мистера Роя такой же. — И с гордостью добавил: — А у меня Nokia последней модели, и держит заряд двое суток, а то и дольше, если не звонить. И антенна мощная, не то, что у ваших «мыльниц».

— Эй! — раздался снаружи голос «терминатора». — Это я!

В проёме показалась его тёмная фигура.

Со вчерашнего дня вид Гаррета переменился. Теперь лицо его выражало недовольство, а прежняя уверенность сменилась озабоченностью.

— Мистер Рой, — обратился к нему Иван, понимая безнадёжность своего замысла. Не самое лучшее время начинать разговор, но дальше возможно будет ещё хуже. — У меня есть ряд предположений насчёт...

— Не время для предположений, — в привычной манере отмахнулся Гаррет и указывая на сенсорный экран замысловатого устройства, вероятно того самого Nokia последней модели, спросил: — Видишь три палочки? Осталась одна треть заряда. Пока есть возможность, кровь из носу надо поймать сигнал. Там, за холмом, — он махнул телефоном куда-то за спину, — там начинается скала. Если забраться повыше, я уверен будет связь. Но надо спешить, пока эти три чёрточки ещё живы. Идём, Джонни, поможешь. Питер ты тоже.

Не дожидаясь согласия «терминатор» поспешно направился к выходу. Иван, молча, последовал за ним. Может оно и лучше. Всякому разговору своё время.

Они свернули за угол хижины, и Рой указал на свисавшие с веток большого раскидистого дерева ошметки парашютной ткани, по всей видимости, служившей бывшим обитателям не то навесом, не то гамаком. Англичанин дёрнул за один конец — нейлон хрустнул, но не поддался. Он приложил усилие, материал выдержал и на этот раз. Несмотря на проведённые под солнцем и дождём три десятилетия, материал не сгнил дотла. Почерневшие во многих местах и сама ткань и стропы, на которых она висела, выглядели довольно сносно — прекрасная реклама английского военпрома 70-х.

— Смастерим страховочный трос, — сказал Гаррет не удосужившись пояснить своих планов. — Питер, по деревьям лазать умеешь? — Мальчишка кивнул. — Вот и славно. Залезай и срежь там, где я укажу, — Гаррет протянул Питеру нож.

Когда тот влез на дерево и улёгся плашмя на ветку с привязанным парашютом, «терминатор» указал, где и как резать, а Ивану досталось собирать освободившуюся ткань и сворачивать в свёрток. Кое-где нейлон рассыпался на части, но в основном был ещё достаточно «живым».

— Питер, бросай нож и слезай, а ты Джонни, тяни её вон туда, — командовал Гаррет, когда вся ткань оказалась на земле.

Растянув парашют, они отделили его от строп. Получившуюся «нейлоновую дорожку» длиной в несколько футов поделили ножом вдоль на десять равных частей, каждая шириной в ладонь и связали получившиеся полосы, укрепив их стропами с интервалом в человеческий шаг.

— Годится, — одобрительно произнёс Гаррет, разглядывая получившееся изделие. — Идём, Джонни.

В двадцати шагах от хижины лежало поваленное дерево. Ствол толщиной с ногу выглядел достаточно крепким, несмотря на естественное падение и щетинился редкими пеньками свежесрубленных веток, отделенных, вероятно, этим утром ножом «терминатора».

— Хватай за тот конец, Джонни, и следуй за мной.

За всё время Иван не проронил ни слова. Ему определённо нравилась такая немногословная деятельность. Слово по сигналу боцманской дудки он делал то, что нужно и был удовлетворён процессом. Он не задавал лишних вопросов, всецело доверяя ощущению, что занимается полезным делом. Вероятно, именно таковой была жизнь матросов парусных

судов XVI–XVII веков, во времена расцвета мореплавания. Человек, единожды ступивший на палубу боевого фрегата, купеческого барка или рыбацкой шхуны, переставал быть обычным человеком со своими претензиями на самость, индивидуальными воззрениями на мир и личным мнением по любому поводу. Он становился матросом, а значит частью живого добротного отлаженного организма под названием «команда», и не дай бог сойти с общего курса — море не терпит анархии.

Впереди с бревном на плече шёл Рой, за ним, поддерживая второй конец, следовал Иван. Питер со свёрнутым в лассо самодельным тросом замыкал шествие. Вскоре лес кончился. Редкий перелесок сменился невысокими кустарниками, и перед путниками выросла скала.

Гаррет и Иван опустили бревно.

— Смотри, — указал Гаррет в высокую траву.

Метрах в трёх зиял крутой обрыв, а за ним поднималась скала с уклоном градусов в сорок пять, и пик её утопал высоко в небе. Расщелина не была широкой, шагов семь-восемь, но перепрыгнуть её не представлялось возможным — противоположная скалистая стена начиналась сразу у края обрыва.

— Я заберусь наверх и поймаю сигнал. Нужно лишь перебраться на ту сторону, — Гаррет уселся на бревно и вынул из кармана джинсов начатую пачку «Лаки Страйк». Пожевал фильтр, взглядом сосчитал остаток и щёлкнул зажигалкой. Впервые за сутки «терминатор» закурил.

План мистера Роя был таков: перебросить бревно через расщелину, перейти по нему на ту сторону и вскарабкаться на вершину скального выступа. Вполне выполнимо, но выдержат ли сухая древесина? Некоторые сорта тропических деревьев славились своей прочностью, но Иван понятия не имел, такое ли дерево они принеси.

— Мистер Рой, — начал он, — Вижу, вы уверены, что на этом острове есть люди.

— На острове? — переспросил тот.

— Ночью в хижине я нашёл планшет военного лётчика.

— Я и не говорил, что не верю индусу, — перебил Гаррет, затягиваясь дымом. — Но я не склонен доверять каждому слову первого встречного сипая. Прошло треть века. Может здесь людей и не как в муравейнике, но ты хочешь, чтобы я поверил в то, что к XXI веку остались необитаемые острова? Шутишь? Во-первых, мы недалеко от Андаман, а во-вторых, в семидесятых не было сотовой связи. Главное чтобы повезло с оператором и чтобы в 911 подняли трубку. — Он сбил с сигареты «шапку» пепла и постучал костяшками пальцев по дереву, давая понять, что военные не менее суеверны, чем моряки. — Ладно, хватит болтать, пора делать дело.

— Раз так, давайте я это сделаю, — сам не зная, почему предложил Иван. — Я моложе и пройти по бревну для меня не проблема. Это как по мачтовой рее. Я учился на моряка и проходил практику на парусном барке.

— Практику? — недоверчиво произнёс Гаррет, выпуская кольцо дыма и внимательно поглядывая на парня. — Если я соглашусь, мне придётся дать тебе мобилу, верно? А если ты не справишься и слетишь вниз вместе с телефоном, что тогда? — в уголках его глаз искрилась усмешка. «Терминатор» повертел в пальцах догорающую сигарету и уже без юмора продолжил: — Как-то... не буду уточнять где и когда, прикомандированный к моей роте молоденький австриец из горных егерей вот также просился отправить его с разведгруппой за перевал. Говорил, как и ты: «Давайте я сделаю это. Меня учили». И его

можно было понять. Первая успешная операция со взятием «языка» — несмываемый символ крестоносца и татуировка на правой груди «Who Dares Wins» (*Кто рискует — побеждает*). Я согласился. А потом спустя год мне пришлось побывать в Граце за тысячи миль от того чёртового перевала, чтобы лично вручить матери того новобранца Медаль Королевы посмертно. Я не сказал ей и умолчал в рапорте как было на самом деле. Что нервы её сына не выдержали, что он сорвался с «катушек» и начал палить куда попало, из-за чего духи положили тогда всю ту разведгруппу. Я не знаю, чему тебя учили, Джонни-бой, но вряд ли я захочу тащиться туда, где живёт твоя мать, потому что как при раскладе «пан или пропал» доверять могу только самому себе.

Ивану сделалось не по себе. Впервые он посмотрел на мистера Роя другими глазами. И с чего этот «напыщенный индюк» сравнивает его с каким-то амбициозным и неуравновешенным выскочкой? В год парусной практики Иван был лучшим матросом на «Товарище». Он носился по рангоуту как обезьяна по пальмовой ветке и даже удостоился отличительной грамоты. Но этот чопорный англичанин мнит себя «пупом земли» как, кстати, и все британцы. Ивану вспомнился Уильям Тейт, боцман на «Marine Gold», в мозгах которого напрочь засело киплингское «бремя белого человека». Высокомерный стопроцентный имперец, считающий Англию центром вселенной, а англичан вершителями судеб мира.

Чёрт с ним! Хочет сам, пусть сам и лезет.

Гаррет докурил, погасил каблуком окурки и поднялся с бревна.

— Начнём, — сказал он.

Противоположная сторона расщелины была практически отвесной стенкой. Пришлось искать подходящий уступ, где можно было бы зафиксировать конец бревна. Найдя такое место, они подняли бревно вертикально и стали опускать его перпендикулярно расщелине, пока дальний конец не коснулся противоположного края. Затем протолкнули импровизированный мостик вперёд как можно дальше, до упора в каменистый уступ и мистер Рой недовольно поморщился:

— Как бы ни соскользнуло.

Конец бревна на той стороне опирался не более чем на фут относительно полезной площади, отчего опора выглядела неустойчиво. Гаррет встал обеими ногами на лежащий на земле конец и несколько раз подпрыгнул, покачиваясь и выполняя различные движения ногами. Бревно задрожало, завибрировало, но удержалось на месте — дальняя опора прошла проверку.

— Так, Питер, тащи трос, — приказал Гаррет.

С Ивановой помощью он крепко обвязал один конец троса вокруг талии, второй конец Иван закрепил морским узлом на ближайшем деревце.

Задрав голову, мистер Рой долго всматривался в склон скалы, прикидывая дальнейший путь наверх.

— «Вы стали счастливым обладателем подарочного сертификата участника фестиваля по глубоководному плаванию...», — коверкая слова, продекламировал он. Затем самокритично хмыкнул: — Обещали незабываемый отдых, а придётся заняться скалолазанием. Вот тебе и отметил отставку. Я ещё тогда удивился, что за лотерея такая? Вроде я не игрок, и тут СМС: «Поздравляем... Вылет через неделю»... вот уж, ребята, подшутили. Знали, что откажусь, и тайно организовали мне, таким образом, тур на Андаманы. Элитный клуб, частный самолёт. Тьфу! И чёрт меня дёрнул сделать вид, что я

поверил их выходке.

После недолгой подготовки он встал ногой на бревно и приготовился сделать то, что задумал. Иван обеими руками ухватился за трос, в готовности плавно подавать его по ходу передвижения «терминатора». Питер стоял поодаль затаив дыхание. Мальчишечьи глаза горели так, словно его мечта о невероятных приключениях наконец-то сбылась. Удивительный народ мальчишки. Их неукротимая энергия, готовая любые потери и невзгоды перемолоть в опыт и силу — это настоящий термоядерный реактор, преобразующий неокрепших юнцов в истинных мужчин.

Мистер Рой Гаррет сделал шаг. Затем второй. Расставив для балансировки руки, подогнув в коленях ноги и переставляя ступни попере́к бревна, он неспешно передвигался, развернувшись боком по ходу движения. Вероятно, он имел некоторый опыт в таком деле. Иван подавал трос.

Бревно чуть прогнулось под тяжестью, но выглядело довольно крепким для поставленной перед ним задачи. Торчащие пеньки от срубленных веток немного мешали передвижению, но бывший военный с умелой ловкостью переступал через них, руками удерживая равновесие. Пройдя две трети пути, он остановился перевести дух. Чуть согнулся в пояснице, опёрся ладонями в бёдра. Его рубашка насквозь промокла от пота, и даже плотная ткань джинсов чернела на ляжках мокрыми островками.

Гаррет повернулся лицом к застывшим в напряжённых позах Ивану и Питеру, подмигнул и пальцами показал жест «Окей», и вдруг конец на другом краю расщелины покачнулся и скользнул вбок. Бревно желеобразно задребезжало, но «терминатор», выбросив руки в стороны, удивительным образом сохранил вертикальное положение. Невзирая на возраст, он как гуттаперчевый мальчик на цирковом шаре мастерски балансировал на вмиг ставшей непослушной опоре.

Иван максимально напряг мышцы и как можно сильнее сжал трос, хотя это вряд ли помогло Гаррету в сложившейся ситуации. Резонанс понемногу затухал и вскоре бревно замерло. Гаррет постоял ещё немного, делая глубокие вдохи и выдохи, а затем на полфута продвинул вперёд переднюю ногу.

И в этот самый момент дальний конец бревна соскользнул вниз. Импровизированный мостик мигом скрылся в расщелине, Гаррет полетел за ним. Самодельный трос дернуло, словно его привязали к фаркопу грузовика. Иван едва не свергся следом за Гарретом. Интуитивным движением он повалился на спину, вгрызаясь ногами в землю. Боты скользили по траве, жилы на руках пухли от напряжения.

Иван не видел, что творится внизу, видел лишь часть троса до края обрыва. Но он ясно слышал глухой удар — так тело бьётся о каменную стену. Захотелось крикнуть Питеру глянуть вниз, убедиться, что с Гарретом всё в порядке, но он вовремя осёкся. Пусть мальчишка будет подальше.

Боковым зрением Иван глянул туда, где был привязан конец. Если подать трос вниз, дерево удержит его и тогда можно будет попытаться вытащить «терминатора». Иван едва ослабил хватку, но тут нейлон предательски заскрипел. Что-то происходило внизу.

— Только не это, — испуганно прошептал Иван.

Гаррет как по канату, поднимался по тросу, а тот с каждым разом трещал и тёрся о край обрыва.

— Стой! — крикнул Иван.

И в этот миг трос лопнул.

Лёжа над обрывом, Иван долго всматривался в пропасть в ожидании чуда, а перед глазами всё маячила улыбка замершего на бревне мистера Роя и жест «Ок».

Он готов был поклясться, что отчётливо видел как обрамлённые испанскими усиками и чуть взъерошенной «эспаньолкой» губы англичанина беззвучно прошептали фразу всех «терминаторов» планеты Земля: «I'll be back».

Видение более походило на иллюзию, но Иван ничуть не удивился бы, узи он мистера Роя Гаррета — «терминатора» в полном понимании этого слова — выбирающимся из расщелины, отряхивающего свои синие джинсы и грозно рычащего: «Команда стройся! Переходим к плану «Б».

Может, он зацепился за корягу? Может там внизу вода? Может...

Время шло, и с каждой секундой все эти «может» разбивались о дно расщелины. Сколько не вглядывайся в пустоту, ничего кроме бесполезно болтающегося троса над теменью, завывания ветра меж скалистых скосов, да кружения испуганных птиц в ожидании, когда уйдут эти двуногие и можно будет спуститься к птенцам в гнезда, сокрытые в каменистых выбоинах. Больше ни звука, ни вскрика, ни человеческого стога не доносилось из бездны.

Голова опустела. Превратилась в ведро, из которого вытряхнули всё содержимое, и один лишь вопрос прилип ко дну: Как отставной британский военный, прошедший не одну горячую точку и выживавший там, где у других не было ни малейшего шанса, мог так глупо погибнуть? Не за великую миссию и не от пули моджахеда, а по воле соскользнувшего бревна и сгнившего парашютного нейлона. Этого просто не могло случиться. Но это было именно так и никак иначе.

После долгих и безрезультатных ожиданий они вернулись к хижине. Шли, не проронив ни слова, стараясь не встречаться взглядами.

Питер тут же рухнул на лежанку и забылся тяжелым сном. Человеческий организм устроен так, что в критические часы он отыскивает единственно верную формулу как не разрушиться и сохраниться. Главное, ему не препятствовать, а детский ум, в отличие от взрослого, ещё не научился изводить себя до полусмерти.

Иван не сомкнул глаз. Он сидел на пороге хижины, глядя, как ворочается и бормочет во сне Питер, и не мог взять в толк, что теперь делать дальше. С чего начать новую фазу этого бесконечного кошмара.

Первым делом стоило позаботиться об огне. Теперь у них нет зажигалки. Она вместе с ножом исчезли в расщелине, как и их хозяин.

После долгих усилий Ивану всё же удалось раздуть тлеющие угли — благо очаг не остыл дотла. Теперь следует следить, чтобы в нём всегда теплилось живое пламя. Иван попытался было вспомнить, как в приключенческих книжках поддерживали огонь туземные племена, но ничего не приходило на ум. Мысли путались, цеплялись одна за другую и странное дело, они водили длинные хороводы вокруг последних предсмертных слов мистера Роя о телефонном звонке, который тот воспринял не иначе как дружеский розыгрыш своих сослуживцев. Иван не мог объяснить почему, но эти неуместные воспоминания напомнили ему о другом звонке. О роковом телефонном разговоре, недельной давности. О звонке Сашки Семеновича.

Нет, тогда это ничуть не казалось таким уж злонамеренным провидением судьбы. Скорее наоборот, звонок тот был воспринят им как билет в новую жизнь.

— Салют, Кусто! — как обычно игнорируя предисловия, в своей небрежной манере поздоровался Сашка. — Узнаёшь друга?! Раз так, утюжь клеша, карась!

Его голос казался чуть хрипловатым, будто простуженным, но это был, несомненно, Сашкин голос. На том конце был Иванов однокурсник — нахальный, уверенный, высокомерный всезнайка.

Говорил Сашка по-английски и Иван отметил, что за пять лет странствий его друг значительно преуспел в разговорном английском. От некогда резавшего слух южно-украинского акцента не осталось и следа. Но почему именно английский? Иван лишь сейчас обратил на это внимание. Они ведь закадычные друзья и всегда с полуслова понимали друг друга. С полуслова по-русски.

Подсознательно Иван с первых слов узнал Семенóвича, но лишь сейчас холодком прокатилась мысль, что если бы не произнесенное им прозвище «Кусто», прилипшее к Ивану ещё в мореходке с лёгкой Сашкиной руки, вряд ли нашлась ещё какая-либо фраза подтверждающая, что на том конце виртуального «провода» его закадычный дружок и сотоварищ Санька-Морячок. И даже такой привычный в их прежнем общении матросский жаргонизм как: «Утюжь клеша, карась», что для морской братвы означало: «Собирайся, есть дело», голос в мобиле произнёс по-английски, что теперь казалось крайне подозрительным. Какой ещё «Iron cloche, stucian»? Да одесский матросик никогда бы и не додумался до такого крендебобеля. Куда подевался черноморский шарм? Где посыл, где изюминка? Чушь! Но теперь эта чушь навевала неприятные ассоциации.

Чем больше Иван думал об этом, то есть о том телефонном разговоре, тем ярче эта история высвечивалась в весьма и весьма неприглядном свете.

И вот ещё что! В конце разговора, когда Иван спросил «Сашку» о сложности предлагаемой работы — всё-таки элитный клуб, давние традиции, жёсткие правила, привередливые клиенты — тот хмыкнул: «Piese of cake». «Легче лёгкого». Тогда Иван не придавал и этому значения. Махровый пофигизм был визитной карточкой Семенóвича. Но сказанная им фраза лишь подразумевала такой смысл, дословно же она переводилась как «Кусок пирога» и являла собой английский сленг, то есть: «Легко, как съесть кусок пирога». Постсоветскому человеку проще сказать: «Как два пальца об асфальт» и вряд ли коренной одессит в разговоре с однокашником променяет родное, колоритное и всем понятное выражение про два пальца на ливерпульские витиеватости с пирогами.

Иван встал и направился к ручью. До смерти захотелось освежиться.

Когда он вернулся, Питер уже не спал. Мальчишка свернулся калачиком и тупо уставился в пустоту. Ногтем бессмысленно ковырял сучок перекладкины.

Иван сел рядом. Он чувствовал, как бьёт мальчишку дрожь. Сколько всего навалилось на его хрупкие плечи. Да уж... печаль. И всё же надо начинать общаться, но только не с заезженной киношной банальщины: «Мне очень жаль», а по-мужски и без соплей.

— Всё будет хорошо, Петя, прорвёмся, — как можно увереннее на «терминаторский» манер произнёс Иван.

Питер молчал.

— Вы летели на фестиваль по нырянию, как и мистер...? — Иван не решился произнести имя Гаррета.

— Нет, — тихо ответил мальчик. — Папа даже не умеет плавать.

Сказанное озадачило Ивана.

— Нас пригласил Папелло, — голос Питера был едва различим. Слабый, болезненный. Бледное лицо в обрамлении золотых кудрей. За всё это время он не шелохнулся. Даже ни разу не моргнул.

— Папелло? — переспросил Иван, особо не рассчитывая на пояснения.

И всё же Питер ответил:

— Да. Художник из этих, новомодных, которые одеваются как шлюхи... Отец обещал осенью устроить ему выставку в Нью-Йорке.

Иван не знал, как продолжить. Начавшийся разговор открывал очередную грань истории, делал следующий ход в игре, сдавал новую карту. Обстоятельства сами нанизывались одно к другому как жемчужины на тесьму.

Наконец Иван нашёл нужные слова:

— Уверен, этот Папелло, когда узнает, что вы исчезли по пути к нему, сообщит о случившемся твоему деду, а тот не пожалеет ни денег ни сил на поиски.

— Может быть, а может, и нет, — безразлично пробубнил мальчик. Огонёк надежды, поджигаемый Иваном в измотанной душе мальчишки, увы, не стремился разгораться. — Когда мы заселились в отель, отцу позвонила его нью-йоркская секретарша. Пришло приглашение от Папелло. Отец распорядился, чтобы отказали. Он тогда страшно поругался с Наташкой и был не в духе. Но та прознала, что в Scuba-Radhanagar приезжает и этот мерзкий Том Брюстер и упростила отца лететь. Она это умеет. В общем, всё решилось в последний момент. Потому и забыли про учителя.

Больше Иван ни о чём не спрашивал Питера. Хватит с него на сегодня. Звонок «из Нью-Йорка» — третий по счёту из «пригласительных» посетить неповторимое побережье Андамановых островов, как и два прежних, испускал гнусный аромат приманочного сыра в мышеловке.

* * *

Без огня и оружия в джунглях не выжить. Огонь, слава золотоволосому Агни, Иван сохранить сумел, пришла пора придумать, из чего смастерить нож.

Он вытащил на свет ящики — авиационные бомбовые контейнеры — и взялся выгрести их содержимое. Внимание привлёк небольших размеров металлический кейс, в котором оказались две отвёртки, плоскогубцы, молоток и набор гаечных ключей. Отвёртки и плоскогубцы поржавели, а ключи сохранились довольно таки сносно.

Иван взял самый большой из них едва тронутый ржавчиной — комбинированный, с одного конца рожковый, с другого накидной — повертел в руке, осматривая и изучая. Вещь тяжёлая, приятная на ощупь. Из отличной английской стали. На боковой поверхности между цифрами 24 и 27 пальцы нащупали выпуклую надпись Stanley. Знатная фирма. Иван любовно погладил гладкие губки ключа — без сомнения находка как нельзя кстати.

Молоток был, вероятно, заклёпочный, весил не меньше двух килограмм и для задуманного подходил идеально. Вот только рукоять его превратилась в труху, но то дело поправимое. Как-никак кругом тропический лес и подходящих веток предостаточно.

Питера Иван усалил на порог, приглядывать за лесом, сам же приступил к работе. Пришло время вспомнить детство, проведённое в кузнице деда Мити.

Натаскав с ручья валунов, мелкой и средней гальки, Иван отвёртками разрыхлил землю и руками выкопал яму длиной в полметра и в четверть метра шириной и глубиной. Обложил по краям валунами, засыпал галькой дно. Получился «полевой» горн. Уложил хворост, сверху подходящий по размеру сухостой и завершил всё «шалашиком» из толстых отборных веток для основного жара. В завершение вылил на всё это бутылку виски и запалил.

Когда в горне устоялся стойкий огонь, Иван вкопал в раскалённые угли ключ-заготовку и, поручив Питеру не жалеть принесённых из леса дров, приступил к постройке наковальни.

Для этой цели не подходил ни один из камней, обильно рассыпанных по берегу ручья. Но и на этот раз Ивану сопутствовала удача. В ящике среди снаряжения обнаружился стальной фланец, служивший вероятно основой для крепления прибора фотофиксации. Диаметр с локоть и в палец толщиной. По контуру пять сквозных отверстий для крепления к фюзеляжу и одно для кронштейна в центре. Прекрасная плоскость под наковальню.

Иван подыскал подходящий булыжник, вкопал его рядом с горном. Сверху уложил фланец и прочно зафиксировал, вбив сквозь крепёжные отверстия, пять тщательно подобранных по толщине и прочности веток в землю.

Для проверки он изо всей силы жажнул молотком по конструкции. Фланец загудел, но не сдвинулся с места. Камень также успешно перенёс нагрузку. Иван остался доволен и занялся заготовкой.

Как приговаривал дед Митя, накачивая меха: «Как незрелой вишней железо заиграет, вот, Ванька, тогда и ложь его под молот».

Ключ в горне быстро почернел, затем начал светлеть и вскоре совсем слился с огнём, лишь изредка проявляясь в игривых языках пламени. Чтобы поддать кислорода, Иван время от времени махал дюралевым листом над горном как над мангалом. Светло-вишнёвым — цветомковки — заготовка «заиграла» спустя полчаса. Плоскогубцами Иван вынул её из горна, торцом поставил на наковальню и ударил по верхней губке. «Рожки» ключа сплющились, и это означало — заготовка готова к ковке.

Он долго и упорно «мучил» поковку, то нагревая её, то отбивая молотком и снова нагревая. Пару раз наковальня слетала с камня, ломая крепёжные ветки. Иван возвращал заготовку в горн, крепил фланец новыми ветками и со словами: «Тоже мне Крузо нашёлся», упорно продолжал ковать. Звон стоял невероятный. Птицы испуганными стайками вились высоко в небе, не решаясь вернуться в кроны деревьев пока форма тупоносого тесака с ровным аккуратным спуском под лезвие не удовлетворила, наконец, кузнеца-самоучку.

Пришло время отжига. Иван в очередной раз выдержал «незрело-вишнёвую» окраску, а затем медленно остудил поковку на воздухе, «освободив» её, по словам деда Мити, от «негараздов». Пока та остывала, он налил воды во вчерашнюю дюралевую «сковородку», набрал мокрого песка и с полдюжины более-менее плоских и гладких камней. Затем он снова раскалил будущий тесак до «подсолнухового» цвета и, не теряя ни секунды, остудил его в воде. На камнях пересыпанных мокрым песком очистил от окалины, снова нагрел и миглом окунул в воду. Заготовка краснела, чернела, шипела, выпаривая густые клубы, а Питер смотрел на всё это разинув рот.

После всех проделанных манипуляций, Иван в последний раз вынул остывшую заготовку из «сковородки». Придерживая плоскогубцами за кольцообразный конец, он долго вертел изделие перед собой, внимательно разглядывая на предмет неточностей и исправлений, и остался доволен. Откованное полотно тесака получилось в форме рыбины с

отвисшим брюшком — именно это «брюшко» и стоило заострить. Но перед тем как приступить к последней операции, Иван плотно обмотал в несколько слоёв отведённую под рукоять часть заготовки между кольцом и откованной «рабочей» плоскостью мокрой парашютной стропой. Получилось довольно эргономично. Да и точить будет сподручней.

В горне было ещё достаточно жара и Иван, отложив в сторону тесак, сунул туда большую отвёртку. С ней он не стал проделывать ничего такого, чего вытворял с ключом. В этом не было необходимости. Он сформировал трёхгранное острие, сделав из отвёртки своеобразное шило, что в простонародии называлось «швайкой» и закалил в воде. Длинная «пика» с металлической рукоятью — если не обращать внимания на её неприглядный вид — весьма грозное оружие. Таким пырнуть в жизненно-важный орган, рана может оказаться смертельной.

Предоставив Питеру заточку «шила», сам Иван приступил к оформлению рабочей кромки тесака.

Без плоского точильного камня, заточка оказалась сложным занятием. Наиболее шершавым из найденных камней он как напильником тёр кромку, смачивая камень в воде. Счищал окалину, удалял неровности, формировал лезвие. Окончательную заточку провёл на наковальне с тонким слоем мокрого песка. Кончик тесака не вышел острым, и основные надежды легли на удачно откованную и закалённую кромку лезвия длиною в ладонь в виде развёрнутого полумесяца. При хорошей заточке таким мачете можно отлично рубить, резать, разделять звериные тушки и при необходимости даже копать землю. Спустя час упорных трудов острое лезвие блестело как с заводского конвейера.

Теперь дело дошло до ножен. Иван отыскал подходящую ветку толщиной с руку. Умостил её на наковальню, выставил перпендикулярно тесак и ударил по обуху молотком. Лезвие вошло в дерево наполовину, и Иван остался доволен испытанием. Он рубанул ещё. Отделил лишнее с другой стороны и прощупал получившийся чубук на предмет нежелательных сколов. После расколол его по вертикали. На внутренних поверхностях получившихся половинок «шилом» очертил контуры лезвия и тесаком вырезал сердцевину. Сложил две половинки вместе и туго примотал оставшимся нейлоном, снабдив двумя шлёвками для ремня. Вложил тесак в ножны. Лезвие вошло плотно, вряд ли выпадет по случайности или по неосторожности. Иван закрепил ножны на ремне, отвёрточное «шило» воткнул за ремень с противоположной стороны. Повертел бёдрами, удобно ли?

— Ну вот, Петро. Теперь нам никто не страшен, — Он подмигнул наблюдавшему за происходящим Питеру и с радостью отметил, что любая работа — это превосходная психотерапия, как для самого работника, так и для его благодарного зрителя.

Ящик с оставшимся инструментом уместился под лежанкой, да и алюминиевому контейнеру нашлось применение. Из него было смастерено «огневое хранилище» на чёрный день. Иван шилом прорубил в боковинах несколько вентиляционных отверстий напротив друг друга, дно и стенки изнутри облепил сухой землёй, в получившееся гнездо высыпал всю золу из «горна», а сердцевину выложил большими тлеющими углями и всё это великолепие плотно запечатал на обе защёлки, предварительно зашпаклевав щели остатками нейлонового троса.

Уставший, измотанный очередным нелёгким днём он завалился на лежанку. Есть не хотелось. Но теперь на его попечении Питер, у кого за целый день ни маковой росинки во рту и Иван подтянул к себе один из мусорных кульков с провизией. Откинул в сторону пакеты со специями, то же проделал и с вакуумными упаковками — их содержимое требовало готовки, на которую не оставалось сил. Взгляд задержался на жестяных банках без опознавательных знаков. Взяв одну, он повертел её перед собой, взвесил на руке, потрусил возле уха. Банка была полной и достаточно тяжёлой, набитой чем-то под-завязку. Иван шилом прорубил жестяное дно, вставил в щель «остриё» тесака и стал вскрывать.

Вскрыв, отвернул жестянку и... Бог ты мой! Внутри оказалось мороженое! Изрядно подтаявшая густая масса искрилась ярким молочным цветом и выглядела чрезвычайно аппетитно. Иван тесаком поддел верхушку, зачерпнул небольшую порцию и отправил в рот. Какая прелесть! Стопроцентный пломбир высочайшей пробы.

— М-м... — блаженно промычал, облизывая тесак.

Питер не сводил глаз с этого действия. Казалось поток впечатлений, накрывших его последние два дня, как штормовые волны накрывают утлую лодочку, не иссякнет никогда.

— Держи, — Иван протянул банку Питеру. — Только здорово не увлекайся. Как бы ни заболел.

Питер принял банку с воткнутым в мороженое тесаком вместо ложки, жадно выгреб изрядную пломбирную горку и лизнул верхушку. Лицо его покраснелось от удовольствия и блаженства. Сколько радости могут доставить вполне обыденные и привычные вещи в необычных и непривычных условиях.

Удовлетворённый Иван закрыл глаза и тут же уснул.

Ему приснилась лодка. Он на вёслах, рядом на румпеле улыбающийся Риши. Под ногами груда свежесвыловленных кораллов, в душе умиротворённое чувство неспрадно прожитого дня. Тихо плещется о борт лазурная волна, и мягкий свет заходящего солнца окутывает океан волшебным свечением.

Риши держит курс к берегу. Под развесистыми пальмами виднеется бунгало в индийском стиле. Рядом у крыльца две человеческие фигуры — две женщины в прозрачных сари. Они улыбаются и призывно машут руками. В распущенных волосах играет лёгкий бриз. У одной волосы густые чёрные, у второй яркие белые. Это Брижит и Натали. Они рады Ивану.

Неожиданно из леса показываются люди — чёрные как вороны туземцы с длинными копьями в руках. Впереди главарь и вождь — Сашка Семенович. Загорелый, в дорогом чёрном гидрокостюме «Скубапро», в капитанской фуражке с белым флотским чехлом и с «калашниковым» наперевес он похож на «морского котика» Сил Специальных Операций и

одновременно на Волка Ларсена, капитана «Призрака» из джеклондонского «Морского волка». За ним в гамаках из парашютной ткани несут тела двух мужчин. Это Алекс Крофт и профессор Чакрабати. Их грудные клетки вскрыты, и двое туземцев держат высоко над головами только что вырванные лёгкие, с которых ещё капает кровь.

Шум волн перерастает в кладбищенское завывание ветра. Теперь Иван не в лодке, а в кабине пилота, и в его руках вместо вёсел штурвал. Рядом в штурманском кресле сикх. Всем телом он налегает на штурвал-дублёр и тонет в полрой груди, вгрызаясь в плоть, пуская там корни. Пальцем сикх указывает вдаль на жёлтую полосу гряды, призывая посадить самолёт именно там. Но неуправляемая машина несётся с бешеной скоростью на женщин у бунгало.

— Let's go Van! Ип-дь-йом! Ип-дь-йом! — слышен крик Риши.

Не в силах вытянуть штурвал «на себя» Иван закрывает глаза.

Перед ним Питер. Мальчишеские глаза полны страха и слёз. В одной руке банка с мороженым, вторая терминаторским жестом показывает «Вверх!». Иван тянет штурвал. Пилотское кресло под ним отрывается от пола и вместе с Иваном вышибает передний «фонарь». Их как катапульты выбрасывает из кабины. В свободном полёте Иван успевает разглядеть хвост дельфина...

В следующее мгновение самолёт врывается в бунгало. Взрывом охватывает берег и всё кругом. Дальше тьма. Перед глазами мелькают проблески. Жуткое чувство падения. Как камень, брошенный вниз, он летит в черноту расщелины. Там, на камнях распластанное тело мистера Роя. На безжизненном лице застыла ухмылка. Окоченелый кулак с поднятым вверх большим пальцем вытянут вперёд: «I'll be back»...

Иван проснулся в холодном поту.

Кошмар развеялся. На земле господствовала ночь. Тихая. Тёмная. Идеальная чтобы умереть.

Рядом на лежанке крепко спал Питер. Умиротворённое лицо мальчишки выражало вселенское спокойствие. В очаге тлели пурпурные угли. Редкий язычок пламени вспыхивал, стараясь облизнуть почерневший бочок догоревшего уголька, дабы вновь вернуть в него жизнь и тут же нырял обратно в жар. Волшебные тени блуждали по хижине, наслаждаясь ночной тишиной.

Иван бросил взгляд на заставленный ящиком входной проём. Надо бы сделать что-то наподобие двери. Собрать перегородку из веток, связать их стропами или на худой конец молодыми лианами...

Холодок пробежал по спине. Мысли о новой двери мигот испарились. Справа от проёма, между вкопанным частоколом стены и дюралевым листом в непроглядной черной щели сверкали огромные жёлто-зелёные глаза с клинообразными антрацитовыми зрачками. Что-то живое заглядывало внутрь хижины, с интересом наблюдая за её обитателями.

Иван замер.

Тигр? Бенгальский? Этот двухсоткилограммовый убийца, если уж решит напасть, с лёгкостью проломит хилую стенку хижины. Иван знал древние истории о тиграх-людоедах, но о современных случаях слышать не приходилось. Тигров в Индостане осталось несколько сотен, но здесь девственная природа и всякое может случиться.

Два глаза как две луны неотрывно следили за Иваном.

Парень прислушался. Всё тихо. Дистанция около трёх метров, и в такой крошечной тишине урчание большой дикой кошки звучало бы как тракторный рокот. Вероятно, зверь хитёр и знает, что такое засада.

Не оборачиваясь, Иван потянулся к очагу. Нащупал кучку сухой травы, заготовленную для розжига, сгрёб влажными пальцами горсть побольше и посуше и зашвырнул в огонь. Пламя вспыхнуло даже ярче, чем ожидалось, на секунду отразилось в звериных глазах и тем мгновением исчезли в ночи, словно их и не существовало.

Руки и ноги не слушались. Иван не решался подползти ближе и убедиться, есть ли кто за стеной. Зверь мог притаиться в паре шагов от хижины, а прыжок такого монстра — полёт ядра. Возникла мысль: не видение ли это? Последствия кошмарного сна? Впрочем, в мангровом лесу каждый для кого-то пища и чтобы следующей ночью не превратиться в бифштекс «с кровью», следовало с утра позаботиться о безопасности.

Так он и просидел, пока не рассвело.

* * *

Утром Иван ничего не сказал Питеру. Это уже входило в привычку — держать всё в тайне. Он долго бродил вокруг хижины, выискивая следы ночного гостя, но так ничего и не нашёл. Может действительно померещилось?

Они растопили оставшееся мороженое, и выпили получившийся молочный коктейль прямо из банки. Завтрак выдался сытным и на удивление вкусным. В этом был ещё один смысл: освободить из-под мороженого добротную жестяную ёмкость, наделив её новым предназначением — функциями полуторалитровой кастрюли. Иван шилом проделал в банке «ушки», а из обивочной полосы смастерил дужку. Прodel одно в другое — получился вместительный котелок.

Иван не удивлялся своим нехитрым придумкам. За пять лет странствий пришлось многому научиться. Конечно не азам выживания в дикой природе, но всё же. В большинстве своём путешествия по миру имели урбанистический окрас: густонаселенные побережья, курортные зоны — где можно понырять и найти единомышленников — и всё-таки бытие в аскетическом стиле закалило Ивана. Поддерживало здоровый дух и ясность мышления. К тому же мангровые заросли совершенно не пугали выросшего в лесном краю парня. Ведь при умелом подходе лес может стать и кормильцем, и защитником.

Пока Иван мастерил котелок, а Питер со свойственным ему восхищением наблюдал за манипуляциями с жестяной банкой, между ними завязалась беседа. На этот раз Петя — Иван намеренно стал называть его так — оказался более разговорчив. Вчерашняя депрессия понемногу отпускала молодую и от того гибкую нервную систему. Мальчик оживал.

У отца Петя бывает с июля по август, остальное время вот уже четвёртый год грызёт гранит науки в дорогой элитной школе на севере Англии. Его мама погибла в автокатастрофе, когда Пете было пять. Звали её Анжела. Он плохо её помнит. Говорят, она была юной и невероятно талантливой художницей, одной из тех дарований, что так любит открывать отец. В семье ходят слухи, будто покойница была любительницей выпить и та история в Италии, когда её машина сорвалась с горной дороги, была связана с этим её пристрастием. Отец не любит вспоминать, он живёт одним днём. Да и у самого Пети довольно сложное отношение к покойной матери. Если начистоту, он скорее назвал бы мамой свою бабушку, которая вырастила его, пока отец занимался выяснением, какая из его очередных пейзажисток и портретисток окажется более талантливой и умелой в постели.

Натали напротив, не была художницей. На удивление отец изменил своему

многолетнему правилу и два года назад женился на русской топ-модели. В год, когда Петин дед, Грегори Крофт, купил заводы в России — как Иван понял, это случилось уже после перестройки и развала Союза — отец Питера побывал на исторической родине, где и познакомился с Натальей Юсуповой, девятнадцатилетней конкурсанткой «Мисс СНГ 1998».

Питер рассказал Ивану, что мачеха считает себя непризнанной наследницей русского князя Феликса Феликсовича Юсупова. Будто тот, в тридцатых годах находясь в Америке по делам судебной тяжбы с кинокомпанией Metro-Goldwyn-Mayer, без памяти влюбился в миловидную эмигрантку — Наташкину прабабку — а через год плодом их страстной любви стал Наташкин дед. После войны он вернулся в Союз, где и женился на будущей Наташкиной бабке. Затем появился Наташкин отец Гнат, ну и следом сама Наташка.

Стальной магнат Грегори Крофт ни на йоту не поверил в эту авантюрную историю и называл невестку не иначе как «сталинской шпионкой». Он навёл справки. Настоящая фамилия Наташки была Дзюба. По достижению совершеннолетия амбициозная дивчина подала документы на смену фамилии на Юсупову, но случился казус — полупьяный регистратор районного ЗАГСа пропустил в паспорте первую букву — так княгиня Юсупова стала Натальей Игнатьевной Суповой.

Петю словно прорвало. Он говорил не умолкая. Рассказывал о ненавистной школе и мерзких учителях, о том, что хочет быть похожим на своего несгибаемого деда и о том, как прошлым летом был с отцом в Японии и видел настоящих якудза. Иван слушал и понимал — так действует защитная реакция психики, отвлекающий манёвр, бегство от реальности.

Он осведомился об учителе-индийце, и Петино лицо просияло, а в глазах заблестели огоньки. Секхара Чакрабати отцу порекомендовал его бывший коллега, в прошлом известный нью-йоркский импрессионист, а ныне отшельник, погрязший в ведической культуре. Смешливый профессор сразу понравился мальчишке, потому как был полной противоположностью его чопорным английским учителям. Всегда понимающий и дружелюбный он так увлекательно говорил о математике, физике и биологии, что мальчуган, бывало, заслушивался этими рассказами. По сути, в лице профессора Крофт-старший приобрёл для сына не просто учителя, но по большей части гувернёра, тем самым развязав себе руки. Это ничуть не смутило мальчика, с гуру было и интересней и веселей, чем с отцом и мачехой.

Вдруг Петя осёкся на полуслове, глубоко вздохнул, пытаясь сдержать неожиданно накотившие слёзы, и тихо, но твёрдо произнёс:

— Мы обязательно спасём всех.

Иван с уважением посмотрел на двенадцатилетнего подростка. Сколько внутренних ресурсов понадобилось неокрепшему организму собрать в единое целое, сколько мужества и силы воли потребовалось, чтобы сказать эти четыре слова.

Иван положил ладонь на худое мальчишечье плечо, легонько сжал и сказал по-приятельски:

— Сто процентов, Пётр. Не скрою, попали мы в крутой водоворот. Сели на мель по самую ватерлинию. Но как говорить: «В наводнение и на алтарь взберешься». Спасёмся сами и спасём остальных. Даже не сомневайся. — И чтобы закрепить образовавшееся между ними хрупкое взаимопонимание, протянул «шило»: — Поможешь, партнёр?

Мальчик недоумённо заморгал. Иван указал на хижину:

— Займёмся нашей безопасностью. Сделаем ловушки вокруг этого шедевра местного зодчества. Ты пока взрыхли землю вокруг, чтобы было легче копать, а я наломаю

подходящих веток.

Он показал как надо — погромсал шилом небольшой пяточок земли под стеной, а затем как ложкой выгреб тесаком лишний грунт. Образовалась неглубокая ямка. Таких ямок Петя должен был накопать по всему периметру хижины с интервалом в четверть метра. Сам же Иван направился в лес. Там нарезал молодых, но уже достаточно упругих и прочных прутьев. Молотком вбил по пару в каждую ямку, так, чтобы срезы не выступали над поверхностью, а после заострил торчащие концы тесаком. В завершение всё засыпал зелёной травой в надежде, если желтоглазый зверь и объявится следующей ночью, не исключено и вполне вероятно, обязательно угодит лапой в одну из замаскированных ловушек и в аккурат напорется на заостренную ветку.

Даже с принятыми мерами предосторожности ночёвка в хижине оставалась небезопасной, и всё же это лучше, чем вернуться к самолёту. Желтоглазый зверь мог оказаться невинным созданием в сравнении с «чёрными» похитителями людей.

— Идёшь к самолёту? — предложил Питеру Иван.

— Но там же... эти... — мальчик уставился непонимающе.

— Во-первых, вряд ли туземцы надумают вернуться. Они и внутрь-то побоялись войти. Испугались кишок железной «птицы»? Во-вторых, самолёт прекрасно просматривается как с неба, так и с океана. Напишем на фюзеляже большими буквами HELP, если найдём чем. По крайней мере, оставим записку в кабине. Распишем, что с нами приключилось и где нас искать. Надеюсь, дикари не читают по-английски. Разведаем, что осталось на борту из полезной утвари. В первый раз мы собирались наспех, теперь стоит отнестись к делу серьёзно.

Дорогу к самолёту Иван нашёл уже без компаса. Когда среди листвы солнечными лучами заискрился белоснежный остов «хонды», Иван на всякий случай оставил мальчишку в густых зарослях папоротника, сам же короткими перебежками подобрался к насыпи и залёг за кочкой. Долго прислушивался, поднимал голову, наблюдая за обездвиженным самолётом. Ничего не изменилось с их последнего визита, но какое-то нездоровое ощущение тревоги не давало покоя.

Наконец Иван решился. На полусогнутых, вертя головой и напрягая слух, он прокрался под «брюхо» «хонды», но так ничего и не заподозрив, встал в полный рост и поднял глаза. Чутьё его не подвело. Молочно-белая обшивка фюзеляжа, что пониже тёмно-матовых эллипсов-иллюминаторов, щерилась ровными чёрными дорожками как многоточиями на бумаге. Кто-то изрешетил пассажирский отсек двумя автоматными очередями по дюжине рваных дыр в каждой.

С тесаком в одной руке и со «швайкой» в другой Иван поднялся на борт. Солнце проглядывало сквозь иллюминаторы, отражаясь в молочной обивке кресел. Ничего не изменилось за прошедшие сутки. Разве что несколько птичьих перьев на ковре — вероятно в салон наведались пернатые гости, но не найдя чем поживиться упорхнули прочь. Ничего не изменилось, если не считать отметин автоматных очередей. Но об этом стоило подумать после. Сейчас важно собрать всё ценное и поскорей унести ноги.

Свои поклажи они с Гарретом забрали ещё в прошлый раз, профессор вроде как был налегке, а чемоданы и саквояжи Крофтов, кроме одного, исчезли вместе с четой. По возвращении не мешало б заглянуть в походный мешок мистера Роя. Иван не решился сделать это раньше — даже мысли такой не возникло — но теперь у них с Питером есть цель — выжить, а для её достижения пригодится любая мелочь. В теперешнем положении всякая вещь — ценность. Вспомнился фильм 93-го года о лайнере с уругвайской сборной по регби на борту, потерпевшем крушение в Андах в 72-м. Из сорока человек выжила половина. Несчастные ютились в заваленных снегом обломках фюзеляжа, боролись с холодом и ели трупы погибших товарищей.

Бегло окинув салон, Иван вложил тесак в ножны, шило воткнул за пояс и направился в вотчину бортпроводницы.

Крохотный кухонный отсек был снабжён откидным столиком, под ним мини-бар, рядом такой же мини-холодильник, которые Иван опорожнил ещё в прошлый раз. Дальше следовало полдюжины камер для еды — три для подогрева и три для охлаждения. Все они были как назло пусты. В самолётах vip-класса стряпать некому, да и не нужно. Согласно устоявшейся традиции заказ готовой еды вместе со столовыми приборами доставляют заранее из элитных дорогих ресторанов и непосредственно перед вылетом. Для того и нужны камеры.

Возможно, в этот раз чета Крофтов в силу короткого перелёта отобедать в воздухе отказалась, а пожеланиями Ивана как, впрочем, и мистера Гаррета авиакомпания поинтересоваться не удосужилась. Элитная выпивка предназначалась для пассажиров, а «вакуумки» и пакеты со специями были, вероятно, «эн-зэ» индуса-пилота. Вот только мороженое? Скорее всего, оно служило ингредиентом к кофе «гляссе».

Быстрым взглядом Иван оглядел отсек. Нажал на едва заметную дверцу над столиком. Так и есть. Дверца распахнулась и явила на свет нишу с вертикальным носиком вверху и с решетчатой площадкой под ней для чашки. Перед ним была натуральная кофе-машина!

Иван нажал на дверцу выше. Та раскрылась, обнажив загрузочную камеру с кассетой-столбиком из десяти кофейных чалд, какие используют в подобных автоматах. Воистину нереальная удача! Теперь у них имеется кофе!

Он бережно извлёк все чалды из кассеты и рассовал по карманам. После выдвинул боковой шкафчик. Там лежали большой штопор с деревянной рукоятью, консервный нож и ещё один крохотный ножик в виде скальпеля, предназначенный, похоже, для откупоривания специальных пробок. В нише, соседствующей с кофе-машиной, нашлось несколько посеребрённых ложечек, коробка стеклянных стаканов, белоснежные кофейные чашечки и горка брендовых фарфоровых блюдец. В нижнем отсеке однозначно бесполезная для любого «робинзона» вещь — складная никелированная тележка для развоза еды по салону.

Пришло время исследовать санузел. На полочке над умывальником изящная бутылочка жидкого мыла, рулон бумажных полотенец и более ничего примечательного. Из нижнего отсека Иван выудил чистейшее мусорное ведро. Сгрёб в него туалетные принадлежности, вернулся на кухню, тоже проделал и с кухонными находками и двинулся дальше в конец хвостового отсека, методично отворяя боковые ниши. В одной оказалась аккуратно уложенная стопка ярко-оранжевых спасательных жилетов, в другой запасной ножной насос, кобура с ракетницей и пять патронов к ней, аптечка и несколько сигнальных фальшфейеров разных цветов. Находки родили в голове у Ивана уверенную догадку, что всё это лишь часть «чрезвычайного» инвентаря и, отодрав от пола угол ковра, он натолкнулся на загрузочный люк камеры парашютной катапульты со спасательным плотом. В нише под потолком был найден надувной трап, а рядом с аварийным люком сумка с витыми капроновыми фалами — канатами, которые уж точно выдержали бы мистера Роя и не дали бы ему погибнуть.

Занимаясь изучением содержимого отсеков, Иван время от времени прилипал лбом к иллюминатору и вглядывался в берег. Всякий раз ему казалось, что с залива доносится какой-то звук и, прильнув к стеклу, он с замиранием сердца всматривался в даль, опасаясь, что именно сейчас увидит и туземные лодки и крадущихся людей. Но жёлтый берег был девственно чист, а синий горизонт сверкал лучами послеобеденного солнца.

И ещё Ивану не давали покоя те пулевые отверстия в фюзеляже. Что бы это значило? Он не мог доверять рассказам мальчика о диких туземцах, страшящихся заглянуть в «брюхо большой белой птицы». Возможно, среди нападавших действительно были люди с копьями и луками. Нынешние пираты — разношерстный народец. Их социальный портрет довольно широк: от наштигованных современным оружием головорезов, до загнанных жизнью бедняков, готовых на всё ради сотни долларов. Пулевые отметины легли по борту со стороны моря и возможно в прошлый раз ни Иван, ни Гаррет их не заметили. Но и Питер не слышал никаких выстрелов. Чёрти что творится вокруг всей этой истории!

Теперь Ивану меньше всего хотелось оставлять в этом месте напоминание о себе. Просматриваемый отовсюду самолёт в таком случае больше походил на приманку для нечистых на руку людей и вряд ли оставленная записка с координатами или три буквы SOS на белоснежном фюзеляже ускорят их с Питером спасение. Скорее наоборот, пока не поймёшь, что к чему стоит вести себя осторожно. Но времени на дедуктивную эквилибристику и финты мозговыми извилинами у Ивана не было, и он дал себе слово не строить никаких версий, а продолжить поиски скарба. Ведь здесь он именно для этого.

Несказанная радость охватила Ивана, заставив позабыть даже о стреляющих по самолётам «пиратах», когда в одной из крайних ниш обнаружился жестяной чемоданчик с бесценным содержимым. В чемоданчике лежали две большие коробки влагостойких шпормовых спичек, жестяная бутылка с ярким пламенем на этикетке, пять тюбиков с таблетками сухого спирта, внушительный пакет пакли для розжига, фонарь и складная чаша для костра. В той же нише было несколько шерстяных пледов отличного качества, вероятно предназначенных для пассажиров, решивших вздремнуть в полёте.

Всё найденное Иван основательно увязал в пледы. Сделал узлы такие, чтобы было удобно нести, и спустил на канатах на землю. Сложнее оказалось с плотом.

В своей морской практике Иван имел дело с судовыми спускаемыми плотами, как для экипажа, так и для пассажиров, и знал что такой плот — согласно Конвенции СОЛАС от 1974-го года — есть несокрушимая морская крепость с множеством полезных «фишек», предназначенных для спасения жизней терпящих бедствие людей. В таких «крепостях» было

всё что нужно: от защитного тента со светоотражающими лентами и автономным источником света, до якоря; от двойной камеры плавучести до локационного отражателя. Современный спасательный плот — это настоящее мини-судно, стократно увеличивающее шансы на выживание. По всем морским канонам на нём должна находиться даже портативная УКВ радиостанция. Но, то были большие судовые плоты в контейнерах по двести килограмм каждый. Здесь всё-таки плот самолётный, уместившийся в тонкой обшивке фюзеляжа. К тому же отстрелить катапульту надо ещё знать как. Иван лишь в фильмах видел, как спасательный плот выстреливается из-под «брюха» самолёта, и ярко-жёлтым пятном спускается на парашюте, в то время как система автономного наполнения надувает его отсеки воздухом. Из салона через загрузочный люк тем более в одиночку плот так просто не вытащить.

Иван глянул туда, где в зарослях папоротника прятался Питер, но не решился окликнуть. Бережёного бог бережёт. Несмотря на то, что плот без сомнения был наиболее ценным приобретением, всё-таки придётся на время оставить эту идею в покое и вернуться за ним в следующий раз.

Напоследок Иван ещё раз оглядел салон. Минимализм и дороговизна интерьера — визитная карточка элитных авиакомпаний. Богачи любят чистоту и модерн. Но полированные подлокотники из красного дерева, белая кожа обивки, выдвижные стеклянные столики с выемками-подстаканниками и приятный на ощупь пластик на стенах были бесполезны для двух несчастных, затерянных в джунглях необитаемого острова посреди Индийского океана. Нет, кое-что могло оказаться востребованным. Иван встал на колени перед двухместным креслом и безжалостно вырезал тесаком большое полотно кожаной обивки. Получившийся лоскут свернул конвертом и сунул под рубаху. Прекрасный заменитель двери, если повесить его в проёме хижины.

И тут его внимание привлёк серо-синий предмет на кресле напротив трапа. На его кресле. Иван пригляделся. Сиденье покрывал один из тех шерстяных пледов, которые он нашёл в хозяйстве Брижит.

Чтобы не произошло за последние сутки, память честно служила Ивану, без сбоев и провалов. Она точно подсказывала, что никаким пледом он не пользовался ни при взлёте, ни после во время полёта, ни тем более при той ужасной посадке. Скорей всего это Брижит в суматохе швырнула плед на его кресло, а Иван не заметил этого. Или когда они все вместе спускали раненого пилота на землю. Но ведь после всего случившегося он доставал из-под кресла свою сумку и собирал припасы в мусорные мешки и готов был отдать голову на отсечение, что всё это время кресло оставалось пустым. Если только не...

Он опёрся руками о подлокотники и максимально напряг зрение. Плед топорщился бугром похожим на «лежачего полицейского», словно скрывал что-то вроде полуметрового предмета цилиндрической формы.

Иван откинул плед и выпучил глаза от изумления. Под пледом лежало новенькое подводное помповое ружьё итальянского производства. Матовый корпус, прорезиненная рукоять, хромированная кнопка предохранителя. Ствол заряжен восьмимиллиметровым стальным гарпуном. Мощная, невероятно лёгкая и безотказная в любых условиях воздушка. Стоило такое ружьишко немалых денег. Похожими «омерами» торговали Анжела и Джим, но Иван и мечтать не смел о подобном приобретении.

Он дотронулся пальцами до рукояти. Взял в руки и вспомнил, как совсем недавно Джим снял точно такой же «омер» с витрины и протянул Ивану с предложением оценить:

— Только получили. Последняя модель. Свалит даже человека. — И многозначительно добавил алькапоновскую крылатую фразу: — «Добрим словом и ружьём можно добиться гораздо большего, нежели одним только добрым словом».

Иван принял пневматику из рук товарища, повертел перед глазами и совершенно не ощутил веса, будто на ладонь опустилось пёрышко. Для богачей всё самое лучшее.

— Оцени, какая вещь! Могу продать в рассрочку, — подначивал Джим. Затем украдкой оглянулся на дверь в подсобку и заговорщицки прошептал: — Стрельнешь?

Иван принял боевую стойку, прицелился в висящую на стене полнолицевую маску для сноркинга, приложил палец к спусковому крючку и... улыбаясь, отрицательно покачал головой. Нет, он не пойдёт на поводу у инфантильного янки. Иногда Джим ведёт себя совсем как мальчишка. Со свойственной американцам бесшабашностью его частенько подмывало сделать что-либо эдакое наперекор не в пример строгой жёнушке Анжеле, хотя парень в точности знает, сотвори он что-либо из ряда вон выходящее, непременно получит «на орехи».

Тогда в магазине, даже не стреляя, Иван испытал ощущение, что в руках безупречно сконструированная и мастерски собранная вещь — оружие, сделанное с любовью и, бесспорно, соответствующее своей отнюдь немалой цене. Подобное чувство возникло и сейчас.

Вот это действительно клад! И не важно, как ружьё оказалось здесь, в совершенно неподходящем для него месте. Иван поднял глаза. Над креслом ниша для ручной клади. Вероятно «пушка» принадлежала пилоту и выпала она именно оттуда. Но неужели грозный сикх — любитель подводной рыбалки? Может ружьё принадлежало Брижит? Не удивительно если с такой фигурой она окажется отличной пловчихой. Или Крофту? Но Питер уверял, что отец не пловец. Тогда Натали? А может профессору?! Плевать! Главное, что ружьё есть, оно реально и теперь в его руках. Что ни говори, Аль Капоне прав. С такой игрушкой ставка на выживание повышается в разы, нежели без неё.

Перепополняемый эмоциями Иван, как и тогда в магазине, вскинул оружие, принял уверенную позу карабинера и навёл гарпун на ближайший иллюминатор с видом на мангровый лес. Уж теперь-то ночному желтоглазому гостю придётся обходить стороной их утлую фазенду.

Немного постояв так и насладившись ощущениями вооружённого человека, Иван завернул ружьё в плед, но сбросить вниз не решился. Тесаком он отпорол от пледа полоску шириной в ладонь, свернул её «трубочкой», один конец привязал к рукояти пневмата, второй за ствол под наконечником гарпуна и как трёхлинейку перебросил через плечо. Перебрал в уме все находки, оценил их значимость и удовлетворенный результатами вылазки победно потянулся, разминая суставы. Не зря он вернулся сюда. Ой, не зря.

Невзирая на пережитые перипетии — шок авиакатастрофы, таинственное исчезновение попутчиков, страшная и глупая смерть, произошедшая прямо на глазах и полнейшая безнадёга завтрашнего дня — в эту минуту Иван чувствовал себя «на вершине горы». Он любовно погладил висящий за спиной пневматик, водрузил ладонь на прохладную рукоять тесака и широко расправил плечи. Не так-то просто сломить моряка-черноморца. Они ещё повоюют. Но пора и честь знать, и Иван триумфально оглядел место поживы.

Вдруг что-то нехорошее ёкнуло внизу живота. Холодок пробежал по спине, и кровь ударила в виски. Он дал бы сто к одному, что шторка кабины пилота не могла находиться там, где она была сейчас. Когда из-за удара при посадке её перекосило и сорвало с

направляющих, Ивану, чтобы добраться до раненого сикха, пришлось выломать шторку из проёма и бросить на пол. Но сейчас она непостижимым образом снова водрузилась на своё законное место. И хотя так и оставалась сломанной, теперь приставленная к проёму напрочь перекрывала обзор кабины. После, когда в кабине прятался Питер, он тем более не мог установить шторку на место. У мальчишки примитивно не оставалось на это времени. Да и необходимости в этом не было никакой. Зачем?

Иван медленно снял пневматик, крепко обхватил резиновую рукоять и влажным пальцем погладил курок. Свободной рукой отодвинул шторку, и та с шумом повалилась на пол.

Кабина сверкала залитая солнцем, и в этих ярких лучах несокрушимым постаментом возвышалось кресло пилота. Никаких повреждений, будто время вернуло всё на взлётную полосу Чиннайского аэропорта. В это сложно поверить, но Иван готов был поклясться, загляни он под сидение, все ранее недостающие крепёжные гайки оказались бы намертво привинчены на свои места на всех пяти шпильках.

В кресле восседал сикх. Голова чуть свесилась. Из-под сползшего набок дастара выбился седой локон кеша. Правая рука безвольно повисла вдоль обмякшего тела, левая покоилась на штурвале. Из сжатых в кулак мертвецки сине-серых пальцев выглядывал лоскут хлопчатобумажной ткани, синий, как и рубаха мистера Роя. В горле застрял окровавленный хвостовик гарпуна. Точь-в-точь такой же, как и его брат-близнец, заряженный в пневматик в Ивановых руках.

Обвешенный как верблюд шестью баулами со скарбом, Иван два из них, что поменьше, швырнул мальчишке под ноги с окриком:

— Живо в лес!

— Что там? — ошеломлённо пролепетал перепуганный Питер.

— Не трать время! — зло рыкнул Иван. — Хватай узлы и ходу!

И они побежали, не замечая хлётких веток над головой и предательских кочек в траве.

Мысли Ивана расползались как тараканы при ярком свете. Это становилось уж совсем дурной затеей — генерировать диаметрально противоположные, ничем не обоснованные версии — словно решаешь уравнение с множеством неизвестных, в котором нет ни одного математического символа. Ни «сложения», ни «вычитания», ни даже «равно».

Если это спланированное похищение с целью выкупа, пилот вполне мог быть в курсе. Да ещё оказаться неудобным подельником, от каких принято избавляться. С натяжкой можно было объяснить и появление орудия убийства — подводного ружья, висевшего теперь у Ивана за спиной. Но почему именно гарпуном? Необитаемый остров, со всех сторон океан. Камень к ногам и на дно. Нет тела — нет дела. А тут пожалуйста, в кабине самолёта мёртвый пилот собственной персоной.

Или всё не так, и действительно экипаж и Крофты с профессором по роковой случайности угодили в лапы диких аборигенов? Предположим, сикху каким-то невероятным образом удалось сбежать из плена. В одиночку? С переломанными рёбрами? Звучит нелепо. Ну, допустим, повезло. Добравшись до самолета, он влез в кабину, чтобы что? Проверить приборы? Связаться с большой землёй? Отыскать неисправность в двигателях? Невероятно. Тем более, если учесть что индус знал, где находится хижина, построенная им же и много месяцев служившая укрытием. Неужели опытный ветеран выбрал, как оптимальный вариант спасения, не укрыться там, где наверняка нашёл бы и Ивана и мистера Роя, а попытаться каким-то неведомым образом использовать вышедшее из строя воздушное судно?

Вполне допустимо, что туземцы, посчитав его не жильцом, бросили на берегу. Очнувшись, раненый отполз в укрытие, потому-то Иван и Гаррет и не нашли его. Позже, не имея возможности нормально передвигаться, сикх едва сумел вкарабкаться в самолёт, да там и остался в надежде, что они вернутся и найдут его, либо кто-нибудь ещё, к примеру, спасатели. Но кто-то с автоматом и пневматиком отыскал его раньше. Снова возвращаемся к сценарию с вымогателями или пиратами. Но тогда почему по самолёту автоматной очередью, а в пилота гарпуном? Гипотеза даже более сырая, нежели прежние.

Все эти догадки были ни чем иным как хаотичным жонглированием неизвестными x , y и z , но все они от более-менее правдоподобных до совершенно высосанных из пальца вполне имели право на существование. Чего только не случается на грани веков. Но было обстоятельство, сводившее их на нет. Ложка дёгтя в бочке мёда; нестойкая карта в карточном домике; гнилой конец лinya. Неоспоримый факт, напроць перечёркивающий и версию с дикими туземцами, и с коварными похитителями. Этим фактом было кресло пилота, вернувшееся на своё место, и пять блестящих хромом, намертво привинченных крепёжных гаек под ним, которые ранее, до вылета, чёрт побери, кто-то специально отвинтил, а теперь привинтил снова.

От этих мыслей жутко разболелась голова. Злость на себя, на всё происходящее и на то,

что ни на один из поставленных вопросов нет ответа, переполняла Ивана. Два трупa, две смерти за столь короткое время. Да и какая разница, за какое время? Обе на его глазах!

— Живей, парень! — время от времени подгонял он плетущегося позади Питера.

В конце концов, пришлось пропустить мальчишку вперёд, чтобы тот окончательно не отстал.

Ивана не покидала мысль, что он упустил нечто важное, такое, без чего несвязные на первый взгляд, но интуитивно однородные картины произошедшего не в состоянии выстроить в логическую последовательность.

— Эй, Пётр! — окликнул он Питера. — Ты видел тогда пилота?

— Кого? — не понял мальчик. Он даже не оглянулся.

— Когда уводили твоего отца и мачеху. И его тоже?

— В смысле? Наверное, да, — неуверенно согласился Питер.

— Наверное, или видел?

— Их же всех отвели к лодкам...

— И пилота?

— Наверное.

Иван громко чертыхнулся. Мальчик, наконец, оглянулся и бросил на Ивана странный взгляд, содержащий явный посыл: «Уж чьей судьбой им и стоило озаботиться, отнюдь не участью полумёртвого лётчика, из-за кого всё это и приключилось».

— Нет, я не видел, сэр, — вынужденный молчаливым ожиданием, ответил подавленный Питер. Обращение «сэр» свидетельствовало о его полном замешательстве. — Он же был при смерти?

— Мы не нашли его у самолёта. Его тоже забрали в лодку? Ты видел как это было?

— Может они и не... ну, не знаю.

— Не знаю, или не видел? — Иван повысил голос. Его окончательно взбесило полное отсутствие конкретики в словах мальчишки.

— А что случилось, сэр? — с надеждой спросил Питер.

— Ничего. Шагай! — раздражённо бросил Иван и коротко добавил: — И не называй меня больше «сэр».

Подходя к хижине, Ивану вдруг почудилось, что за ними наблюдают. Он будто ощутил чьи-то пристальные недобрые взгляды на мокрой от пота спине. Нестерпимо захотелось обернуться, но мысленно укорив себя за паникёрство, он отбросил глупые страхи. Не хватало ещё впасть в паранойю.

В хижине они свалили баулы в кучу, и Иван принялся разбирать находки. Отправив мальчишку с котелком набрать воды, разложил по лежанкам пледы, посуду и средства гигиены разместил ближе к очагу, кобуру с ракетницей надел на плечо, а «огневой» чемоданчик спрятал у изголовья своего лежака. Там же нашлось место и сумке с тревожным «энзэ» — фалами, жилетами, фальшфейерами и аптечкой — в готовности в любую минуту сорваться в спасительное бегство.

Работал Иван чётко, отлажено, намерено отгоняя мысли о найденном в самолёте трупе. И всё же стоило похоронить сикха. Вернее сжечь согласно его вере. Но раз так, лучше поджечь весь этот чёртов самолёт!

Ивану жутко захотелось кофе.

— Вскипяти воды, — попросил он вернувшегося Питера, сам же принялся разбирать вещмешок Гаррета.

Сменное бельё, пара носок, опасная бритва, нераспечатанная пачка сигарет. Иван методично выкладывал стандартный джентльменский набор свойственный, наверное, каждому бобылю-англичанину. Брезгливости не было. Вряд ли покойник воспользуется теперь всем этим, а им пригодиться.

В кармашке вещмешка нашлась пластиковая коробочка, а в ней пакетики подписанные рукописными латинскими надписями, содержащими недвусмысленные Barba, Nitra и Meta. Иван не разбирался в фармакологии — его знания ограничивались йодом и панаололом — но в этих непривычных медицинских названиях было что-то недобро пахнущее, запрещённое и плохо сочетающееся с бравым воякой. Неужели «терминатор» баловался транквилизаторами, стероидами и анаболиками? Покривившись, Иван сунул коробку в карман.

В завершении они с Питером укрепили на входе кусок кожаной обивки. Света значительно поубавилось, но и возросло чувство защищённости. Правду говорят: «Твой дом, твоя крепость».

Пора было озаботиться в край расшатанными за последние дни нервами. Когда вода закипела, Иван бросил в котелок одну кофейную «таблетку» и спустя минуту божественный аромат наполнил пространство.

Иван большими глотками жадно пил горячий тонизирующий напиток и чувствовал, как возвращается в норму душевный баланс. Перестали дрожать пальцы. Адреналин отпускал налитые кровью мышцы. Складки на лбу разгладились, и в глазах угомонились воинствующие огоньки.

Питер тоже сделал несколько глотков и, наконец, решился задать давно мучавший его вопрос:

— Что ты там видел, Иван?

— Мы не взлетим, — спокойно сказал Иван. — Теперь в этом нет смысла. Может, самолёт и заметят с проходящего судна, но теперь о его местонахождении знают и другие... гм. Чёрт! Я нашёл спасательный плот, но куда нам на нём плыть? В открытый океан? Будем пробираться через скалу на северо-восток. Не может быть, чтобы здесь не оказалось поселений.

— Но там же...

— Теперь у нас есть крепкие канаты, — Иван предугадал смысл вопроса и с горечью подумал, что и сам теперь с трудом заставит себя перебраться через ту смертельную расщелину. И чтобы сколь-нибудь скрасить невесёлый разговор предложил: — Будешь мороженое?

Питер отрицательно покачал головой. Его снова била лихорадка.

— Тогда высыпаться, — распорядился Иван и лёг, накрывшись пледом.

* * *

Из забытья его вывел грохот. Что-то тупое ударило в частокол стены. Ещё один удар, и ещё.

Иван вскочил на ноги, дёрнул из кобуры ракетницу, другой рукой выхватил из ножен тесак. Ногой пнул лежанку Питера. Мальчишка мгновенно проснулся. Иван взглядом указал на пневмат. Питер понял и, не мешкая, схватил ружьё.

— На пол, — одними губами приказал Иван. И на этот раз мальчишка всё сделал верно.

На полусогнутых Иван подкрался к проёму, дулом ракетницы отодвинул кожаный полог и отпрянул назад. Что-то увесистое со свистом пролетело рядом с ним.

Иван повалился навзничь, перекатился, прижался спиной к дюралевому щиту в стене. Тут же металлический звон саданул по ушам, словно над головой ударил колокол. Это снаружи тяжёлым, чем-то вроде кувалды, огрели по дюралю. Впечатление было таким, будто хижина подверглась обстрелу чугунными ядрами.

Иван огляделся. На полу чернел булыжник размером с кулак. Угодив в край лежака, за которым прятался Питер, он оставил на полусгнившей древесине свежую борозду значительных размеров. Скорость полёта была впечатляющей. Попади он Ивану в голову — всё закончилось бы третьей смертью за столь короткое время и такой же глупой, как и две предыдущие.

Иван прильнул к щели в стене. Никого. Кровавые лучи заходящего солнца окрасили кроны деревьев в бордо и, несмотря на лёгкие сумерки, пустырь перед хижинкой просматривался вполне прилично.

Иван подполз к лежанке, извлек из сумки найденный в самолёте фонарь, вернулся и направил луч в чащу леса. Скользящий рассеянный свет вырвал из вечерних теней сплетённые ветви деревьев, увитые толстыми «канатами» лиан и в этот миг снова что-то увесистое — вероятнее всего камень значительно больший, чем прежние — шарахнул по дюралю, да так, что в листе образовалась выпуклость немалых размеров. Ещё пару таких попаданий и старая авиационная переборка прикажет долго жить.

Иван навёл фонарь на то место, откуда вероятнее всего был произведён «выстрел». Блёклый луч осветил силуэт, принадлежащий половозрелому существу. Животное сидело на ветке, и было в нём что-то неуловимое, отличающее от обезьяны или ленивца. Длинное неестественно безволосое тело с конечностями похожими на человеческие и с впалым животом под пустыми отвислыми грудями. Голова торчала прямо из туловища, укрытая густым рыже-коричневым ворохом то ли шерсти, то ли волос. Но главное, что поразило Ивана — горящие глаза, близко посаженные на багровой морде и белый оскал зубов. Существо больше походило на нечто среднее между разъяренным бомжем, защищающим мусорный контейнер от сородичей и рыжим орангутангом, подобно тому, каких Иван видел в чиннайском зоопарке. Но в отличие от бесхвостых орангутангов, позади животного болтался длинный чёрный хвост.

Рядом показался второй. То был ещё один представитель «безволосой полуобезьяны». Что-то длинное болталось у него спереди. Существо встало на ноги, выпрямилось и принялось проделывать своим длинным «хвостом» широкие круговые взмахи. Только теперь Иван понял, никакой это был не хвост, а сплюснутая лиана. Раскрутив её, существо сделало неуловимое движение, и вмиг огромный булыжник проломил ветхую стену хижины. Иван оцепенел. С руки у полуобезьяны свисала самая настоящая метательная праща!

Фонарь дёрнулся, луч побежал по темнеющим кронам и Иван с ужасом констатировал — таких существ на ветках насчитывалось с добрую дюжину и у каждого по праще.

Очередной булыжник жажнул прямым в щель, куда светил фонарь. Твари целили в свет и били наверняка. Иван поспешно потушил фонарь, но и это не помогло. Мощь залпов удвоилась. Теперь снаряды, сорвав полог с проёма, летели в очаг. Довольно частые попадания поднимали столбы искр. Угли разлетались по хижине и могли оказаться источником пожара.

Действо походило на артиллерийскую подготовку перед осадой. Залпы были спланированными и системными, и Иван ничуть бы не удивился, заметь он на ветке существо-командира, подающего отмашку с криком: «Пли!»

Иван, а за ним и Питер забились в угол за кислородными баллонами. Иван направил ракетницу на вход. Когда-нибудь это безумие закончится, и первая тварь переступившая порог павшей крепости, получит залп помощнее булыжника. Но камни не переставали лететь, а хижина стонала, скрипела и кряхтела, грозя вот-вот обрушить свод на головы осаждённых.

Вдруг обстрел затих, и треск крушащегося дерева сменился многоголосыми вскриками схожими на дельфиний разнотональный писк и свист.

Иван всматривался в ночь сквозь разбитые стены.

Перед хижинкой двигалось существо. Мерно прохаживалось вдоль пустыря, но входить не спешило. Иван вдруг подумал, что подстрелил он сейчас «смельчака», акт возмездия увидят остальные и вполне вероятно охота к штурму у них отпадёт.

Он подполз ближе, притаился за изуродованным, держащимся на честном слове дюралевым листом и выглянул наружу. Перед хижинкой неторопливо фланировал невиданный зверь. Похож он был на леопарда размерами с дворнягу, но приземистей, с более короткими и мощными конечностями. Густая медвежья шерсть крапчатого окраса с отчётливо выраженными дорожками продолговатых чёрных пятен. Сильные лапы мягко касались земли, минуя Ивановы ловушки, а небольшая короткоухая голова обращена в сторону лесной чащи, опустевшей от обезьяноподобных «стрелков».

Не удивительно, что дюжина испугалась одного. Встань этот представитель семейства кошачьих на задние лапы, ростом он превзошёл бы любого человекоподобного примата. А твари, бесспорно, были человекоподобными. Их действия скорее походило на вполне цивилизованное желание запугать, сломить волю противника, а вместе с ней и подавить стремление к обороне. Многовековая тактика толпы.

Хищник-одиночка действует по-иному. Он не швыряется камнями. И без этого уверен в своём превосходстве. Нет задачи запугать. Есть задача сделать охоту удачной, а в этом порука — холодный расчёт и полный контроль над жертвой. Именно это сейчас и демонстрировал краповый хищник своим победным маршем.

Но как раз благодаря открытости, с какой зверь прохаживался перед хижинкой, Ивану показалось, что у того нет намерения полакомиться мясом обезьяноподобных «метателей» и скрывающихся от обстрела людей. Скорее, цель гостя в том, чтобы прекратить вакханалию, чего он с успехом и добился.

Зверь замер, дёрнул ушами, завершая показательное дефиле и наконец, повернул голову в сторону хижины. Зелёно-жёлтые глаза смотрели прямо на Ивана. У того внутри похолодело, и одновременно уши запылали жаром. Глаза в глаза на Ивана смотрел огромный лесной кот, с широкой усатой мордой и белыми клыками, сжимавшими серебристую судорожно бьющую хвостом рыбину размером с человеческий локоть.

Не отводя взгляда с застывшего с ракетницей человека, кот приблизился к полуразрушенной стене, на секунду остановился, медленно положил рыбу на землю и тут же испарился в зарослях папоротника, будто он был миражом.

Ночью начался крошечный ад — хижина быстро наполнялась москитами. Стоило позавидовать прошлой ночи, когда ровный ветерок, продувая щели штахетника, разгонял назойливую мошкату. Нынешняя же выдалась безветренной и полчища крылатых кровососов ринулись с ручья поживиться свежей кровью.

Сводивший с ума писк не прерывался ни на секунду. Крылатые твари были всюду. Они забирались за воротник, в штанины бриджей, кусали сквозь рубаху и гудели, гудели, гудели. Зарытый в два пледа Питер неистово хлестал себя по бокам и щекам.

Сквозь москитный гул Иван пытался по звукам определить, что происходит снаружи. Он так и не вышел из хижины и рыба, принесённая кошачьим спасителем, осталась нетронутой. Стоило разжечь очаг и набросать молодых веток папоротника для дымовой завесы. Но огонь мог привлечь обезьяноподобных пращников, а уж одновременно выдержать «артобстрел» камнями и воздушные атаки летающих вампиров для двух затерянных в тропиках теплокровных было выше всяких сил.

Укутавшись в плед с головой, Иван вдруг отчётливо осознал, в какую историю он вляпался. Эта местность кишела неприятностями, если можно так мягко назвать постоянный, ежеминутный риск для жизни.

К чёртовой матери! Нужно поскорее бежать с этого проклятого острова! Если они переживут эту ночь, утром соберут всё необходимое и двинутся через хребет искать людей.

И если удастся не издохнуть до утра, стоит срочно привести себя в порядок в полном смысле этого слова. Успокоиться, трезво оценить ситуацию и найти выход. Хватит играть в доморощенного детектива и умелого Робинзона, если нет охоты отправиться на тот свет следом за англичанином и индусом.

А такой охоты у Ивана не было. Плевать, кто за всем этим стоит. К чертям, какие силы затеяли эту игру со смертью. Для него это не игра. Вернее, не его игра. У него задача — выжить самому и помочь выжить мальчишке.

Будь Иван один, у него было бы намного больше манёвра. Но делать нечего, теперь он в ответе и за отпрыска сталелитейного магната. И если он спасёт теперь уже единственного наследника «стальных» миллиардов, старик Грегори станет его должником, а подобные обязательства зачастую оборачиваются немалым кушем.

«Ну и раскатал ты губу, морячок, — мысленно одёрнул себя Иван. — А с другой стороны, что здесь плохого? Не мы такие, жизнь такая».

С первыми лучами солнца гнус испарился, а с ним и улетучился сон. Разбитый бессонной ночью, весь на нервах как на иголках Иван на ватных ногах выбрался из хижины в утренний туман.

Из головы не шёл спасательный плот, оставленный в самолёте. Поспешные умозаключения, отбросившие как вариант спасение по воде, не выдерживали критики. Плот для того и предназначен, чтобы служить надёжным убежищем в открытом океане. На нём можно обогнуть остров вдоль береговой линии и найти спасение там. Вероятно, эта часть океана состоит из гряды островов, один из которых вполне может оказаться обитаемым. Люди как водится, селятся близ побережья, и добраться до поселения легче по воде, чем по суше. К тому же сплав на сконструированном для этого устройстве значительно безопаснее, нежели продираться сквозь джунгли в окружении назойливого гнуса, змей и нарциссов-

орангутангов.

Иван достал ящик с инструментом и пересмотрел содержимое. Дополнил утварью с самолёта. Повертел в пальцах штопор и положил туда же в ящик. Стоило непременно достать этот треклятый плот пусть даже для этого понадобится разобрать полсамолёта.

Собравшись, Иван наклонился над сонным мальчишкой, взял за руку, вложил в неё ракетницу и крепко сжал пальцы в кулак. Улыбнулся, подбадривая, и сказал:

— Петро, остаёшься за старшего. Неси вахту, морячок, и не высывайся. Если что, дай ракету в небо. Я увижу.

С бухтой тали через плечо, с тесаком в ножнах и швайкой за поясом, с ящиком в одной руке и с пневматом в другой Иван в очередной раз отправился к самолёту.

Подходя к берегу, он остановился и припал к земле, скрывшись за развесистыми лопухами широколистого кустарника. Что на сей раз припас ему мёртво стоящий аэроплан?

В груди горело. Дышать стало трудно, будто утреннее солнце выжгло весь кислород. В сотый раз за последние дни Иван испытывал это мерзкое чувство тревоги.

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаясь прокачать прану, как учил его дядя Жора. В голове прояснилось. Вернулась уверенность. Ощущение правоты принятого решения и понимание, что бездействие скорее приведёт к гибели, чем любое, пусть на первый взгляд и совершенно абсурдное, но всё-таки действие. Он проверил пневмат, взял его наизготовку и направился к «хонде».

Первое, что бросилось в глаза, большое оранжевое пятно, распластанное под самолётом. Зеркальный эффект в сочетании красок. Ярко-рыжая клякса под синим «подбрюшьем» фюзеляжа, а над ней, на фоне бирюзового, слившегося с океаном неба вторая такая же ярко-рыжая клякса набирающего силу солнца. Был бы Иван художником, непременно изобразил такую идиллию, назвав её «Два солнца».

Но с каждым шагом, Ивану становилось не до художеств. Движения его стали сбивчивыми. Всё труднее получалось переставлять ноги. Ладони вспотели, и резиновая рукоять пневмата увлажнилась. За десять шагов до самолёта Иван отшвырнул ящик с инструментами, скинул с плеча таль и, вырывая утопающие в песке боты, помчался к самолёту.

Оранжевым пятном на песке оказался спасательный плот. Вернее всё, что от него осталось. Брезентовый тент разорван в клочья. В таком же состоянии и прорезиненное полотно всех пяти воздушных баллонов. Ошмётки днища, куски лееров и части сломанных вёсел были разбросаны на несколько метров. Вырванный «с мясом», аварийный люк сброса плота валялся в стороне шагах в пяти, а на его месте фюзеляж зиял чёрной дырой с краями, утыканными довольно внушительными вмятинами и пробоинами от ударов палок или камней.

Ноги у Ивана подкосились, и он бессильно плюхнулся на колени перед ошеломившим его вандализмом. В увиденное нельзя было поверить. Ни поверить, ни объяснить.

Но теперь Иван не искал объяснений. К чёрту! Эта история переиграла его. Хватит бесполезных толкований, поисков потайных рычагов и мотиваций. Партия окончена. На этом дьявольском острове происходит то, что не поддаётся ни логике, ни объяснению, ни здравому смыслу. В извечном вопросе «Кто виноват и что делать?», сейчас важна лишь вторая его часть, а именно: «что делать». Ответ один — бежать подальше от этого проклятого места и как можно скорее.

Над головой прогремел удар грома. Ещё один. И ещё... Солнце палило нещадно, а в небе

бил гром.

Но нет, то был не гром. Бульжники с силой ударялись о фюзеляж самолёта, создавая звуки похожие на клокотание рвущихся в клочья небес.

Иван упал навзничь, прикрыл голову руками. Один из камней угодил ему по ноге. Он вскочил, рванулся к трапу самолёта. Адская боль обожгла икру. Но не боль остановила Ивана.

На нижней ступеньке трапа стояло существо. Безволосая полуобезьяна с пращей в непропорционально длинной лапище. Целясь в Ивана, тварь вращала пращу. Не мешкая, Иван развернулся к лесу. Метрах в двадцати от него несколько таких же приматов, размахивая пращами и меча камни, неслись в его сторону.

Иван вскинул пневмат. Развернулся, прицелился в тварь на трапе и нажал на спуск. Гарпун с шипящим звоном полетел к цели и... скользнул примату по груди, срикошетил и впился в ступеньку трапа.

Сильные лапы обхватили Ивана сзади. Прижали руки к туловищу. Серо-синие морщинистые пальцы соединились в борцовский замок на его на животе. Напряглись, не давая шелохнуться. Тисками сдавили дыхание. Хотя лапы твари были обезьяньи, их сплошь покрывал панцирь из чешуек, точь-в-точь как брюхо каймана. Между пальцами имелись перепонки как у водоплавающих, и напрочь отсутствовали когти. Казалось, это лапы фантастического ихтиандра, возникшего из морских глубин.

Иван насколько было возможно, расправил грудную клетку и, сделав глубокий вдох, задержал воздух как при погружении. Пальцами он нащупал рукоять тесака. Попытался вынуть из ножен. Ему удалось. Короткими движениями, насколько могла двигаться рука, он стал наносить удары назад, намереваясь вслепую ранить обездвижившее его существо. Над ухом раздался громкий писк. Иван уже слышал подобный ночью. Писк дельфина.

Рёбра сковал спазм, точно их стянули металлической цепью. Появилась тупая боль в пояснице. Воздуха не хватало, глаза закатывались, а существо всё пищало, брызгало слюной и дышало в затылок гниющей тиной.

Сознание стало покидать Ивана. Чтобы сберечь силы он перестал бить. Его лёгкие, казалось, превратились в выжатую губку, а кровь перестала гнать по венам кислород.

Спереди выросло второе такое же существо, вероятно, то, кого не взял гарпун. Мощными лапами оно обхватило Ивановы ноги и дёрнуло на себя. Иван чувствовал, что теперь его подняли над землёй и несут в горизонтальном положении. Непослушная рука выронила тесак...

Последнее, что он увидел, прежде чем окончательно впасть в беспамятство, была ярко-оранжевая ракета, сверкнувшая в бирюзовом небе над вечнозелёным ковром джунглей.

* * *

Пошла вторая минута. По ощущениям он погрузился метров на двенадцать. Легко доверять интуиции, когда привык сверять её с глубиномером. Но на этот раз консоль осталась на палубе «Marine Gold».

Сейчас с ним не было ровным счётом ничего, что облегчило бы поиски. Ни фонаря, ни гидрокостюма, ни даже манометра. Но главное, с ним не было акваланга. Была лишь толща воды вокруг, разрезанная редкими расплывчатыми лучами средиземноморского солнца,

чёрная бездна внизу и несколько литров воздуха в лёгких. Нет, ещё была моноласта — единственное, что удалось схватить в ту секунду между окриком: «Человек за бортом!» и прыжком в море. Ласту он надел уже в воде.

Его личным порогом погружения апноэ была отметка в сто два метра. Но, то были подготовленные погружения со слэдом для фридайвинга и с полным контролем специалистов, как в воде, так и на поверхности. А ещё спортивное погружение не предполагает спасения «человека за бортом».

На двенадцати метрах он остановился. Перевернулся головой вверх и осмотрелся. Никого. Обернулся на триста шестьдесят градусов, озираясь по ходу движения. Задрал голову и посмотрел ввысь, вглядываясь в искрящуюся солнечными прожилками морскую гладь. Хорошо, что сирокко утих прошлой ночью. Сейчас поверхность была ясной, пронизанной светом, гладкой как холст художника и насквозь просвечивающейся как тканое полотно, сохнущее на верёвке.

Человеческое тело не в состоянии быстро идти ко дну, тем более в насыщенных солью водах Адриатики. Всё дело в наличии в нём шестидесяти процентов воды. Двенадцать метров — самое то. Достаточно, чтобы начать поиски. Снизу-вверх на светлом фоне неба легче разглядеть в воде любой, пусть даже самый незначительный предмет. Тело маленькой Кэти было не большим.

Секунду он завис на месте, сосредотачиваясь. Затем сделал мощный удар ластой и отплыл на несколько метров в сторону. Там снова принял вертикальное положение и вновь проделал круговой осмотр. Оттолкнулся ластой, застыл на месте и сделал новый оборот вокруг своей оси, внимательно оглядывая светящуюся толщ воды над собой. Каждый манёвр занимал не более трёх секунд. Так он проделал раз пять.

По его меркам Кэти пробыла в воде полторы минуты, из чего следует, что в его распоряжении есть как максимум минуты три, не более. Достаточно, чтобы найти. Впритык, чтобы спасти.

Он прекрасно контролировал своё состояние. В результате интенсивных тренировок, а может из-за генетической особенности организма, но ему никогда не доводилось испытать азотного опьянения даже на стометровой глубине. Среди дайверов ходили жуткие байки по этому поводу, и в своей «зелёной юности» он даже досадовал, что не знает, что такое на самом деле этот самый азотный наркоз. Тогда ему казалось, что настоящий ныряльщик непременно должен пройти все круги ада. С годами приходило понимание, что главное в этом деле — спокойствие и ясный рассудок. Тем паче сейчас, когда на кону жизнь ребёнка.

Две минуты в воде прошли безрезультатно.

Чёрное пятно сверху и справа — днище «Marine Gold». Его и надо держаться. Сегодня глубинное течение не большое, а значит, девчонку не могло отнести далеко. Она должна быть где-то поблизости. Её просто не может здесь не быть.

Он всё ближе подтягивался к судну. Под корпусом царила совершеннейшая темень. Он оттолкнулся ластой, затем ещё раз, и поднялся метров на пять вверх. То был опасный манёвр. Чересчур быстрый подъём мог привести к декомпрессии в крови. Но по-другому нельзя. Времени — две минуты, а под чёрным днищем «Marine Gold» стоило доверять не столько глазам, сколько рукам. Держась в вертикальном положении с помощью мелких движений ластой, он стал вслепую шарить руками над собой, вокруг себя, по бокам, по диагонали.

Ещё одна минута утонула во временной бездне. В сумме вышло три.

Движения его стали замедленными. Сделав два ложных вдоха-выдоха — специальные упражнения грудной клеткой во избежание мышечной судороги — он приблизился вплотную к днищу.

И тут на тёмном фоне корабельного остова проявилось небольшое размытое пятно. Не обращая внимания на нарастающую боль в мышцах, он изо всех сил загрёб руками и устремился по направлению к цели.

От природы светло-русые волосы Кэти, в воде были черны как воронье крыло и безмятежно покачивались в такт едва заметным движениям воды. Девчонка лежала лицом вниз. Её прибило к основанию кия. Широкополое платье зацепилось за сталактиты обросшего ракушками днища.

Он дёрнул её за руку. Развернул к себе, запрокинул голову назад и, перехватив подмышками, стал быстро подниматься, по дельфиньи работая ногами.

В колени впивались иголки. Spина стала колом. Но, ни времени, ни сил не было фиксировать симптомы и думать о возможных последствиях. Он вглядывался в девчоночье лицо, в прикрытые веками глаза, пробуя разглядеть в них отголоски жизни, и надеясь, что в спущенной шлюпке среди спасательной команды есть и доктор Джош Флиман, и всё необходимое для реанимации при нём.

Когда они вынырнули, в нескольких метрах к судну прогремел крик:

— Вижу! Туда! На одиннадцать часов!

Последнее, что он увидел — как дюжина матросских рук подхватывает девичье тельце, и то как оно, словно невесомая морская пена, растворяется в солнечных лучах.

Больше он не видел ничего.

В глазах потемнело. Мышцы перестали исполнять команды. Голова запрокинулась назад...

Он шёл ко дну...

Кошмары отступили. Теперь ему снились только приятные сны, что означало восстановление жизненных сил.

Снились картины детства. То как они с дядей Жорой ловят креветок в бухте Чехова и их первые уроки ныряния.

Снилась мать. Как она впервые в жизни приехала в Одессу на его выпускной.

Снилось ясное личико десятилетней дочери капитана «Marine Gold». Сцена в Неаполе, где Кэти тонкой ручонкой благодарно жмёт три пальца его пятерни, а её отец хлопает по плечу со словами: «Храни тебя Господь, Джонни».

Часто снилась Лалит — смешливая индуска, с которой он познакомился в Дубай. Она-то и уговорила его перебраться на Восточное побережье Индии.

Однажды приснился неунывающий Сашка Семенович. На террасе роскошной виллы в дорогом восточном халате и с кубинской сигарой в зубах.

Снились беззаботный Джим и деловитая Анжела. И Риши звонко горланящий:

— Let's go Van! Ип-дь-йом! Ип-дь-йом!

Один раз приснилась Брижит. Она стояла у трапа самолёта в своей тёмно-синей юбке, но теперь без форменного жакета бортпроводницы. Шарфа нет, белоснежный воротник блузки растёгнут, и сверкает на ярком ченнайском солнце, подчёркивая нежность восхитительной девичьей шеи. На лице улыбка, отчего ямочки на щеках выглядят обворожительно. Девушка в упор смотрит на Ивана. Грациозно склоняет голову, щурит карие глаза, от чего лицо её становится лукавым и невероятно притягательным. Её алые губы приоткрываются, и с них срывается вопрос-предложение:

— Хочешь меня? Я рожу тебе замечательных детей.

Наверное, сон с Брижит был последним перед пробуждением, поскольку его Иван запомнил в мельчайших подробностях.

Когда он проснулся, было утро. Почему-то он был уверен, что время пробуждения пришлось между шестью и половиной седьмого утра. Белая простынь, на подушке белая наволочка. На нём белые парусиновые штаны и такая же белая безрукавка.

Он лежал и смотрел в потолок. Сны рассеивались, память возвращала события последних дней.

Он ощупал своё лицо. Шея и подбородок гладко выбриты. Пальцами он надавил на бока и грудную клетку. Рёбра целы. На руках ниже локтей небольшие почти рассосавшиеся гематомы. Пошевелил ногами. Правая отдала лёгкой болью. Приподнявшись на локтях, он осмотрел её. Штанина по колено завёрнута, на икре эластичный бинт.

Он спустил ноги на пол и сел на кровати. Расправил плечи и сделал полный вдох. Глубоко вдохнуть не вышло из-за колющей боли в лёгких. Какие-то внутренние повреждения всё-таки имелись, но степень была не ясна.

Он осмотрелся. Комната похожа на больничную палату. Стены окрашены в светло-голубой цвет. Единственное окно плотно зашторено. С потолка льётся мягкий люминесцентный свет. Из мебели ничего. Единственная кровать посреди комнаты с привинченными к полу ножками. У изголовья аппарат искусственной вентиляции лёгких, стойка с капельницей и ещё какие-то неизвестные ему медицинские приборы. Рядом с подушкой покоится кислородная маска.

Что это за место? Как он сюда попал?

Он помнил случившееся на берегу. То как тварь душила его своими смертельными объятиями. Как он колол её самодельным тесаком. И как ему не хватило ни воздуха, ни сил.

Он осмотрел ладонь. На тыльной стороне приклеена полоска широкого пластыря с катетером. На локтевых сгибах следы от инъекций. Вероятно, ему вводили внутривенно какие-то препараты.

Что это за место такое?

Время шло, а он всё сидел на кровати и искал ответы.

Ни единой мысли. Ни одного предположения.

Открылась дверь и в палату вошёл мужчина в белом халате.

Высокий и очень худой, таких называют жердями. Из-под халата выглядывали тёмно-зелёные галифе, заправленные в до блеска начищенные сапоги. На носу квадратные роговые очки, какие носили лет пятьдесят назад. Выпуклые линзы говорили о низком зрении. Конусовидная лысая голова. Над ушами пучки русых волос с пробивающейся проседью. На безволосом лице два таких же пучка бровей. Горбатый нос и впалые щёки подчёркивали худобу вошедшего. Длинными пальцами-палочками он сжимал чёрную планшетку для записей и простой карандаш.

— Почему вы сидите? — без предисловий спросил он.

Незнакомец говорил по-английски с едва уловимым центрально-европейским акцентом. Иван не нашёлся, что ответить на этот довольно странный вопрос.

— Вы нормально воспринимаете меня? — незнакомец говорил отрывисто, оперируя сухими чёткими словоформами.

— Вы нашли мальчика? — в ответ спросил Иван. Вопрос этот не родился в его голове, он появился из ниоткуда, но был более уместен, чем странные вопросы человека в халате.

В ответ молчание.

— Его имя Питер Крофт, — пояснил Иван. — Он американский подданный, — уточнил вдогонку, словно информация эта была достаточно весомым аргументом, чтобы мужчина в белом халате стал разговорчивей.

Бесполезно. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Вероятно потому, что там нечему было шевелиться. Облик незнакомца было настолько иссушенным, точно кожу ему натянули на череп, сэкономив на подкожной прослойке.

— Как вы себя чувствуете? — игнорируя слова Ивана, задал он вопрос.

— Его дед, Грегори Крофт, известный богатей, — Иван решил зайти с другого боку. — Получите внушительную награду, если отправите нас обратно на материк.

— Ваше имя?

Создавалось впечатление, что планшетка в руках незнакомца содержит тестовую таблицу, которую он во что бы то ни стало, обязан заполнить.

— Иван, — пораженчески ответил Иван. Пора было заканчивать бесполезное пикетирование безответными вопросами.

— Если позволите, я буду звать вас Йохан, — сказал мужчина, поправляя очки.

Он сделал ряд пометок, подошёл к пациенту вплотную, пальцами в перчатках бесцеремонно раздвинул его веки и внимательно осмотрел зрачки.

— Где я? — спросил Иван.

Незнакомец привычно пренебрег вопросом.

Не особо хотелось идти на поводу у этого неприятного типа, но Иван был в некотором

замешательстве от бессмысленного и неконструктивного диалога. Будто они разговаривали на разных языках.

— Что до мальчика, с ним всё хорошо, — неожиданно произнёс незнакомец. — Он под присмотром. Но как я сказал, нас больше интересует состояние вашего здоровья.

Волна облегчения прокатилась у Ивана в душе. Приятное известие придало малосимпатичной особе в белом халате немного позитивных красок. Теперь он не выглядел чёрствым сухарём.

— Как вы нас нашли? — спросил Иван.

Незнакомец снова молчал. Стоял истуканом и писал в планшетке, будто в палате не было никого кроме него.

Да он издевается! Ивана подмывало вскочить и сделать что-нибудь, чтобы обозначить своё присутствие. Ударить этого глухаря, что ли?

Без тени смущения незнакомец осмотрел Ивана с ног до головы. Цепким профессиональным взглядом обследовал грудную клетку и шею. Легонько постучал костяшками пальцев по почкам. Прощупал под ушами, подбородок и затылок, время от времени методично записывая результаты в планшетке. Впечатление будто, контактируя с пациентом, он выполняет свою ежедневную работу. Рутинно, отрешённо. В которой противоположной стороне отведена роль подопытного кролика.

— Вы нашли остальных? — Иван слегка повысил голос, предав тону настойчивые нотки. Может, «сухарь» плохо слышит или вовсе тугодум? — Нас было шестеро и два члена экипажа. Двое мертвы — один из пассажиров и лётчик. Но остальные могут оказаться живы... что с ними? Вы меня слышите?

В палату вошла медсестра. Высокая белокурая женщина лет сорока. На рукаве широкая белая повязка с красным крестом.

— Всё готово, гер Кунц, — обратилась она к незнакомцу.

Тот одобритительно кивнул, повернулся и сказал несколько фраз по-немецки.

Так вот оно что!? Гер Кунц! Теперь понятно, почему такой холодный приём.

Что это за место?

Женщина подошла к Ивану и безмолвно подставила локоть.

— Попробуйте встать, — предложила она.

Иван опёрся на предложенную опору. Рука женщины оказалась на удивление крепка.

Если не считать небольшого дискомфорта в правой икре, его ноги были в полном порядке. Голова не кружилась. Кровоток бодро курсировал по сосудам.

Гер Кунц молча пересёк палату, раздвинул штору и посмотрел вниз на залитый солнцем простор. Жестом пригласил подойти.

— Забудьте о ваших спутниках, — произнёс он. — Вам не стоит тревожиться об их судьбах. Сейчас ваш организм пребывает в стадии деконтаминации. Негативные мысли лишь замедлят процесс. Вам нужны здоровый сон и положительные эмоции. Взгляните туда.

Придерживая за спину, хотя в этом не было нужды, медсестра подвела Ивана к окну. Сухое лицо Кунца не выражало ровным счётом ничего.

С замиранием сердца Иван заглянул в окно. У прямоугольного бассейна, скорее походившего на трассу для спортивного плавания, стояла девушка. На голове оранжевая резиновая шапочка для плавания, белая кожа блестит влагой. По бирюзовому купальнику стекают струйки воды, и ярко-оранжевый платок туго обвивает шею.

Иван не поверил своим глазам. Внизу у бассейна стояла Брижит.

Иван нёсся по коридору не чувствуя боли в икре. За спиной слышался истеричный вопль медсестры и грозные окрики гера Кунца, призывающие не делать глупостей.

Тусклый коридор освещали электросветильники, выполненные в виде средневековых факелов. В какой стороне выход?

В конце коридора маячил массивный силуэт. Широкоплечий чёрный охранник, вероятно вдвое старше Ивана и выглядел гораздо внушительней. Мужчина откровенно скучал, и появление бегущего по коридору пациента стало для него неожиданным сюрпризом. Здоровяк запоздало пытался схватить беглеца за ворот, но тот умело вывернулся, оставив крепыша с носом.

Коридор заканчивался ступенями вниз. В три шага преодолев лестничный пролет, Иван оказался в овальной оранжерее с застеклёнными стенами, плетёной мебелью и множеством развесистых горшочных цветов на полу и на потолке. С внешней стороны трёхметровых окон блестела голубизной и отражалась в стёклах тихая вода бассейна.

Брижит сидела на плетёном лежаке, отрешённо прикрыв глаза.

Иван бросился к двери, дёрнул за ручку. Заперто!

— Брижит, я здесь! — заорал он, ударяя кулаками в стеклянную стену.

Ничего не произошло. Обращённое к ласковому солнцу красивое лицо Брижит сохраняло вселенскую умиротворённость. Казалось, разделявшая их стена была монолитна и абсолютно звуконепроницаема.

За спиной раздавались быстрые шаги. Кто-то сбегал по лестнице.

— Отошёл от двери! — приказали сзади.

Иван обернулся.

В руке верзилы блестел вальтер. Откуда-то из-под лестничных глубин вышли ещё два негритоса, чёрные как перезрелые сливы, и у каждого в руке по пистолету.

В оранжерею спустился гер Кунц. За ним следовала медсестра со шприцом наготове. Стеклянная колба наполнена. На торчащей вверх длинной игле блуждают солнечные блики.

— Фрау Хильда, вколите господину Усику два кубика анксиолитина, — на ходу распорядился гер Кунц.

Один из охранников, что помоложе подсочил к Ивану и умело заломил руку за спину. Второй громила схватил другую руку за запястье и предплечье и, распрямив её до хруста в суставах, выставил перед фрау Хильдой.

Женщина подставила под локоть холодную, крепкую и отнюдь не женскую по силе ладонь и, не целясь, ввела иглу в вену. Сделала она это виртуозно. Иван практически не чувствовал укола.

Лекарство потекло по венам. Голова отяжелела как под действием алкоголя. Шее всё труднее получалось удерживать вертикальное положение. Глаза повлажнели, веки налились свинцом. Непослушные ноги растворились в полу, и всё тело быстро наполнилось истомой.

Негры усадили Ивана в плетёное кресло. Под голову подложили соломенный пуфик.

— Спасибо фрау Хильда, — сказал Кунц.

Заложив руки за спину, он склонился над Иваном. Беззвучно шевеля безгубым, точно прорезанным бритвой ртом, принялся разглядывать сетчатку в подрагивающих веках.

— Спирабилицин в крови пока не вступил в полную регенерацию, — задумчиво

произнёс Кунц и, обращаясь к Ивану, добавил воспитательным тоном: — Вам противопоказано делать резкие движения. Организму нужен покой. Дайте ему завершить начатое. Если подобное повторится, мне придётся посадить вас на цепь.

— Там Брижит... — Иван вяло указал в сторону бассейна. Пальцы на руках немели. — Та девушка... Стюардесса нашего самол...! Вы что не понимаете? Вы кто такой?!

— Я могу устроить в вашем мозгу маленький взрыв, — холодно предостерег гер Кунц. — И если не хотите превратиться в овощ, строго следуйте моим инструкциям.

Игра в странные-ответы-на-странные-вопросы давно приобрела вид диалога немом с глухим, а всё происходящее отдавало каким-то древним мистицизмом вперемешку с районной психбольницей.

— Теперь вы знаете, что мальчик жив, — продолжал Кунц гипнотическим тоном. — Вы так же знаете, что девушка, которую считали погибшей, тоже жива. Вы получили сегодняшнюю порцию положительных эмоций. Сейчас ваш сон станет спокойным, и реакция достигнет максимума.

Реакция? Неужели они вкололи ему наркотик? Смысл?

И тут как гром среди ясного неба! Так вот оно что! Из всех сил пытаюсь не терять сознания, Иван произнёс заплетающимся языком:

— Это всё вы? Всё ради миллионов ста... старика Крофта? Я прав? Я тоже умею ана.. анализи... ровать. Но почему я? З...за меня вы не получите и гроша...

— Да, — буднично ответил Кунц, — в какой-то мере вы правы. Но не ради выкупа. — Удивительно, но за весь их короткий диалог Кунц впервые дал ответ на прямо поставленный вопрос. — Человека выкрасть несложно, и вряд ли кто-нибудь в миллиардной Индии озаботится судьбой пропавшего туриста. Но нам нужны гарантии.

Он вполоборота развернулся к стоящим за его спиной неграм:

— Вы трое, когда он достигнет нормы, отнесите в процедурную и организуете круглосуточное наблюдение. Глаз с него не спускать. Не справитесь, каждый лично ответит перед Доктором.

Кунц ушёл, а Иван спустя минуту и вовсе перестал чувствовать собственное тело. Будто он на стометровом погружении и у него отсутствует какая-либо плоть. Есть лишь океан, а он — часть его.

Струи воды и света пронизывают сверху вниз. Он — течение. Он — глубина.

Рядом Брижит. Она подставляет лицо под ласковые струи. Её лицо бесстрастно и блаженно. Она течёт вместе с Иваном. Их течения то сливаются, растворяясь друг в друге, то расходятся в разные стороны.

— Рады видеть вас, месье Усик, на борту нашего судна, — журчит вода. — Я рожу тебе замечательных детей...

Откуда этот германец, обзывающий его Йоханом, знает его фамилию?

Между пальцами зачесались ладони. Иван растопырил пальцы перед глазами. Из средних фаланг, словно молодые листочки из набухших почек, пробивались навстречу друг другу нежно-зелёные отростки. Местами они срачивались в тонкие прозрачные перепонки.

У Брижит между пальцами уже были такие. Плотные широкие перепонки как у водоплавающих.

В русской сказке обычная лягушка превратилась в прекрасную царевну. А как она превращалась обратно, из царевны в лягушку? Регенерация? Действие таинственного и ужасного Спирабилиса?

Но теперь Ивану было всё равно. Яркие краски сменялись ещё более яркими, и им не было предела. Регенерация достигала максимума, и без разницы, что с чем вступало в реакцию. Иван хохотал, хотя и не чувствовал ни рта, ни лица. Он плыл, хотя не ощущал ни рук, ни ног. Он жил, но можно ли это назвать жизнью? Скорее состоянием, что ты есть, и ты есть Всё.

Если бы он был поэтом, то назвал бы это «Состоянием воды». Ведь вода никогда не умирает. Переходя из одного агрегатного состояния в другое, она вечно жива.

Живая вода.

«Не хотите превратиться в овощ?» Почему бы и нет? Лишь бы не забывали поливать.

Журчит вода. Он и есть вода.

Человеческое тело не тонет, потому что на шестьдесят процентов состоит из воды.

Это спасло Кэти.

Это спасёт и его.

Очередное пробуждение было таким же ранним, как и в прошлый раз. Но сейчас Иван чувствовал себя заново рождённым.

А ещё он почувствовал, что лежит совершенно голый в большой стеклянной колбе наполовину заполненной водой, и что всё его тело утыкано датчиками и увито паутиной проводов. Ряды крохотных присосок покрывали лоб, виски, шею, грудь и бока, а к каждому пальцу на руках и ногах были прикреплены какие-то замысловатые сенсорные прищепки наподобие пульсоксиметров с тонким шлейфом проводов. На глазах очки для ныряния.

В иллюминаторе за полукруглым столом-пультом восседала фрау Хильда. Сосредоточенная на встроенных в панель мониторах, мигавших синими, зелёными и красными синусоидами, она время от времени что-то записывала в папку в кожаном коричневом переплёте. Только сейчас Иван внимательно разглядел её.

Сухощавая фигура, прямая спина. Холёные руки сложены на столе в позе отличницы за партой. Накрахмаленный медицинский халат идеально подогнан по фигуре. Ни пятнышка, ни складочки. Светло-русые волосы собраны на затылке в тугую «гулю», ни единый волосок не выбивается из стройного ряда. Тонкие черты, выточенные, словно из гранита, придавали облику строгости и даже некой жестокости. Весь облик фрау Хильды напоминал породистую борзую.

Заметив, что Иван проснулся, она закончила писать и улыбнулась. Вероятно, так она хотела подбодрить Ивана, но в купе с холодным взглядом ярко-голубых глаз улыбка получилась зловещей.

— Всё в порядке, — утвердительно сказала она. — Ваш организм под контролем. Не делайте движений.

Она склонилась над стоящим на столе, точно кобра на хвосте, микрофоном и произнесла, выделяя каждый слог: — Он готов.

— Начинайте, — донеслось из динамиков. — Доктор на месте.

Голос был искажён помехами и наложенным эхом, но то, без сомнения, было голос Кунца.

Только сейчас Иван заметил, что комната без потолка.

Сверху по периметру нависал балкон, на котором просматривалась группа людей. Сквозь мутное стекло саркофага фигуры были размыты и выглядели как цветные пятна: двое в белых халатах, двое сплошь в чёрном, а поодаль ещё две фигуры — мужская в светлом костюме и женская в бирюзовом трико.

Включились механизмы, снизу заурчало, забулькало, и колба стала наполняться водой. В боковом иллюминаторе возникло лицо фрау Хильды. Женщина посмотрела прямо в глаза. Поняв, что Иван её видит, сделала глубокий вдох и прикрыла рот ладонью, как бы призывая и его проделать то же самое. Вода быстро заполняла пространство.

Раньше Иван уже испытывал подобное состояние. В гипербарической камере на сеансах баротерапии. Но вряд ли он здесь в лечебных целях или ради кислородного насыщения. Эти люди что-то от него хотят. Но что? «Чёрные» трансплантологии? Секретная биологическая лаборатория НАТО?

Эти мысли не на шутку разозлили его. Что бы здесь не происходило, он никому не давал согласия на эксперименты над собой.

— Выпустите меня! — заорал он, злобно гримасничая и тарашась на фрау Хильду.

Та беззвучно пошевелила губами и ещё раз проделала демонстрацию задержки дыхания.

— Открой крышку, гнида! — Иван кулаком жажнул в иллюминатор.

Лицо фрау Хильды исчезло.

— Эй, вы там! — Иван ударил ещё раз, сбив кожу на костяшках. Стекло оказалось калёным.

Вода поднималась всё выше. Теперь она покрывала всё тело, и чтобы дышать Ивану пришлось приподняться на локтях и максимально выгнуться вперёд. Он развернулся и плечом саданул в крышку саркофага. Довернулся ещё и, приняв положение «планки», упёрся спиной в верхний полуцилиндр барокамеры. Напрягся что есть силы и, упираясь локтями в дно, толкая себя вверх, попробовал выломать замки.

В иллюминаторе вновь явилось лицо фрау Хильды. Теперь оно выглядело не таким бесстрастным. Медсестра что-то кричала и делала знаки, призывающие к спокойствию.

— Да пошла ты... — почти выкрикнул Иван, но вода попала в рот и он закашлялся.

Приподнявшись над прибывающей водой, он глубоко вдохнул и, утопив голову, упёрся лбом в дно, выгнув дугой спину и налёг на крышку. Раздался тихий скрип. Тонкие струйки поползли по внешнему стеклу иллюминатора. Иван налёг сильнее.

Постепенно вода заполнила весь саркофаг. Напрягая силы, выламывая петли, Иван не думал, сколько может продержаться. Сколько понадобится, столько и будет.

Снаружи метались люди. На миг в иллюминаторе показалась и тут же исчезла физиономия уже знакомого негра в чёрном. Водяных дорожек прибавлялось, теперь они стали шире.

Истерично заскрипел металл, и тяжёлая крышка отскочила, став легче пушинки. Ивана по инерции подбросило вверх. Он попытался встать, но скользкое полукруглое дно барокамеры не лучшая опора, и он с грохотом повалился в воду. Очки перекосились, в них попала вода, сделав Ивана слепым. Чья-то крупная пятерня ухватила его за волосы и потянула. Иван вслепую сделал несколько размашистых движений руками. По всей видимости, кулаки достигли цели. Что-то чавкнуло, и мужской голос воскликнул:

— Schwein!

Иван ещё раз выбросил кулак, но тут невидимый хук угодил ему в солнечное сплетение, сбив дыхание и повалив в воду.

Пара сильных рук придавила Ивана к дну. Ладонью ему заткнули рот и нос. Сквозь бурлящую в схватке воду Иван различал два чёрных силуэта — те самые негры-охранники держали его, не давая подняться. Одна рука на лице, вторая сдавливает горло, ещё две на груди и животе.

Он бился как пойманная медведем рыбина, рвущаяся из цепких когтистых лап. Неистово молотил руками и ногами. Дважды кулаки и пятки достигали цели так, что вода вскоре окрасилась кровью.

На миг удалось ослабить хватку. Иван со звериным восторгом впился зубами в коричневую ладонь, закрывающую ему рот. Сверху раздался вскрик. Руки, сковывающие его движения, исчезли. Иван интуитивно успел убрать голову, и чёрный кулак прошёлся в миллиметре от уха. Следом ещё один снова угодил в дно, подняв волны и ворох брызг.

Иван пружиной вытолкнул себя из воды и в одном прыжке выпорхнул из саркофага. Пол был плиточный, и мокрые ступни разъезжались на нём как на льду. Перед глазами всё плыло. Он попытался было снять очки. Не вышло — ремень крепко стянут на затылке.

Впереди вспыхнуло яркое пятно — человеческая фигура в бирюзовом трико. Вложив все силы в скользящие ноги, Иван сделал, было, шаг, но адская боль в паху пронзила всё его тело. Это человек в бирюзовом ударил ему между ног.

Иван упал как подкошенный. С головы сорвали очки, и перед слезящимися глазами встало лицо Кунца.

— Фрау Хильда! — кричал он.

Игла кольнула вену также легко и безболезненно, как и в прошлый раз. Всё повторялось. Сознание снова утонуло в дымке, заменяя боль в паху блаженной наркотической негой...

* * *

Очередное пробуждение не было таким радужным как прежде.

Болели голова и правый бок. Гудели руки. С ноги сняли бинт, зато костяшки правой руки были залеплены пластырем.

Он был в той же комнате, что и прежде и на нём была вновь надета грубая парусиновая пижама. У кровати уже знакомый охранник, тот, что постарше. В ноздрях белеют ватные тампоны. В руках конец железной цепи.

— Wach auf! — скомандовал негр, увидев, что пациент очнулся.

Иван не отреагировал. Негр дёрнул цепью, и нога Ивана дёрнулась тоже. На ноге были кандалы. Надо же, меры предосторожности! Прямо галерный раб.

Иван подтянул нону, перехватил цепь и дёрнул на себя.

Холодный ствол упёрся в висок.

— Станешь дурить, разнесу весь твой внутренний мир, — на приличном английском произнёс негр. И уже покладисто добавил: — Идём, Доктор ждёт.

* * *

В центре полутёмной комнаты, закинув ногу на ногу, восседал старик. Лёгкий льняной костюм лилейного цвета сидел на нём свободно, но мешковатым не выглядел. Наоборот, даже подчёркивал нетронутую лишним жирком сухошавую фигуру. Старику можно было дать как семьдесят, так и все девяносто лет. То был представитель породы людей, какие в любом возрасте держатся моложаво.

Седые волосы зачёсаны назад. Большие уши с удлиненными книзу мясистыми мочками. Щёки изрыты глубокими морщинами, но высокий лоб гладок и чист. Из узких разрезов век глядят умные и пронизательные светло-серые глаза. Греческий нос. Под узкими крыльями ноздрей небольшие подкрашенные хной и закрученные кверху усики «а-ля велосипедный руль». Аристократический подбородок гладко выбрит.

— Значит вы здесь главный! — с места в карьер рванул Иван. — Что здесь происходит? За кого меня держат?! Что это?! — Иван указал на цепь.

— Учитывая недавний инцидент, кто кого должен опасаться, вы нас или мы вас, звучит двусмысленно, — подал голос старик.

— Я требую прекратить весь этот балаган, снять это барахло и срочно начать поиски

всех...

— Тише-тише, молодой человек. Присядьте, — Старик указал на кресло напротив. На его пальцах блеснул ряд массивных перстней с драгоценными камнями. Иван сел и старик продолжил: — Оглянитесь, что вы видите? Неужели это похоже на хоспис, пункт Службы Спасения или филиал Красного Креста?

Иван огляделся. Он стоял посреди полутёмной библиотеки, стенные стеллажи которой были сплошь уставлены кожаными папками. На потускневших корешках пестрели золотые, чёрные и красные надписи на немецком языке. Многие, совершенно старые и затёртые были помечены стилизованным орлом, сжимающим в когтях дубовый венок. Между стеллажами висели картины в позолоченных рамах. Портреты чопорных мужчин в гражданском одеянии начала века и в мундирах цвета фельдграу с крестами, нашивками и орденскими планками. На массивных постаментах возвышались стеклянные колбы, и льющаяся снизу голубоватая подсветка высвечивала заспиртованные в них тушки приматов: макаки, гиббона, орангутанга и каких-то уж совсем неведомых человекообразных существ. У одного была отнята часть головы, у другого вскрыт позвоночник, у нескольких отсутствовала передняя часть туловища и из розоватых лёгких выступали многочисленные трубки, тонкие похожие на серебряные нити. В свисающем с потолка гигантском в форме торпеды стеклянном цилиндре была заключена полутуша белого кита, внутренние органы которого идеально просматривались с любой точки комнаты. Обстановка напоминала краеведческий музей, если бы не фактурные надписи на высоких спинках старинных дубовых кресел и запаха древних книг.

— Да-да. Всё здесь — «фата моргана», — прочёл Ивановы мысли старик.

Что-то недоброе змейй зашевелилось у Ивана внутри.

— Что за эксперименты? Каким фуфломицином меня пичкают?

— С одной стороны мы врачи без границ... с другой нас попросту не существует.

— И почему мне не дают видеться с Питером и Брижит? — уже не так напористо спросил Иван.

— Есть вопросы, которые, по моему мнению, должны беспокоить вас гораздо больше судеб ваших случайных попутчиков.

— Я что, заложник?

Старик снял ногу с ноги. Его морщинистое лицо непостижимым образом преобразилось.

— Моё имя, доктор Альбрехт Иоганн Миллер. — Он по-гусарски щёлкнул каблуками и коротко кивнул. — Я мог бы обмануть вас и представиться чудаковатым богатеём-отшельником, доживающим свой век в частном бунгало на задворках цивилизации. Согласно официальной версии так оно и есть. Я мог бы даже организовать поиски. Но буду честен, я не стану этого делать. Есть более важные задачи. Несмотря на «первый блин комом», мы проведём немало времени вместе. И пусть вас не смущает окружающий антураж. Не ломайте голову и не делайте исторических параллелей. История — дама многоликая.

Альбрехт Миллер улыбнулся с такой располагающей смущённостью, присущей исключительно подросткам пубертатного возраста, словно за свою долгую жизнь старик не обидел и мухи. Он разлил по бокалам белое вино, один бокал подал Ивану. Надпил янтарный напиток, причмокнул, оценивая букет, и сделал одобрителный жест.

— Я не беглый фашистский пособник, какого на вашей родине неминуемо приставили бы к стенке. Во-первых, все пятьдесят пять послевоенных лет я никуда не сбегал с этого острова. А во-вторых, я ни дня не состоял в НСДАП, не был членом ни СС, ни СД и никогда

не убивал людей. По национальности я австриец. По гражданству тоже. Я уроженец Зальцбурга и истовый протестант. До аншлюса 38-го года преподавал в Венском университете и по случайности избежал концлагеря. За меня замолвили бывшие мои сокурсники — немецкие коллеги-биологи. Знали меня как фанатичного сторонника великого Вестенхёфера и его акватической теории. Со студенческих лет я изучаю генетическую предрасположенность сухопутных организмов к обитанию в водной среде. Именно они — мои немецкие коллеги — и порекомендовали меня научному сообществу Рейха в те непростые для всего мира годы. Благодаря их протекции я с марта 42-го стал ассистировать видному медицинскому светиле, профессору анатомии и физиологии Людвигу Фишербругеру, руководителю Q-42 — программы отбора и, как модно теперь говорить, апгрейда боевых ныряльщиков, элиты морской пехоты Вермахта.

При поддержке высокопоставленных берлинских партайгеноссе на Суматре был создан Южный Центр «Гамма». Имена тех людей вам, молодой человек, ничего не скажут, но поверьте, то были одни из выдающихся деятелей генетики. Один пропал при бомбардировке Лейпцига, второго расстреляли Советы, последний ушёл «крысиными тропами» в Южную Америку и спустя год погиб в автокатастрофе.

К концу 44-го профессор Фишербругер окончательно удостоверился в состоятельности акватерриальной теории и принял решение ни в коем случае и вне зависимости от результатов войны не прерывать работу. Наши эксперименты мало интересовали японскую администрацию Суматры. Им вменялось беспрекословно обеспечивать лабораторию всем необходимым, с чем они успешно справлялись. До лета 45-го японцы удерживали Голландскую Ост-Индию, но за месяц до прихода британцев и лабораторию и биоинкубатор с приматами пришлось эвакуировать на один из необитаемых Северных Сентинельских островов. Японские корабли, перевёзшие оборудование и персонал, после были благополучно потоплены британскими подлодками. Наверняка, англичане благодарили за «слив» координат индонезийское подполье. Ну а после августа 45-го японцам и вовсе стало не до нас. Так тайна акватерриальной теории эволюции осталась на долгие годы, в прямом смысле, законсервирована здесь, на этом острове.

Скажу без обиняков, в чём-то я даже антинацист. Ананербе с её оккультной идеологией была настоящим сборищем глупцов, конъюнктурщиков разных мастей, карьеристов-лизоблюдов и прочих политиканов от науки. Это скопище неучей под руководством главного «агронома» Рейха шизофреника Гиммера продвигало антиэволюционистскую расовую теорию, не выдерживающую никакой сколь-нибудь серьёзной критики. И тем ни менее, будучи адептом их псевдонаучной организации и благодаря щедрой лояльности покровителей профессора Фишербругера мы и после войны имели возможность развить истинное «наследие предков» до реальных результатов.

К концу 46-го, после полутора лет сложнейших операций по пересадке китовых желез секрций суматранским орангутангам как прямым потомкам сивопитеков и ближайшим «сородичам» человека, у нас, наконец, кое-что получилось. В тот год нам впервые удалось... э... как сказать, чтобы вы поняли... нам впервые удалось «разбудить» ген *Spirabilis* и прописать его в ДНК самок орангутангов с прижитыми ранее дельфиньими железами. Вы слышали что-либо о горизонтальном переносе генов? Хирургическое конструирование дыхательных путей приматов, систематическое введение им ЛСД-35 и непосредственная пересадка гена в вектор под постоянными атаками выброса в кровеносную систему фосфорсодержащих ферментов оказались весьма результативна. Не понимаете? Тогда

немного теории.

— Вы, верно, знаете Йохан, — продолжал доктор Миллер, — что наша планета состоит из шести материков и одного Мирового океана. Так вот, суша в этой экосистеме занимает менее трети, остальное вода. Напрашивается вопрос, почему матушка-природа распорядилась таким образом, что человеку — венцу её творения — дала возможность обитать лишь на одной трети и нигде более? Если природа всегда права и эволюционный процесс являет собой беспрецедентно гибкую систему адаптаций, почему она так и не приспособила человека к жизни в воде, что разрешило бы многие проблемы выживания? Ответ был найден здесь, на Северном Сентинеле. Дело в том, что Первый Человек на Земле — Хомо Гидробионт — отлично уживался в морских глубинах, как и на земной тверди. Но за многие миллиарды лет природа разделила это умение на две эволюционные генетические ветви: на акваприматов, от которых произошли все морские млекопитающие, и на терраприматов, родоначальников человекоподобных обезьян. Не понимаете?

Доктор направился к колбе с заспиртованным туловищем похожего на обезьяну, но абсолютно безволосого, гладкокожего существа и указкой указал на его вскрытую грудную клетку.

— Взгляните сюда. Наши лёгкие имеют объём от трёх до пяти литров, но используются едва ли на треть, что есть эволюционный анахронизм, генеральная генетическая метаморфоза. Закостенелый человеческий скелет и деформированная миллионами лет дыхательная система не дают нам в полной мере использовать весь имеющийся потенциал. Исключение составляют тренированные пловцы и ныряльщики, что лишь подтверждает правило.

Теперь взгляните на шею. (*Указка, сделав дугу, остановилась у препарированной верхней части позвоночника чучела*). По сути, мало-функциональный элемент и уязвимая область. Вспомните гильотину, топор палача или фразу «свернуть шею». Наглядная иллюстрация полной незащищённости. В природе имеются сочленения головы с туловищем намного эффективней. К примеру, у сов. Но длинная шея у женщин и по сей день вызывает зависть. В африканских племенах в дань многовековой традиции они нарочно удлиняют себе шеи с помощью различных приспособлений. Почему, как полагаете? Для красоты? Природная память? Место для Вишудха чакры? Увы! (*Доктор демонстративно похлопал себя по затылку*). Именно здесь когда-то располагалось всё самое необходимое для полноценного дыхания в воде.

Сотни миллионов лет назад ДНК археоантропов в своей генетической структуре содержало один важнейший ген — *Spirabilis*. Благодаря ему наш акватерриальный пращур наряду с сухопутным образом жизни время от времени возвращался в родную обитель — в океанские глубины. *Spirabilis* отвечал за построение первородной дыхательной системы, так сказать «сверхмощного двухклапанного насоса». Структура этого «насоса» была таковой: в шее Хомо Гидробионта за щитовидкой, располагалась трахея, как и у современного сапиенса. Но в отличие от нас, у гидропитека в районе «адамова яблока» она делала крутой дугообразный изгиб к затылку, обвивала третий и четвёртый шейные позвонки и посредством двух клапанов, один для вдоха-выдоха, второй для отвода углекислого газа, соединялась в затылочной области с дыхалом, сродни китовому или дельфиньему. Невероятно мощные мышцы обжимали дыхательную систему, и такие же природно-

развитые мышцы усиливали скелет в районе бронхов и лёгких. В результате, благодаря «шейному насосу», двухклапанному дыхалу, сильным мышцам и эластичности рёбер первобытный «человек-амфибия» мог за один вдох аккумулировать в лёгких от двенадцати до восемнадцати литров воздуха, а контролируемая регуляция сердцебиения увеличивала время состояния апноэ вдвое. В итоге Хомо Гидробионт до двух часов мог находиться в воде, ничуть не испытывая дискомфорта. Наоборот, адаптированная к водной среде самонастраивающаяся «дельфинья» кожа выравнивала все жизненно важные системы: артериальное давление, температуру тела и работу кровеносной и эндокринной систем.

В колбе, что перед вами годовалый аквахомо — детёныш самки суматранского орангутанга с горизонтально перенесёнными в лабораторных условиях пол-определяющими генами китайского дельфина. Селекция получилась репродуктивной, но неустойчивой. Теперь каждые двадцать один день железы самок вырабатывают эволюцигон и мультигон и при оплодотворении успешно зачинают и вынашивают эмбрион гидробиона. Проще говоря, рожают «человека-амфибию». Младенцы аквахомо быстро развиваются и к году выглядят как детёныши наших пращуров. Но затем происходит эпистаз и ген *Spirabilis* переходит в гипостатичность, то есть подавляется другими генами. Развитие «зависает» между приматом и китообразным.

Доктор вглядывался в бледное Иваново лицо и с отцовским укором «ох уж эта современная молодёжь» читал в нём полное непонимание.

— Я всё это вам рассказываю, молодой человек, поскольку между нами не должно быть никаких тайн. И потому что стоит пояснить, почему вы здесь. Но вижу, я вас заболтал. Что ж, переварите пока хоть это и помните, вы наш желанный гость. Будьте как дома, принимайте гостеприимство как должное, но не теряйте благоразумия. Нет на белом свете ничего ценнее рацио. Поверьте, я знаю, о чём говорю. Никакого наследия предков в том ключе, в каком его преподносит современная наука. Мировые войны, глобальные конфликты, противостояния общественных систем — всё это ничто в сравнении с всемогущей эволюцией. Она перемалывает века и судьбы в жестокой мясорубке, и когда-нибудь там далеко за горизонтом обновлённый сверхчеловек даже не вспомнит о житейских неурядицах своих сухопутных пращуров. Это говорю вам я, доктор Альбрехт Иоганн Миллер.

Иван проглотил застрявший в горле ком и, запинаясь, хрипло произнёс:

— Вы сказали, что всё это рассказываете, «потому что пришло время объяснить, почему я здесь».

Старик допил вино, поставил бокал на журнальный столик с единственной книгой, открытой на первой странице, авантитул которой гласил следующее:

Westenhöfer, Max. «Das Problem der Menschwerdung: dargestellt auf Grund morphogenetischer Betrachtungen über Gehirn und Schädel und unter Bezugnahme auf zahlreiche andere Körpergegenden». Berlin Nornen Verlag, 1935.^[4]

— Чтобы ген *Spirabilis* в конечном итоге успешно сформировал половозрелого Хомо Гидробионта, родитель-самец должен иметь атавизм, а именно — полное отключение метаболизма при переходе из цикла «суша» в цикл «вода». Эта стадия атрофирована у современного человека. Двадцать лет назад нам повезло. И вот, благодаря вам, мой дорогой Иван Усик, мы снова на коне.

В библиотеке воцарилось молчание.

— Я с вами откровенен, — сказал доктор Миллер, — потому что по вашей реакции понимаю, вы человек непростой. С вами не стоит играть. И чтобы окончательно развеять сомнения, предлагаю познакомиться с моей внучкой.

Старик обратился к негру у двери с цепью в руках.

— Сэмюель, отведите господина Усика к Эмме.

* * *

Иван шагнул в сторону бассейна. Железная цепь тянулась следом. Когда оставалось шага три, негр дёрнул за конец и Иван едва устоял на ногах. Тотальный контроль.

— Ты кто на самом деле такая?! — выкрикнул Иван девушке в бирюзовом.

— Эмма Миллер, — представилась та, протягивая руку для рукопожатия. — Сэмюель, не будь строг. Со мной он будет пайнкой.

— Ты с ними?

— Теперь понимаешь.

— Быть не может? Но зачем?

— А разве дедушка тебе не рассказал?

— Что именно? Дедушка...? — опешил Иван.

— Да, доктор Альбрехт Миллер — мой дед по материнской линии, а я, по его словам, новая веточка их славной династии. Кстати, как тебе он, мой добрый дедушка Альби?

— Альби?! Чего этот божий одуванчик мне не наговорил! Голова идёт кругом! — Иван нервно вышагивал вдоль бассейна. Цепь грохотала по деревянному настилу. Металл впивался в кожу. — С Крофтами не вышло, решили пустить нас на органы, так? Не-ет! Не выйдет! Что вам от меня надо?

— Не от тебя, а с помощью тебя, — невозмутимо ответила девушка. — Твоему здоровью ничто не угрожает. Тот погром, что ты учинил в лаборатории...

— Не юли! Ты не ответила, — жёстко перебил Иван.

— Тогда общайся с Сэмюелем, — коротко отрезала Эмма и отвернулась.

— Я не подопытный кролик! Этот злобный старик расчленит меня на части и заспиртует как и тех... макак?

— Да брось ты! Нашёл тоже Доктора Зло! Может, тебе даже понравится, — девушка хлёстко шлёпнула себя по нагим ляжкам и прыснула заразительным смехом. Успокоившись и вытирая слёзы, она продолжила: — Не делай из него монстра. Он милый и тихий старик. В любом случае твоя жизнь в безопасности. Деда интересует только наука. Ну и ещё кое-что. Его мечта — оставить наследие, но не следы. И он не любит рисковать, а любой след — это риск. Концы в воду — вот его жизненное кредо. И ещё природная щепетильность. Ты не представляешь, какой он педант. Сказывается аристократическое происхождение. К тому же, мне и самой хотелось поучаствовать в этом феерическом спектакле, — говоря это, Эмма как бы невзначай положила ладонь на плечо Ивана, а негр сильнее сжал конец цепи. — Всё было просчитано до мелочей. Гаррет отлично подходил на роль злодея и «козла отпущения». Полиция получит его письмо-раскаяние. Этот ветеран новых крестовых походов вернулся с Балкан полным психопатом и весь 96-й год пролечился в реабилитационной психлечебнице. Результат на лицо: утративший рассудок храбрый боец SAS кончает с собой и делает это по-шахидски — прихватив тех, кто богател, пока он проливал кровь за демократию. Оцени,

какая драма!

На роль «богатеев-смертников» чета Крофтов попала случайно. Виной их болтливый дружок-художник, он же мой несостоявшийся ухаждёр, восходящая «звезда» контемпорари-арта с глупейшим псевдонимом Папелло. Подстроить звонок от якобы твоего старинного друга обошлось нам в жалкие пять тысяч баксов. Вот только не понимаю, за какие такие грехи судьба посадила на обречённый «гроб с крыльями» этого безобидного профессора-индийца? В общем, с помощью несложных манипуляций «злодей» и его «жертвы» — но главное, нужный нам человек — стали владельцами билетов в один конец.

Ты спросишь, как я стала француженкой и стюардессой? В Индии, как впрочем, и везде всё решают деньги, ну... ещё чуток французского шарма. Так принятая накануне стройная и чертовски привлекательная дебютантка быстро заменила заболевшую накануне бортпроводницу. Хмурый пилот был не против. Короткий перелёт он смог бы совершить и в одиночку. Сикху до лампочки, кто разносит бокалы с шампанским и ублажает аппетиты пассажиров... О! А вот и пропажа!

Иван обернулся. На поляне, шагах в десяти стоял тот самый лесной кот, спасший их с Питером от злобных приматов-пращников. Зверь не сводил с Ивана жёлтых глаз, да и сам Иван не мог оторвать взгляда от хищника.

— Это Бисмарк, — сказала Эмма. — Мой виверровый кот. Не бойся его. Крапчатые кошки, плохо дрессируемы, но Бисмарк кроме всего прочего феноменально умён. Он мой самый верный слуга. Иди сюда!

Кот сделал шаг и замер, помедлил немного и, мягко ступая массивными лапами, направился к своей хозяйке. Теперь Иван смог внимательнее разглядеть этого диковинного зверя. Большая голова, короткие полукруглые уши. Широкая морда с близко посаженными круглыми глазами походила больше на тигриную. Серовато-коричневая шерсть с тёмными пятнами сверкала на солнце. В грациозных движениях ощущалась сила и уверенность.

Кот подошёл к девушке и уткнулся носом в бедро.

— Ты только представь, — продолжила Эмма, глядя кота между ушами. — Спустя час полёта Гаррет, якобы, выводит из строя двигатели. Самолёт стремительно падает и тонет. От удара о воду отвинченное лётное кресло отрывается и вместе с пилотом выбивает передний «фонарь», крепление которого заранее ослаблено. Через него я и выживаю нужного нам человека, а на поверхности в согласованном квадрате нас уже ждёт «Брюнхильда» с дежурной шлюпкой, с эхолотом и водолазами. Операция со стопроцентной гарантией.

Теперь мы все — официальные утопленники. Полиция возбуждает дело. Следствие находит предсмертную записку англичанина, и газеты поднимают вой о ветеране-самоубийце больном «вьетнамским синдромом»; о трагической гибели американского мецената и о безвременно почивших его молодой красавице-жене и юном сыне. И о том, кому, в конце концов, достанутся миллионы старика Крофта. А ещё о непрофессионализме индийских авиалиний; об отсутствии мер безопасности в аэропортах и об алчных частных авиакомпаниях, каких заботит одна лишь прибыль. Каждый увидит себя на месте Крофтов и поверь, никто даже и не вспомнит о нищем славянине, то есть о тебе, мой дорогой Йохан. И о стюардессе Брижит не вспомнят тоже. Все примут нашу кончину за досадную данность на фоне ужасных смертей нуворишей в мире постоянных угроз их сытой и праздной жизни. Как видишь, всё гениальное просто. И всё бы так и случилось, если бы не пилот. Мы не учли его боевого прошлого. Он спутал нам карты.

— Погоди, — Иван чувствовал, как пылает его лицо, — «нужный вам человек» это кто?

— А ты как думаешь? — хитро щурясь, спросила девушка.

— Но почему?

— Статья в итальянской газете за ноябрь 97-го. Помнишь? Девчонку подняли на борт, а спасителя не успели. Только спустя час поисков водолазы нашли его практически на дне. Но нашли живым! Апноэстическая кома, приостановка работы сердечной мышцы и всех дыхательных функций. Организм поддерживал себя сам на минимальных кислородных ресурсах. Медики назвали тот случай газетной «уткой», но мой дед знает о тебе всё.

Иван долго сидел, не решаясь продолжить разговор. Слова Эммы огрели его как обухом по голове. Наконец оцепенение слало отпускать. Вернулась речь:

— Но... но... — бессвязно промычал он.

— Расслабься. Мы уже год следим за тобой. — Эмма, как ни в чём не бывало, растянулась на лежаке.

— Ну..., ну... это невозможно, — мысли в голове Ивана метались, как куры в курятнике, куда влезла лиса. Вначале лекция нацистского маразматика, теперь откровения его взбалмошной внучки. Иван даже ущипнул себя — не сон ли это. Он выпрямился и с видом человека, которого не удалось разыграть, выкрикнул: — Глупости! Считаешь меня за дурака? Не знаю, в какую игру здесь играют, но..., но..., к примеру, как бы ты «выудила» меня из самолёта? Скорость падения, плюс вес... Пара минут, и мы бы ушли на дно метров на сто, не меньше. Будь ты даже лучшей ныряльщицей на весь Бенгальский залив, с такой глубины, да ещё и с ношей в мои семьдесят пять килограмм... ты шутишь?

— Дорогой мой Ваня, — миролюбиво произнесла девушка, — я с тобой откровенна лишь только потому, что меня об этом просил дед. Он не хочет использовать тебя вслепую. Считает, что ты должен стать членом команды. Я другого мнения, но его не переубедить. И всё же... я раскрыла все карты, потому что знаю, ты никуда не денешься.

С этими словами она развязала нашейный шарф и склонила голову на грудь. Тёмная, будто змеиная, блестящая и скользкая кожа покрывала всю её шею. На затылке чернел бугорок схожий на кратер спящего вулкана. То было настоящее дельфинье дыхание. Время от времени оно сжималось, а когда расправлялось, выпускало порцию пахнувшего тиной дыхания.

Девушка встала с лежака, поправила плавательную шапочку и, оттолкнувшись от края бассейна, нырнула в воду. Кот Бисмарк последовал за ней.

Неделя пролетела как в тумане. Сказывалось действие антидепрессантов.

По утрам Ивана выводили к бассейну. Нырять и плавать не позволялось, но можно было сколь угодно стоять под летним душем, смывая ночной пот. Днём он занимался на террасе на тренажёрах, а вечерами гулял в саду, а в голове всё крутилось услышанное от человека назвавшего себя доктором Миллером, и от существа по кличке Эмма. Именно существа, поскольку подобного Иван не видел никогда. Всё походило на фантастику, но, тем не менее, всё это было явью. И если рассказы старика можно было списать на деменцию богатея съехавшего с катушек на базе собственной исключительности, то как объяснить увиденное на шее мутанта?

Цепь на ноге не сняли, и Сэмюэль чёрной тенью неизменно следовал в паре шагов позади. На ночь её прикрепляли массивным замком к стальному кольцу в полу под Ивановой кроватью.

Каждое утро ровно в шесть со стетоскопом на шее и с тонометром в кармане в палату входила фрау Хильда. Она ставила на прикроватный столик разнос таблетками и стакан чистой воды и начинала осмотр. Иван не сопротивлялся. Открывал рот по требованию, дышал и не дышал, как велела фрау Хильда. Она измеряла температуру и давление, а Иван украдкой разглядывал её. Кожа лица едва тронута загаром. Нет даже лёгких пигментных пятен. Волосы собраны на затылке в тугую «гулю». Шея чистая, по-европейски белая. Ничего примечательного в фигуре. Из-под халата не торчат плавники. Между пальцами нет перепонки, и пахнет от неё не тиной и сыростью, а фенолом и формалином.

— Я проснусь после них? — как-то сострил Иван, принимая очередную порцию пилюль из рук фрау Хильды. — Гер Кунц грозил сделать из меня овощ.

— На всё воля божья, — холодно ответила та. Если бы не тропики, её смело можно было назвать Снежной Королевой.

Иногда вместе с фрау Хильдой в комнату заходил гер Кунц. Он, как и она, также не выглядел мутантом. Отдающие синевой впалые гладковыбритые щёки. Две нитки сухих губ. Из ворота халата проглядывает белая манишка с аккуратным узлом чёрного галстука. Нельзя сказать, что от лица Кунца веяло одухотворённостью, но и от животного в нём было лишь толстые линзы очков, делавшие глаза выпуклыми как у рыбы.

— Что вам снилось этой ночью? — безучастно спрашивал он, изучая записи в планшетке.

Обычно Иван игнорировал этот вопрос, но один раз ответил:

— Мутант с человеческой головой и туловищем дельфина.

— Надеюсь, голова была не ваша? — тонкие губы немца тронула ядовитая ухмылка.

— Хотелось бы надеяться, — грустно вздохнул Иван.

Кормили его дважды в день простой индийской пищей. Утром обязательный зелёный чай, рис и дал. Вечером овощи или фрукты. Еду приносил грузный повар-индус с закрученными кверху пышными гуталиновыми усами и в белом фартуке, едва охватывающем выпирающее пузо.

За эти дни Иван изучил место, где находится. С террасы расположенной на крыше кирпичного двухэтажного здания, похожего на админучреждение позднесоветского периода с голыми стенами без балконов и мансард, просматривались три равноудалёно

пристроенных одноэтажных крыла так, что сверху строение напоминало трёхлучевую звезду Мерседес-Бенц. На окнах плотные шторы и непроницаемые жалюзи. Плоские крыши двух пристроек сплошь утыканы солнечными батареями. Третья усыпана антеннами и приборами всех мастей, от радио и метеорологических до совершенно незнакомых.

Между пристройками располагались сад, площадка для крикета и бассейн. Дальше за ухоженными пальмами и папоротниковыми кустарниками виднелись несколько хозяйственных построек, а широкая мощёная камнем дорога уходила к сооружению с двумя массивными гаражными воротами. Вдалеке сквозь густую листву просматривался бревенчатый забор на менее трёх метров в высоту и обнесённый колючей проволокой.

За забором, куда не кинь взгляд, лес поднимался высоко по склонам, и создавалось впечатление, что Виртукон^[5] — так Иван окрестил своё местоположение — разместился в огромном каменном мешке, созданном природой и будто специально окружённом со всех сторон обросшими зеленью высокими скалистыми стенами.

Было совершенно не ясно, в какой стороне залив и место приземления. Да и на той ли земле всё происходит? Не исключено, что его увезли далеко от самолёта. Возможно на другой остров или на материк, и теперь поиски организованные магнатом Крофтом окажутся безрезультатны.

Его? Нет, их! Да-да, именно их. Ведь «очкарик» Кунц так и сказал: «Мальчик жив». Очевидно же, что он имел в виду Питера. Но почему их держат врозь? Что за театр творится?

Ясно одно, этим безумцам нужен именно он, Иван Усик. Такая мысль немного льстила. Совсем чуть-чуть. Больше пугала.

Неужели они и ему вживят дельфинье дыхало? Старик сказал, что Иван обладает некой исключительностью, и именно эта особенность интересует этих ненормальных. А ещё существо Эмма говорило что-то про случай трёхлетней давности.

В республиканские газеты история та не попала. Была небольшая заметка в колонке курьёзов в «La Gazzetta Mezzogiorno», многотиражке города Бари, где он полмесяца провалялся в госпитале.

Да, это он спас Кэти Иствуд. И когда её поднимали на шлюпку, его, потерявшего сознание, не успели подхватить за руки, и он камнем ушёл под воду.

Да, его действительно искали прибывшие на место происшествия водолазы-спасатели. Вернее, искали его затонувшее тело. И длилось это не час, как сказало существо, а час и двенадцать минут, как было написано в газете. А когда нашли, он естественно не подавал признаков жизни. После неутешительного вердикта доктора Флимана тело повезли в центральный морг Бари для экспертизы и оформления, но по пути, по словам бригады скорой помощи, случилась некая метаморфоза.

Газетная заметка не содержала подробностей. Более того, акцент в ней сводился к тому, что вероятнее всего британские «охотники за сокровищами затонувших галеонов» сами придумали эту безумную историю о воскрешении, чтобы отвлечь внимание прессы от своих «тёмных делишек». В преддверии местных выборов статья клеймила неповоротливое руководство карабинеров провинции. Их халатное, спустя рукава, бдение о национальных богатствах, пусть и не поднятых ещё со дна моря, но и без того уже являющихся достоянием Республики.

И напоследок резюме: На какие уловки идут авантюристы всех мастей, ради сокровищ Средиземноморья. Италия, будь бдительна!

Не стоит обманывать себя. Иван, как и те барийские газетчики, ни на йоту не верил в

своё чудесное воскрешение. Вероятнее всего его течением отнесло далеко от судна, и он без памяти болтался на волнах, пока итальянским спасателям не пришло в голову расширить круг поисков. В горячке доктор Флиман, любитель креплёного апулийского негроамаро, мог и ошибиться, а эмоциональные южные парни что угодно от скуки сбрендят журналистам, чтобы их звучные фамилии запестрели на полях местной прессы.

Но откуда обитатели Виртукона знают подробности той истории?

Был в том госпитале молодой врач по фамилии Скорци. Он долго и упорно расспрашивал Ивана, что тот помнит, и как было на самом деле. Но Иван не помнил ничего. Лишь то, как умиrotворённое лицо Кэти сменяется перекошенным от ужаса лицом медбрата и криком на всю карету скорой помощи: «Daì ossigeno!!!»^[6].

Скорци работал над диссертацией и, видимо, поэтому случившееся так заинтересовало его. Спустя две недели Иван уже чувствовал себя прекрасно, да и к окончанию визы стоило нагнать «Marine Gold», ожидавшее его в Неаполе. Он собрал вещи, заполнил страховые формуляры и был таков.

Иван давно забыл ту историю, и вот существо — теперь он не в состоянии был думать об Эмме как о человеке — вернуло его на три года назад. И дало понять, что история та была ключевой в его теперешнем положении.

Настораживало и то, что если не обращать внимания на цепь на ноге, все вокруг были с ним весьма любезны. За прошедшую неделю он больше не виделся ни со стариком, ни с существом-внучкой, но даже охранники негры стали с ним обходительны. Сэмюель ни разу не доставал свой вальтер, а Жак и Жан — так звали негров помоложе — и вовсе опасались заговорить с пациентом (так они называли его между собой). Днями напролёт они молчаливо следовали за Иваном, которого не покидало ощущение, метнись он в сторону забора, эти два молодчика, не задумываясь, откроют прицельную стрельбу.

— Сэмюель, — как-то, усевшись на край бассейна, обратился он к негру. — Может, спросишь у Дока, могу я, наконец, понырять? Вам ведь нужна морская змея, а не сухопутная ящерица. Я могу даже с цепью.

Негр молчал. Руками перебирал звенья цепи, от чего та издавала тихий металлический писк, похожий на дельфиний.

Иван сидел, уставившись в черноту тихой воды.

Удивительно, но вода не была чистой и прозрачной как это обычно бывает в бассейнах. Она была черной, и казалось, там внизу не было дна. И ещё казалось, что вот-вот вода вскипит, поднимется волнами и из бездны вынырнет существо с дыхалом на шее и утащит его в своё логово.

Холодок пробежал по спине. Иван поёжился и поднялся на ноги. Больше в этот день от не задавал вопросов.

За хозяйственными постройками виднелась ещё одна постройка — большой ангар цилиндрической формы с плоской крышей. За ним водонапорная башня и огромный стеклянный конус на каркасе, увитом рядами металлических труб. Интуиция подсказывала Ивану, конус вероятно часть опреснителя, а вот что скрывается в ангаре, вызывало интерес.

Гуляя по саду он как бы невзначай повернул к постройкам, и тут же услышал оклик Сэмюеля:

— Нельзя!

Не обращая внимания, Иван продолжил свой путь.

Цепь натянулась. Он с трудом сделал ещё два шага и остановился. Демонстративно

поднял руки вверх, капитулируя.

— Твоя взяла Сэм! — крикнул он негру. — Чуть ногу не сломал. А ну, погоди.

Иван присел на корточки и принялся ощупывать лодыжку под кольцом. Сэмюель безучастно стоял метрах в трёх поодаль.

Ступня онемела и плохо слушалась. Ещё пару дней похоть так и можно лишиться ноги. Ивана охватила злость.

— Снимешь на пару минут? — спросил он. — Ногу натёр совсем.

— Подъём, — холодно приказал Сэмюель и переложил цепь из руки в руку.

Лучше бы он этого не делал. Неуловимым движением Иван накрутил цепь на обе руки и резко дёрнул на себя, вырвав конец цепи из рук негра. Но опытный надзиратель не растерялся и не бросился за цепью, как планировал Иван. В его руке появился вальтер.

Пока Сэмюель снимал оружие с предохранителя, Иван в одном прыжке оказался за его спиной. Цепь обхватила горло громилы, вальтер выпал на землю.

Неизвестно, чем бы закончилось это спонтанно возникшее противостояние, если бы не удар сзади по затылку.

В голове поплыло, руки отпустили цепь, и Иван мешком свалился на землю. Над ним с пистолетами в руках склонились Жан и Жак.

Инциденту не дали огласки. По всей видимости, вертухаи опасались взбучки от начальства.

В одно утро Сэмюель провёл Ивана мимо душа.

— Эй?! — не понял Иван.

— Иди, — приказал негр.

Он шёл впереди и, поддёргивая цепью, сбивал Ивана с шага. Сзади следовали Жан и Жак. В руках они держали оружие.

Подойдя к бассейну, Сэмюель остановился, склонился к Ивановой ноге и ключом открыл замок кандалов. Стальное кольцо пало на землю. Кожа на ноге горела красным. Кое-где металл стёр её до крови.

Морщинистым пальцем негр указал в сторону прыжковой доски.

— Давай, — коротко сказал он. — Док разрешил.

— Не боишься? — с вызовом бросил Иван. — Я плаваю как рыба. Уплыву, не догонишь.

— Давай, — бесстрастно повторил Сэмюель. — Или толкну.

— Нос давно зажил? Как горло, не болит? — Ивану не хотелось отступать. Что эти трое головорезов ему сделают? Кунц сказал внятно: «Не справитесь, каждый лично ответит перед Доктором». Вот они и боятся не справиться. Стоит воспользоваться этим.

Иван расправил плечи, вытянул в стороны руки и потянулся на носках. Сейчас он покажет им фридайвинг. Посмотрим, как они забегают. Сколько? Пять минут? Нет, сейчас он психологически готов на все десять. Дай волю, и он покажет этим упырям настоящую кевали-кумбхаки^[7].

Он подошёл к краю бассейна, встал на доску, и та мягко приняла его вес. Чёрная вода не выглядела дружелюбной. Но это и хорошо, что она такая непроглядная. Громилам сложно будет разглядеть его в толще воды. Он представил то, как три надсмотрщика наматывают круги вокруг бассейна, как испуганный Сэмюель зовёт Кунца и Хильду, как на террасе появляется бледный как мел Доктор Зло-Миллер. Впервые за много дней Иван почувствовал удовлетворение, словно наконец-то убил полночи не дававшего спать комара.

Сложив руки ладонью на ладонь, он качнулся, ловя резонанс доски, мощно оттолкнулся

и правильной «рыбкой» вошёл в воду.

Вода оказалась тёплой и приятной коже. По ощущениям она была морской. Привычная среда. Родная Ивану стихия.

Он опустил метра на три, но в дно не упёрся. Проплыл её глубже. Та же история — дна не было. Бог с ним, с дном. Остановился и замер. Привычно заглянул внутрь себя. Прочувствовал свои лёгкие, сердце, каждую клеточку тренированного тела. Надо настроиться и перевести организм в состояние апноэ.

Время шло. Он не видел, что происходило наверху. Вероятно, там уже паниковали. Отлично! Пусть нервничают, чёртовы тюремщики. Надо максимально расслабиться. Ему всё равно, что с ним будет. Время от времени он прижимал ко рту ладонь «лодочкой» и делал ряд коротких внутренних вдохов-выдохов, контролируя диафрагму.

«Как постепенно укрощаются слоны, львы и тигры, точно так же постепенно осваивается и дыхание. В противном случае оно убьёт практикующего».

Он висел «солдатиком», не думая ни о чём. Ум остановился и этим остановил время. Дыхание сократилось до минимума. Стало более осмысленным и тем ценнее. По ощущениям шла уже шестая минута. Ещё немного и можно всплывать.

Вдруг две крепких руки цепкими клешами схватили его за лодыжки. Потянули на дно. Упираясь, он неосмысленно сделал несколько мощных гребных движений вверх. Беспольных и панических. Пудовые гири висели на ногах.

Появился страх, непроизвольно заставляющий высвободиться. Из рта вырвалась дорожка мелких стройных пузырьков. Голова закружилась. В кровь брызнула углекислота. Он согнулся, глянул в черноту, пытаясь разглядеть, что с ногами.

Внизу была бездна, и она всасывала его в себя.

* * *

— Ошибка непростительна. Не для того мы затеяли всё это, — голос доктора Миллера звучал глухо и одновременно объёмно. Подкрепленный звучным эхом, он словно исходил из колодца или из пещеры.

— Я проверил дважды, — в ответ раздался голос Кунца. — Химическая структура крови в норме. Никакого поражения альвеол. Полное отсутствие баротравм. Метаболизм в стадии нейтралитета. Состояние похожее на регулируруемую гипоксическую кому.

— Будто жизненные функции замерли в ожидании некоего фазового перехода. Как положение тумблера между «включить» и «выключить».

— Уверен, гер доктор, это второй Сальватор.

— Надеюсь, дорогой Аксель. Фрау Хильда, его мозг заработал?

— Да, — послышался женский голос. — На сто восьмой минуте.

— Добавьте кислорода. По два процента к смеси с шагом в полторы минуты. И постоянно измеряйте давление. Мне нужна диаграмма.

—

С лица сползло полотенце.

Кожаные ремни на полу не дают пошевелиться. Руки по сторонам, ноги на ширине плеч. Пряжки плотно стягивают запястья и лодыжки. Голова намертво прижата затылком к кафелю двумя скрещёнными на лбу широкими ремнями. Тело абсолютно нагое, хотя в последнее время это стало нормой.

И всё же не смотря на положение распятого Христа, аналогия с сыном Божиим не годилась для этой картины. И пустая комната не походила на Голгофу. Скорей на палату районной психлечебницы. Свет выключен. На белых стенах и полу мерцает льющееся из окон лунное сияние. Мерцание искрится на плитке, отражается серебристым светом, и всё пространство полумрака пронизывают холодные стальные иглы.

Иван пытается понять, есть кто в комнате кроме него. Вряд ли он здесь для казни. Для чего-то более ужасного. Кончики его пальцев холодные, но всё тело горит, будто прекрасно орудующая шприцом фрау Хильда исколола его жаром. От этого ощущения ещё сильнее нарастает предчувствие приближения вселенского потрясения, какое перевернёт весь привычный мир.

— Ты не спать? — рядом слышится женский голос. По интонации не утверждение, скорее вопрос.

К Ивану лицом к лицу склоняется негритянка. Черты размыты сумраком, но даже и так ясно, девушка очень молодая. По крайней мере, по европейским меркам. Лет пятнадцать-шестнадцать, не больше.

Ярко горят белки её чёрных глаз. Улыбка обнажила два ряда белых зубов. Правильный овал лица обрамлён смолистым шаром курчавых волос как у Анджелы Девис с плакатов 70-х «Free Angela». Длинная шея, ямочки над ключицами, острые плечи едва приподняты. Антрацитовая кожа сверкает в лунном свете, будто намазанная маслом. И обворожительно пахнет.

— Моя дарить, — произносит девушка на плохом английском. — Твоя понимать?

Она прижимает тонкую ладонь меж своих голых грудей, упругих с большими коричневыми сосками, а после нежно касается длинными пальцами Ивановой груди:

— Я — Ты. Хо... хо... хо... Понимать?

— Ты кто? — спрашивает Иван.

— Аолла, — девушка улыбается, демонстрируя крепкие ровные зубы. — Масса Док дарить тебе. Понимать? Я твой дасса.

Горячие капли срываются с её подбородка и падают Ивану на щёки. Только сейчас он замечает, что тело негритянки мокрое, оттого и блестит в лунном свете.

Она ложится на него всем телом. Прижимается ласково и кротко, будто её цель — утонуть в его горячих сильных мускулах. Её влажная кожа холодная и упругая. От соприкосновения с ней жаркое тело Ивана пронизывают мириады крохотных иголок, отчего изнутри всё взрывается неистовым наслаждением.

— Ты масса Ван, — тихо шепчет девушка. — Будем хо... хо... хо.

Её живот прижимается к его животу, бёдра к бёдрам, грудь ложится на грудь. Она берёт свои ладони его лицо и нежно целует пересохшие губы. Её рот влажный, дыхание тёплое, а поцелуй долгий и завораживающий.

Она прижимается щекой к его плечу и принимает его позу. Руки её разлетаются по его рукам прикованным ремнями к полу. Пальцы переплетаются с его пальцами. Ноги разбрасываются по его ногам. Она лишь кажется хрупкой. При росте Ивана в сто восемьдесят её ступни всего несколько сантиметров не достают до его ступней.

Он слышит её терпкое дыхание.

— Аолла, — говорит он и замирает. Что сказать? Что опять задумал этот масса Доктор Зло?

На ум приходит фраза из советского фильма: «Руссо туристо! Облико морале!» Какое уж тут морале рядом с такой экзотической шоколадкой. И только подумав об этом, Иван почувствовал, как его мужское достоинство естественно откликнулось этим похотливым мыслям.

Это почувствовала и девушка. Она протиснула руку между бёдрами и прижала ладонь к его члену.

— Амуда, — прошептала она и лизнула мочку его уха. Кончик её языка вошёл в ушную раковину, и вся кровь жаром бившаяся под Ивановой кожей потоком устремилась вниз к бёдрам.

Девичье дыхание стало горячим, а движение языка поступательным. В такт ему движения повторяла и рука на члене. Пот ударил изо всех пор. Тело мелко затряслось от напряжения.

Язык негритянки оставил ухо, влажным кончиком, слизывая пот, прошёлся по небритой мужской щеке и, достигнув рта, неизмеримо каким образом, но практически по-змеиному обвил Иванов язык. Теперь они дышали одним дыханием, их сердца бились в такт друг другу, а пот смешивался с потом.

Девушка извивалась как ящерица под палящим солнцем Сахары, а когда возбуждение фаллостического орудия скованного пленника достигло апогея, неожиданно легко как пушинка вспорхнула и развернулась на сто восемьдесят градусов.

Перед глазами парня отразившееся в кафеле сияние как в зеркале осветило лоно похотливой «чёрной пантеры». Вот это было зрелище.

На курчавых барашках лобковых волос в лунном свете дрожали серебряные капли. Бёдра девушки двигались в такт движениям, какие она проделывала с его детородным органом, и от этого дикого танца капли те срывались и падали ему на лицо. Солёные и холодные они обжигали губы. По щеке и по щетинистому подбородку обильно стекала влага. То ли горячий пот, то ли то, что испускало прижимающееся к лицу жаркое лоно.

Он не отдавал отчёта происходящему. Кровь кипела в венах. В груди вместо сердца kloкотал огненный шар. Меж бёдер словно заложили кило тротила, и фитиль от него был в руках ещё минуту назад незнакомой ему бестии. С которой теперь слился в единое целое, кожей ощущая её жар, готовый сгореть в нём без остатка.

Аолла села ему на грудь, выпрямилась, и он увидел её спину. Узкая талия, какая бывает у моделей или у юных гимнасток. Вертикальная ложбинка позвоночника, острые лопатки, точёные плечи. Восхитительно тонкая шея. Лунные блики переливаются на шоколадной коже как солнечные лучи на греческой амфоре.

Вот девица плотно сжимает его орган в ладонях и двигает этим тоннелем ощущений вверх-вниз, ускоряясь, наращивая амплитуду и приближая вулканическую развязку. Он чувствует это каждой клеткой. Иногда она нагибается и впивается огненным жалом в плоть, и та готова взорваться и разнести всё в клочья.

И это, наконец, происходит.

Извержение длилось бесконечно. Кажется, с этим фонтаном выплеснулась вся его сила, оставив лишь ощущение опустошения и возрождения. Бессилие, перерождение и новизна.

Он лежал, не шевелясь, ощущая как немеющее тело, становится похожим на выжатую губку. Будто куклу сняли с руки и она, лишившись опоры, превратилась в обычную тряпку.

Негритянка поднялась и, не оборачиваясь, направилась к двери. Нажала кнопку звонка на стене и дверь отворилась, впустив из коридора длинную полосу света.

— Масса Хиль, — тихо позвала девушка.

Кто-то вошёл в комнату. Неожиданно включившийся верхний свет резко ударил по глазам. В дверях стояла фрау Хильда. Женщина прохладно, но одобрительно кивнула девушке и та испарилась в дверном проёме.

Фрау Хильда прошла в комнату, натягивая по пути латексные перчатки. Иван видел её сильнее ноги, идеально накрахмаленный халат, повязку с алым крестом на рукаве и невозмутимый взгляд, будто здесь минуту назад произошло нечто повседневное, к чему медсестра-немка давным-давно привыкла.

Фрау Хильда склонилась к его бедрам, и он с ужасом представил, что сейчас может произойти. В мозгу всплыли brutальные сцены из немецких фильмов для взрослых.

Спустя время фрау Хильда встала и выпрямилась. В руках она держала использованный презерватив наполненный продуктом Иванова оргазма. Без единой эмоции немка спрятала вещь в металлический контейнер, в каких медики хранят инструменты, и удалилась прочь.

Иван остался один. Мыслей не было. Была вселенская усталость и чувство, что его основательно поимели.

Спустя время в комнату вошёл Сэмюель с кандалами в руках. Он отстегнул ремennую пряжку на одной ноге Ивана, надел на неё кандалы, затем освободил остальные конечности.

— Вставай, — приказал он и набросил на бёдра полотенце.

Иван сел. Мышцы плохо слушались команд. Надзиратель ждал.

— Что это было? — спросил Иван.

— Вставай, — повторил Сэмюель.

* * *

Четыре дня Ивана не выводили на воздух.

На нём снова была грубо тканая пижама. На окне появились решётки. Цепь удлиннили так, что теперь можно было свободно перемещаться по палате, от санузла к беговой дорожке, установленной в дальнем углу комнаты. Больше повар-индус не приносил еду. Тарелку с рисом или далом теперь оставляли на откидной ставне в дверном окошке. Иван ел руками — приборов ему не давали. На ужин теперь приносили не фрукты, а бобы, фундук и орехи с мёдом. И ещё какой-то молочный субстрат. Очень жирный и наверняка калорийный.

Фрау Хильда больше не навещала его. Никто не измерял ни давление, ни температуру. Не было и пилюль. За четыре дня ни разу не появился гер Кунц.

Однажды зашёл Сэмюель. Молча, обошёл комнату. Осмотрел решётку, состояние оконной рамы, надёжность цепи.

На пятый день заточения Иван, охрипнув от крика, сел на пол перед кольцом и, взявшись руками за пристёгнутую цепь, что есть силы, потянул на себя. Звенья натянулись.

Металл заскрипел о металл.

Кровь ударила в лицо. На руках, шее и висках набухли вены.

Иван откинулся назад и, сжав зубы, стал рывками по-бурлацки дёргать цепь на себя. Не веря в результат, он не прекратил даже тогда, когда поясница завывала тупой болью.

Дверь ударила о стену. Крепкие руки схватили его сзади за ворот. Подняли на ноги, бросили на кровать. Это был Сэмюель.

— Не делай так, — грозно и просто сказал он. — Ты ещё понадобишься.

Сказав это, негр ушел, а Иван улыбался ему вслед искусаанными в кровь губами.

На следующее утро Сэмюель принёс стопку индийских газет. Положил на прикроватный столик и привычным тоном произнёс:

— Читай.

Иван привык к их немногословному общению. Иди, стой, вставай, ложись — эти слова, произнесённые с неизменно одинаковой интонацией, заменяли Сэмюелю всё многообразие английского языка.

Иван заглянул в газеты. Так и есть, чиннайская периодика описывала крушение самолёта класса бизнес-джет с бортовым номером 159. День за днём, из номера в номер газетчики освещали события в разделе криминальной хроники. Казалось, после всего пережитого, вряд ли что могло поразить Ивана, но в то, о чём писали газеты, верилось с трудом.

Газеты были разложены в хронологическом порядке, и в «подвале» верхней красовался заголовок «Пропавшие над заливом». Заметка была короткой, всего в полторы колонки. В ней говорилось о потерявшем связь бизнес-джете и о том, что Грегори Крофт — вершина американской предприимчивости — назначил миллион долларов за сына и внука, найденных живыми и полмиллиона за их мёртвые тела.

История переключалась на передовицу на следующий день после того, как в чиннаиское отделение полиции пришло покаянное письмо мистера Роя Гаррета. Так родилась сенсация.

Три дня спасательная экспедиция рыскала в квадрате возможной авиакатастрофы, пока пограничники с индийского сторожевика не сообщили, что разглядели в бинокль остов самолёта на берегу крошечного островка за две мили от Северного Сентинела.

Спасатели высадились на берег, нашли в кабине полуразложившееся тело убитого пилота, рядом с трапом пневматическое ружьё из которого был убит сикх, а спустя два дня поисков нашли и самого Роя Гаррета. Отпечатки на пневмате принадлежали англичанину. Его нашли живым, если так можно назвать то состояние, в котором пребывал Гаррет. Спасатели отбили его у стаи орангутангов, и выглядел Гаррет совершенно невменяемым. Что именно проделывали с ним приматы, понять было сложно, но его физическое состояние говорило как о животных издевательствах, так и о групповом и скорее всего многообразном сексуальном насилии. Немудрено, что душевно нездоровый человек окончательно тронулся умом после того, что пришлось пережить.

Поиски продолжались пока спасатели не наткнулись на следы аборигенов. Нашли вещи четы Крофтов, а ещё ямы с человеческими останками.

Ночью группу атаковали туземцы. Двое спасателей были убиты, остальным пришлось отступить и покинуть остров.

Интервью прессекретаря Службы Спасения штата завершало серию публикаций «Пропавшие над заливом». Вердикт был таков: дальнейшие поиски бессмысленны и не принесут результата. Каннибалы, по всей видимости, убили и съели и Алекса, и Натали и

Питера Крофтов о чём свидетельствовали найденные спасателями кости и черепа. Служба Спасения штата в лице её начальника Рахула Пармара выражает глубокое сочувствие Грегори Крофту, авиакомпаниям же предписывает тщательно проверять психологическое состояние пассажиров на предмет предотвращения подобных ситуаций. Об Иване и профессоре-индусе ни полслова.

Иван аккуратно сложил газеты стопкой, как было. Что ж, Эммо оказалось правым, ищут тех, за кого платят.

Он лёг на кровать и упёр взгляд в потолок.

Из плюсов. Он жив — раз. Они не делают с ним ничего дурного. Кормят, поят. Даже женщину подсунули для «хо... хо... хо...» — два.

Он улыбнулся, вспоминая влажный и чуть испуганный взгляд Аллои. То, как она сказала: «Я твой дасса». В этой фразе было столько покорности...

Дасса — скорее всего переводится как подарок. Красивый подарок. Чёрный изумруд. Но на каком языке?

Она негритоска, а значит не с материка? Уроженка Филиппин? Бывая на Филиппинах, Иван встречал филиппинок. Все они низкорослые, Аллои же была высокой, немногим ниже его самого. Значит она не аэта.

Малазийка? Вряд ли. Далековато.

В самолёте профессор Чакрабати в разговоре с Питером упоминал Северный Сентинел. Так может она сентинелка? Что он знает об этом народе? Столько, сколько и всё прогрессивное человечество, а точнее — ничего, поскольку правительство Индии запретило кому-либо приближаться и высаживаться на остров.

Думая об этом Иван отрешённо разглядывал побелку. На стыке в углу заметил едва различимую паутину. Дюжина тончайших нитей растянутых в стороны и замысловато переплетённых между собой являла отменную ловушку для несчастных бабочек, мотыльков и других одиночек, не привыкших к стайной жизни. В центре паутины чернело тельце, и большой длиннолапый паук с коричнево-жёлтым брюшком оплетал жертву всё новыми прочными нитями. Ещё немного и страдальца превратится в куколку. Эта недвусмысленная картина навевала невесёлые ассоциации.

Так прошло ещё два дня. Ближе к вечеру третьего в комнату вошёл Сэмюель.

За окном спускались сумерки. Ночь обещала быть полнолуной.

Охранник подошёл к кровати и склонился над кольцом. В дверях показались Жан и Жак. Их руки лежали на расстёгнутых кобурах.

Сэмюель отстегнул замок, поднялся и привычно дёрнул цепью:

— Подъём.

— Вечерний моцион? — театрально осведомился Иван.

— Вперёд, — скомандовал негр.

Они вышли из комнаты. Сэмюель шёл впереди, Жан и Жак следовали за Иваном.

Спустившись в холл, мужчины свернули в одну из пристроек-крыльев и направились по мрачному полутёмному коридору, где их длинные тени то переплетались между собой, образуя змеиное кубло, то устремлялись ввысь по стенам.

— К Доку, Сэм? Может зря, на ночь глядя, беспокоить доходягу? — с вызовом бросил Иван, зная что ответа не последует.

Сэмюель остановился у белой двери в самом конце коридора. Отворил её и отошёл в сторону. Две сильные руки толкнули Ивана внутрь.

Иван стоял в той же комнате отделанной белым зеркальным кафелем. В окно заглядывала ночь. Тёмная, но совсем скоро, он это знал наверняка, она озарит всё холодным лунным сиянием.

В центре на полу кожаные ремни крест-накрест для головы и четыре с пряжками для рук и ног, притороченные к кафелю в виде буквы X на таком расстоянии, чтобы поместился распятый человек.

В руках у Сэмюэля полотенце. То самое.

Иван догадывался, что сейчас прикажет ему негр.

Когда с лица сняли полотенце, Иван уже знал, кто это может быть. И не ошибся. Над ним склонялось улыбающееся личико Аоллы.

— Масса, я прийти, — прошептала она нежно.

— Снова дасса? — спросил он.

Девушка кивнула. Её соски коснулись его груди. Как бы снова ни утонуть в этих колдовских чарах.

Сколько таких встреч впереди? Эта последняя, и всё будет закончено? Надо быть дураком, чтобы глядя, с какой щепетильностью фрау Хильда укладывала в нержавеющий контейнер презерватив с его семенем, не понимать, что им от него нужно. И не важно, какую цель преследуют эти больные на голову фашисты. Какие адские опыты проводят они над его семенем. Главное вырваться из их слизких лап, пока окончательно не превратился в дойную корову, а точнее, в быка-осеменителя.

— Я ждал тебя, — сказал он ласково.

Девушка радостно улыбнулась. Но улыбка продержалась на её губах меньше секунды. Она испуганно покосилась на дверь.

— Масса Хиль не разрешать мне слушать. Разрешать хо... хо... хо...

— Я...

Иван недоговорил. Девушка прервала его долгим поцелуем. На миг Ивану почудилось, что это жаркие губы одесситки-Катерины — такие же ненасытные и похотливые. Вот-вот и в нос ударит запах квашеной капусты, а за перегородкой раздастся голос Павловны.

Всё повторялось, как и в прошлый раз. Аолла легла на него плашмя. Щекой прижалась к щеке. Сегодня его подбородок был гладким. С утра его выбрил Сэмюель, умело орудуя опасной бритвой. Кожа пахла одеколоном.

— Я хочу трогать твои волосы, — сказал Иван.

Девушка потянулась к его руке. Положила голову в раскрытую ладонь. Её волосы были жёсткими, будто переплетённые между собой тонкие стальные проволочки. Он коснулся её щеки. Погладил кончиками пальцев. Она выгнулась как кошка, подставляя прикосновениям лицо.

— Развяжи руку, — попросил Иван. — Хочу погладить.

— Nein^[8], - Аолла мигом отстранилась. Упёрлась ладонями в грудь. — Масса Хиль...

— Одну только руку. Ничего не случится.

— Nein.

— Ты очень красивая Аолла. Лучшая дасса для меня, — Иван вложил в эти слова всю нежность, на какую только был способен.

Девушка молчала. Полумрак превратил её лицо в тёмное пятно. Белозубая улыбка растворилась в нём. Упираясь руками, негритянка полулежала на Иване, и было неясно, о чём её мысли.

На щёку упала капля — Аолла плакала.

— Ты что? — спросил Иван.

— Мой Таро не говорить мне так, — тихо выговорила она с болью в голосе. — Он молчать когда делать хо... хо... хо... Ты говорить, как дать тепло. Как есть манкай^[9].

— Ты хорошая. И я тоже хороший, — произнёс Иван, наполняя каждый слог теплотой и

любовью.

Она одарила его страстным поцелуем:

— Спасибо масса Хиль за тебя. Ты моя дасса, — с признательностью сказала девушка.

Весь разговор она нежно прижималась лобком к его мужскому достоинству, и теперь чувствуя нарастающее возбуждение, какое Иван не смог бы остановить даже если бы и пытался, привычно запустила руку меж бёдер.

— погоди, — попросил Иван. — Освободи одну руку. Я тоже хочу...

Минуту она не двигалась.

— Я не смогу убежать, — дополнил он свою просьбу. — Я и не хочу от тебя убежать. Ты моя дасса.

Иван поразился избранному им тону. Неужели он так умеет? К тому же закрадывалось сомнение, действует ли на туземок такая галантная обходительность? Может в культуре её народа принято без комплиментов и лишних слов брать самку за шевелюру «а ля Анжела Дэвис» и, развернув задом, делать хо... хо... хо...?

Но видимо, все женщины на земле одинаковы. Все они без исключения любят ушами.

— Хорошо, — согласно кивнула Аолла. — Ты хорошо... ты хороший.

Она потянулась к его правой руке и расстегнула пряжку. Иван сделал несколько движений, сжимая и разжимая кулак. Пальцы не успели занеметь. Вот это было на самом деле хорошо.

— Спасибо, — сказал он и ответил благодарным поцелуем.

Он долго прижимался губами к её шоколадным губам. Язык Аоллы искал его язык. Они снова дышали вместе одним дыханием.

Его освободившиеся пальцы тонули в непокорной копне антрацитовых волос. Медленно ползли по затылку. Фаланги среднего и указательного легонько прошлись по выступающим холмикам шейных позвонков. Иван чувствовал, как влажная от пота кожа девушки покрывается мурашками. Его рука коснулась мочки её уха, спустилась ниже к подбородку и замерла на полпути. Пальцы скользнули на два сантиметра ниже между гортанью и переборковой мышцей и с силой надавили на сонную артерию.

В отряде быстрого реагирования, где Ивану перед фрахтом на «Marine Gold» довелось стажироваться на водолаза-спасателя, их учили не только спасать, но и некоторым навыкам подводного доминирования. Среди приёмов было и выведение из строя противника путём сжатия сонной артерии. Процедура не сложная, десяти-двадцати секундная. Главное не переборщить и без надобности не довести до полного удушья.

Иван мысленно считал секунды, когда на двенадцатом счёте тело девушки обмякло, а голова безвольно скатилась на плечо.

Он убрал пальцы с шеи и прислонил лицо негритянки к уху. Аолла мирно спала. Аккуратно свободной рукой он отстранил её от себя. Несмотря на свой рост, девушка была легка как пушинка.

Иван отстегнул вторую руку, высвободил голову от ремней и принялся расстёгивать пряжки на ногах. Работал он чётко, не теряя ни секунды. Сон негритянки продлится минут пять-шесть, пока не восстановится циркуляция крови и мозг не получит достаточно кислорода.

Освободившись, он на четвереньках подполз к окну. На раме не было решёток. Обычная деревянная, как и во многих индийских домах времён прошлого века. Медным шпингалетам не менее пятидесяти лет. Вероятно, строители трёхлучевого здания не предусмотрели такого

поворота событий.

Иван вернулся к Аолле. Уложил её в импровизированное распятыё, пристегнул ремнями руки и ноги. Голову пристёгивать не стал. Полотенцем обвязал нижнюю часть лица. Сделать кляп не решился, опасаясь, как бы девушка не задохнулась во сне.

— Прости, — сказал он, целуя спящую девушку в лоб. — Ты лучшая дасса на свете.

Веки её дрогнули. Совсем немного и она придёт в себя.

Времени не оставалось.

Иван вскочил на подоконник, рванул шпингалеты, распахнул окно и, не глядя, сиганул в ночь.

* * *

Полная луна уверенно завладевала небом. Скоро будет видна каждая травинка.

Окно выходило на поле для крикета, за которым буйствовали вьющиеся заросли. Иван бегом пересёк лужайку и укрылся под развесистыми листьями щитовника.

Справа пристройка примыкала к высокому трёхметровому забору, увитому колючей проволокой, слева начиналась тропинка, вероятно ведущая к хозяйственным постройкам.

Иван не рискнул воспользоваться тропинкой напрямую. Увёртываясь от хлёстких веток и преодолевая боль в ногах, исколотых мелкими камешками, он побежал рядом, придерживаясь её направления.

Тропинка кончалась у двери небольшого щитового строения. Иван осторожно приоткрыл дверь — постройка оказалась садовничьим сарайчиком. В углу стояли инструменты: кирки, лопаты, грабли. На полках аккуратно разместились секаторы, садовые ножницы, пилы. Иван взял топорик, похожий на индейский томагавк, повертел в руке. Алюминиевая рукоять, лёгкое топорище, лезвие в виде полумесяца, вместо обуха крюк. Добротная вещь, но зачем она садовнику?

На голом теле Ивана не имелось ничего, для использования в качестве карманов. Он снял с гвоздя поливочный шланг и секатором отрезал нужный кусок. Опясался им вокруг талии, связав спереди концы морским узлом. Сзади воткнул за импровизированный ремень томагавк.

Иван прикрыл дверь сарая и, обогнув его, вышел на небольшую прогалину усыпанную кучами всякого старого хлама: остовы панцирных кроватей, куски гнилых водопроводных труб, бочки в каких засаливают рыбу, листы ржавого железа. Поодаль валялась цельнометаллическая вертолётная лопасть.

Над небольшой рощицей из полдюжины мелколиственных суккулентов возвышалась водонапорная башня. За ней виднелась ещё одна башня, над которой, как шляпка гриба над мясистой ножкой, высился перевернутый воронкой вверх конус опреснителя.

Стараясь не оставлять следов, Иван добрался до труб связывающих башню с конусом. Снизу казалось, что конструкция уходит ввысь метров на пятнадцать, хотя не исключено, что она была гораздо выше. На самый верх вела приваренная техническая лестница без перил и какой-либо страховки. Не задумываясь, Иван быстро по-обезьяньи устремился вверх по лестнице.

Между конусовидным «грибком» и краем резервуара диаметром не менее четырёх метров и доверху заполненным водой, зияла полуметровая щель, в которую Иван не мешкая,

и шмыгнул. Вода оказалась горячей и очень солёной. На поверхности вился лёгкий туман. Вероятно, за день её до приличной температуры нагревало солнце, а испаряясь ночами, она накапливалась на внутренней стенке «гриба» и уже опреснённой стекала в специальные желоба-сборщики.

Только сейчас оказавшись в воде, Иван почувствовал радостное облегчение. Неужели удалось? Ликовать было рано, но положенное начало вселяло надежду.

Он распластался на спине, разбросал в стороны руки и закрыл глаза. Прекрасное ощущение свободы. Он находился в логове врагов, его окружал жуткий лес неизвестной ему земли, он не знал, что будет завтра и увидит ли он рассвет, но чувство крошечной победы пьянило и давало силы жить.

Внизу слышалось мерное механическое гудение. Вероятно, двигатели качали воду в резервуар. Но откуда? Виртукон со всех сторон окольцован горами, и до моря не близко. Или здесь есть подземная река? Сеть пересекающихся пещер, выходящих к морю? Что-нибудь наподобие катакомб с трубами большого диаметра, где мощные насосы гонят воду из морских глубин. Нацисты не жалели средств на подобное.

Так он лежал на воде пока не услышал тихую трель свистка внизу. Он подплыл к краю, высунулся по глаза и глянул вниз.

Высокая человеческая фигура. Мужчина вышел из тени здания на ярко освещённый край бассейна, и Иван узнал в нём Кунца. Во рту немец держал свисток, похожий на боцманскую дудку.

От здания отделились ещё два силуэта. Несли что-то громоздкое. Когда они взошли на тропинку, Иван разглядел и их. То были Жан и Жак с большой плетёной корзиной в руках, доверху наполненной серебристой рыбой.

Рыбы было много, и была она крупной, похожей на каспийскую сельдь не менее полутора килограмм каждая, хотя с такого расстояния трудно было разглядеть сорт, да и откуда здесь взяться «залому»? А ещё рыба была живой и верхний шар то и дело бил хвостами, поблёскивая в лунном сиянии. Носильщики поставили корзину у ног Кунца и удалились. Кунц снова подал сигнал.

Вскоре над гладью показалась чёрная голова. Затем ещё она. Спустя минуту уже семь-восемь круглых «мячиков» чернело над водой. Кунц достал из корзины рыбину и, не размахиваясь, запустил в воду. Тут же одна из голов на лету поймала добычу. Мужчина сделал так ещё раз, а затем с методичным постоянством и в определённой последовательности стал швырять рыбу в бассейн. Существа легко ловили её. Мгновенно перемещались в воде и метко рассчитывали движения. Было видно — они в своей стихии.

Одно из существ, ближайшее к стенке, в шаге от Кунца, ухватилось руками-лапами за край бассейна и в мгновение, точно прыжок дельфина, очутилось на помосте, припав к ногам кормильца. Как ни в чём не бывало, Кунц потеревил загривок твари и подбросил над бассейном очередную рыбину. Существо проворно метнулось следом, поймав еду на лету.

Иван замер. Сомнения развеялись, создание было одним из тех человекоподобных приматов, с какими ему уже дважды довелось повстречаться. Аквахомо — именно так называл обезьян в своих колбах Доктор Зло.

Тварей прибавлялось. В сорокаметровом бассейне они чувствовали себя превосходно. По-лягушачьи растопырив пальцы, мощно загребали длинными лапами, отчего одним взмахом преодолевали трёхметровое расстояние. В воде их тела преображались, становясь практически схожими с идеальной формы перевёрнутым равнобедренным треугольником.

Широченные плечи, из которых росли сильные лапы и тонкая талия, переходящая в стройные, но не менее сильные ноги.

Иногда Кунц зашвыривал рыбу довольно далеко и по высокой дуге, чтобы аквахома не смогли достать её в воздухе, но непременно какой-нибудь из них бросался в воду, останавливался там, где должна была упасть рыба, и ждал её, разинув пасть.

Кормёжка продолжалась довольно долго. Сытые аквахома резвились в воде, поднимали фонтаны брызг. Недавно подоспевшие жадно скакали за рыбой, вскарабкивались на помост и как домашние собачонки в ожидании лакомства кружили на четвереньках вокруг Кунца, тряся боками об его высокие сапоги. И хотя ростом монстры были не ниже высокого немца, но, ни один из них не посмел встать на ноги и поравняться с человеком. Все без исключения сидели на корточках и глазели снизу вверх, как Кунц дразнит их высоко поднятой над головой рыбиной.

Козина пустела, как вдруг из разных углов бассейна раздался пронзительный писк, соединившийся над водной гладью в откровенное предупреждение об опасности. Это пищали аквахома. Не на шутку встревоженные, они стали носиться взад-вперёд, то подплывая к Кунцу, то стремительно отдаляясь от стенки, у которой он стоял. Создавалось впечатление, что идиллия, в какой секунду назад пребывали твари, развеялась как дым над водой.

От здания отделилась тень. Обогнула плетёные лежаки, сложенные солнечные зонты и остановилась рядом с Кунцем. Это был кот Бисмарк.

Аквахома носились по бассейну как заводные. Видимо, кот-рыболов вселял в души водяных обезьян животный неконтролируемый ужас.

Тем временем Бисмарк не обращал внимания на мечущихся в воде тварей. Он водил мордой по верхушкам пальм высаженных вокруг бассейна. В ярком свете луны, которая к тому времени полностью завладела безоблачным небом, Иван отчётливо видел, как наострились кончики кошачьих ушей, как торчат вибриссы и чутко подрагивает кошачий нос, обнюхивая воздух. Вероятнее всего, Иван и не мог рассмотреть ничего такого, но то как кот себя вёл не оставляло сомнений, хищник что-то почуял. Бисмарк повернул голову в сторону опреснителя и Иван отдал бы голову на отсечение, что их глаза встретились.

Его охватило то же чувство, какое он испытал в их первую встречу. Он моментально нырнул вниз и замер, прислушиваясь. Но ничего не произошло. Никаких новых звуков, кроме противного писка напуганных тварей.

И тут Иван услышал громкий возглас Кунца:

— Шайгара!!!

Писк тут же прекратился. Что-то там произошло.

Любопытство пересилило страх и, борясь с излишней осторожностью, Иван выглянул снова.

Водная гладь бассейна уже не кипела. Лишь кое-где в углах расходилась лёгкая зябь. Чёрные головы аквахома сгрудились в один тёмный пятаяк метрах в пяти от места кормёжки. Твари, если сказать образно, были тише воды, ниже травы. Ни писка, ни малейшего звука. Высокий немец в роговых очках и большой пятнистый кот у его ног безмолвно наблюдали за обезьяньей капитуляцией.

— Шайгара дуо! — крикнул Кунц.

После этих странных слов головы созданий стали одна за другой исчезать в воде и вскоре ни единой не осталось на поверхности.

Когда всё закончилось, Кунц склонился над опустевшей корзиной, выгреб со дна несколько последних рыбин и бросил Бисмарку. Кот склонился над едой и, как и любая кошка не выказывая ни малейшей благодарности, принялся есть.

По тропинке бежал Сэмюель. Ещё на бегу, он что-то громко, но неразборчиво, а может и не по-английски прокричал Кунцу.

Мужчины побежали к зданию, а кот, как ни в чём не бывало, продолжил свой ужин.

Внизу долго не стихала суета. Слышались командные возгласы, и брань. Иван не рискнул наблюдать за происходящим, и сидя по ноздри в воде лишь прислушивался к возне внизу, ориентируясь по доносящимся звукам.

Они искали его. Команды раздавал Сэмюель. Иногда кто-то докладывал, но неразборчиво, то ли коверкая слова на ужасном английском, то ли на языке, которого Иван не знал.

Слышался собачий лай. Оказывается, у них были собаки. Лай походил на короткие автоматные очереди и звучал вдалеке. Собаки рыскали где-то за забором.

Только сейчас Иван понял, что нашёл подходящее укрытие. Кругом водонапорной башни и опреснителя стояла вода, по сути, мини-болотце, образованное конденсатом, стекающим с наружной поверхности «гриба» и с опоясывающих труб. Всего нескольких метров слякотной травы хватило, чтобы собаки потеряли след.

Время от времени ночное небо разрезали лучи прожекторов, отчего внутренности Ивана холодели. Плана дальнейших действий не было. Иван плохо разобрался в местности. По сути, под непрерывным присмотром Сэмюеля, этого невозможно было сделать. Оставалось одно — слепо полагаться на удачу.

Но удача не жаловала. Снаружи раздался глухой звук, точно деревянным молотком забивали гвозди — стук каблуков по стальным перекладам. Кто-то поднимался вверх по лестнице.

Иван замер. Звук прекратился, и мужской голос крикнул:

— Никого не вижу!

Снизу раздался приказ Сэмюеля:

— Оставайся там. Увидишь движение, немедленно дай знать.

Понятно. Они отправили смотрящего на водонапорную башню как на наблюдательную вышку. Ничего хорошего в этом не было. Иван чуял, человек совсем рядом, и друг от друга их отделяет лишь металлическая перегородка резервуара. Кто знает, сколько продлятся поиски.

На какое-то время голоса стихли. Слышалось лишь урчание насосов под водой. Иван прислушался, и вдруг ему на ум пришла авантюрная мысль. Он глубоко вдохнул и, стараясь не потревожить тихую гладь бесшумно нырнул в глубину.

В крошечной темноте он плыл на слух, преодолевая лёгкое встречное течение. Наверняка, насосы создавали некую циркуляцию, дабы вода не застаивалась. В любом случае должны были быть как подача, так и откачка воды, и всё это, скорей всего, располагалось на дне резервуара.

Погрузившись метров на десять, Иван понял — гул достиг максимума и течение исчезло. Он чуть вернулся вверх и, снова поймав движение воды, подплыл к одной из стенок. Пошарил по ней ладонями. Пальцами прошёлся по обросшему нитчатыми водорослями липкому металлу. Направление прядей нитчатки указало, где искать источник. С минуту Иван ощупывал обросшую стенку, пока не наткнулся на обод впускной трубы, из которой и поступала вода. Напор был не сильный, но плотный и стабильный.

Картина прояснялась. В стенках ёмкости за метр-два от дна имелись впускные трубы для закачки, а значит, где-то должно было быть и выпускное отверстие для профилактического или ремонтного сброса. Кто не знает простую и проверенную схему

сантехнической раковины? И где может находиться такой слив как не в самой нижней точке сосуда?

В полном мраке Иван нырнул глубже и уткнулся ладонями в илистое дно. Если заглушка и есть, её место в самой середине днища.

Иван ногами упёрся в стенку и, определив перпендикуляр, оттолкнулся в направлении противоположного края. Неспешно плывя, он ощупывал под собою дно, выполненное с небольшим уклоном к центру. Предположение и на этот раз не обмануло его. Руки уткнулись в металлическое колесо, наподобие корабельного штурвала диаметром с метр. Исследование вслепую подтвердило догадку, колесо было частью запорного механизма сливного клапана.

Ногами Иван нащупал обод заглушки, руками ухватился за штурвал. Качнул в одну, затем в другую сторону. Штурвал медленно поддался и неспешно повернулся. Хватило четверти оборота, и Иван почувствовал, как ил под ногами потянуло. По всей видимости, задвижки вышли из пазов и «пробка» чуть опустилась вниз. Но на этом и остановилась.

Иван толкнул ногами «пробку». Ничего не произошло.

За годы занятия подводным плаванием, Иван понял — кроме зрения у ныряльщика должны быть хорошо развиты все органы чувств. На глубине случается всякое. Может выйти из строя фонарь, и что тогда? В дайвинг-клубе их тренировали глубоководному погружению без источника света, и теперь пришло время вспомнить те уроки.

Он лицом прильнул к люку заглушки и принялся внимательно ощупывать каждый сантиметр, рисуя в уме чертёж. Наконец пальцы упёрлись в кольцеобразную проушину. Кольцо было приварено с краю «пробки» и в него входил стопорный крюк. Либо механизм был магнитным затвором и открывался извне, а может ещё что-либо — времени на размышление не оставалось.

Иван вынул из-за пояса топорик и поддел им стопор. Упёрся ногами, потянул на себя. Воздуха не хватало. Кислород стремительно сжигался в крови. Он сделал последнее усилие и снова ощупал крюк. Как врач ощупывает пациента, как медвежатник пальцами подбирает код сейфа, так и Иван весь превратился в осязание.

Крюк действительно поддался, и теперь проушина цеплялась наполовину.

Он ещё раз проделал тоже самое, и снова ощупал стопор. Результат вдохновил его. Ногами он встал на «заглушку» и со всей силы, какая оставалась в руках, саданул топором по проушине.

И тут стремительный водоворот силой увлёк его за собой.

В следующую секунду Иван очутился в Аду. Он летел в пустоту. Быстрый поток как на водной горке тащил его вниз, только горка та была узкой железной трубой, в которой он едва умещался.

Его трясло и било о стенки. Несколько раз он натёкался рёбрами на стыки и едва не вспорол себе живот. Дважды ударялся головой и едва не лишился сознания. Горела содранная на боках кожа. Правая ступня зацепилась за что-то и лодыжку прошибла жуткая боль. Вода забила нос, рот и глотку.

Его колотило будто он во вселенском миксере в руках самого Дьявола. До искр, до сотрясения, до потери памяти. Казалось вот-вот и «road to hell», как самозабвенно пел Крис Ри, закончится кипящим казаном набитым грешниками, где черти с вилами пляшут свои адские пляски.

Но в конце пути оказалось нечто похуже самого Ада. Его выплюнуло как пробку, только

не вверх, а вниз. Мир завертелся и закрутился вокруг точно волчок. Звёздное небо в секунду сменялось чёрными кронами деревьев, а те в свою очередь сменялись каменными уступами, валунами и снова небом. Кромешный водопад нёс его по горному склону в бездну.

Его волочило по острой гальке как по наждачной бумаге. Он натыкался на торчащие из земли корни, бился об острые края. От сильного удара в кровь разбил голову. Плечо онемело от другого удара. Вся спина была точно в ошмётках разодранной кожи.

И тут каменный склон оборвался, положив конец нечеловеческим пыткам. Увлекаемое ниспадающим водным потоком, израненное полуживое тело Ивана летело в пропасть, и вскоре морская пена поглотила его.

* * *

Раскрыв веки, первое, что он увидел, были нависшие над глазами чёрные слизкие тушки червяков. В последнее время он перестал удивляться чему либо, но на сей раз удивление получилось произвольным. Не так он представлял себе загробный мир.

Иван инстинктивно дёрнулся, чтобы сбросить мерзких тварей. Не вышло. Его руки были привязаны к туловищу лоскутами ткани, а ноги запечатаны в какую-то невообразимых размеров колоду из коры и молодых побегов лиан, обмазанную глиной. Тело, куда ни глянь, облеплено большими тёмными листьями и тоже увито ядовито-зелёными побегами. Голова туго забинтована.

Он лежал как «куколка» в коконе в невысоком шалаше из веток папоротника. Сквозь листву пробивается рассеянный свет. Нос чуял запах дыма и ещё чего-то пряного, мускатного.

— Эй! — крикнул Иван и произвольно обрадовался тому, что слышит свой голос.

Он повторил крик.

Ветки над ним зашевелились, пропуская внутрь красное вечернее солнце.

Странно было ожидать что-либо хорошее, ведь последние две недели доказали, хорошее в жизни Ивана закончилось навсегда. И всё же то, что он увидел, было неожиданно. Даже больше чем увидеть самого Люцифера.

Над ним склонился не представитель потусторонних сил, и не дикий туземец. И даже не фрау Хильда. То было лицо мужчины — блестящее лысиной и обрамлённое густой чёрной бородой, совершенно высохшее и задубевшее на солнце — лицо профессора Секхара Чакрабати.

— Очень хорошо, — произнёс профессор и приставил к губам Ивана глиняную плошку с тёплым отваром.

Иван жадно приложился к краю и стал пить. Варёво оказалось невероятно горьким и острым, но странно — его всё равно хотелось пить.

— А ну-ка, — сказал Чакрабати, отставляя опустевший сосуд.

Пальцами он проделал какие-то манипуляции над Ивановыми бровями и снял с них две огромные накачанные кровью пиявки.

— Очень хорошо, — со знанием дела повторил профессор и бросил пиявок в плошку.

— Голова не болит?

— Нет, — произнёс Иван, констатировав к своему удивлению, что мыслит ясно, и нет ни малейшего намёка на стресс, паническую атаку или что-либо подобное.

— Где я? — спросил он и невесело отметил, что снова произносит вопрос, ставший в последнее время для него главным вопросом.

— Скоро стемнеет, — произнёс Чакрабати. — Надо поспать. Всё утром.

С этими словами старик положил на нос Ивана несколько цветков розово-лилейного цвета.

Мысли Ивана закружились в безумном хороводе. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Лицо профессора стало расплываться. Борода отделилась от подбородка. Пара пристально смотрящих глаз начала множиться, и вскоре лицо старика растворилось, остались одни лишь глаза. Умные, добрые. Другими они, наверное, и не могли быть.

* * *

Проснулся Иван, когда восход только обозначил себя, окрасив небо серым. Шалаша над головой уже не было. Рядом стояли две глиняные плошки, в которых тлели какие-то корешки. Стойкий едва видимый дымок пах мандариновым запахом детства.

На теле уже не было лопухов, зато места, на которых они были, розовели свежезажившими шрамами, часть из которых выглядела ужасно. Чёрные впадины рваной кожи в основном на бёдрах и ляжках бугрились засохшим мясом. Было видно, что уцелевшие края ран стянули и скрепили между собой тонкими деревянными палочками — иголками какого-то растения. Раны зудели, некоторые ныли, но в целом боль была терпима.

На ступнях уже не было глиняной колодки, но щиколотка правой ноги выглядела как синевато-белёсый рыбий пузырь. Иван попытался пошевелить ступнёй. Удалось только пальцами. И на том спасибо.

— Доброе утро, — услышал он голос Чакрабати.

Захотелось выплеснуть на старика все накопившиеся вопросы. Эмоции переполняли слабое Иваново тело. Но вместо этого он только и спросил:

— Я жив?

Старик утвердительно кивнул. Наклонился, подставил руку под затылок, вторую под Иваново плечо и сказал:

— Давай, господин Иван, проверим на деле.

С помощью старика, Иван попытался подняться. С трудом ему удалось сесть.

Пока Чакрабати осторожно снимал лопухи с Ивановой спины, парень скрежетал зубами и держался, чтобы не закричать. Вероятно, спину постигла худшая участь, чем всё остальное. Иногда старик прикладывал значительное усилие, и было ощущение, что со спины живьём сдирают кожу.

— Ничего-ничего, — полушёпотом приговаривал Чакрабати. — До свадьбы заживёт.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Иван краем глаза стал рассматривать своего спасителя.

Профессор выглядел уже не таким полнотелым, каким впервые предстал перед Иваном в Чиннайском аэропорту. Странно было теперь называть его профессором. Старик скорее походил на представителя касты неприкасаемых. Его смуглая, почти коричневая кожа сморщилась как пергаментный лист и кое-где на животе, груди и руках обвисала как кожа ящерицы. Шея, локти и колени были измазаны глиной смешанной с травой и землёй. Он высох, подтянулся и уже ничем не напоминал добродушного толстячка Санчу Панса. Дай ему больше роста, сошёл бы за патрона Санчо, славного идальго Дон Кихота Ламанчского.

Хотя образ «рыцаря печального образа» индусу тоже не подходил. Виной тому живые горящие оптимизмом глаза.

Чакрабати также был обнажён, но в отличие от Ивана его причинное место прикрывал тонкий матерчатый лоскут, повязанный на бёдрах как каупина^[10]. На ногах лапти, сплетённые из тонких молодых побегов. На голове панама сплетённая из того же материала.

Взяв Ивана за больную ступню, профессор предупредил:

— Сейчас развернёмся на живот. По часовой стрелке и по моей команде. Готов? И-и... раз.

Иван послушно выполнил команду, а Чакрабати умело помог больной ноге.

В его руках появилась уже знакомая Ивану плошка. Загребая пальцами тягучую желеобразную субстанцию, профессор принялся уверенно и со знанием дела смазывать этим дёгтем раны на изувеченной спине. Слышался стойкий запах гнилой сливы.

Иван чувствовал, как старик приклеивает свежие лопухи. Умелая рука легонько прижимала к ране очередной листок, и Иван слышал, как крошечные иголочки в месте соприкосновения начинают обкалывать израненную плоть. Раны пощипывало и потягивало. До зуда, до ощущения, будто нервные окончания связываются в какие-то замысловатые узелки. Но удивительным было то, что прежняя боль отступала. Точно медовое варевое растворяло её, а лопухи всасывали раствор в себя.

Вскоре Иван перестал чувствовать спину. В душе появилось такое умиротворение, что впору было отдалиться ему, позабыв обо всём на свете. И всё же он пересилил это желание.

— Как вы выжили? Ещё кто-то жив? — спросил он.

— Молчите, — перебил старик. — Это лист кауры. Впитывайте в себя. Втягивайте всем телом. Кожей. Мышцами. Дышите ею. Слейтесь воедино. Её сок целебен пока не затвердеет. Арии называли эти листья «Кожей Бога». Чёрные даса^[11] делали из них доспехи, и кожа их становилась неуязвимой для арийских стрел. Удивительные свойства восстановления дермы и эпидермиса.

Лёжа на спине Ивану стало легче осмотреться.

Рядом был шалаш. Пальмовые ветки сложены конусом и скреплены вдоль и поперёк гибкими лианами. Перед лазом тлеет обложенный камнями костёр. На одном из камней, самом пологом, плитообразном, стоит ещё одна плошка. Над варевом струится лёгкий парок. Оба сосуда ни что иное как две половинки черепашьего панциря. В стороне небольшая яма, а в ней грудка мелких обглоданных костей. К стволу дерева приставлен длинный лук. На ветках дубятся шкурки огромных ящериц. Под ними разбросана скорлупа кокосовых орехов.

Несколько очищенных от коры шестов воткнуты так, что концы их сходятся над костром. С них свисают три тушки — одна змеиная, достигающая хвостом огня и пара летучих мышей, огромных, не в пример европейским сородичам. На других шестах наколоты корнеплоды.

Поодаль от шалаша подобие корыта — если можно так назвать свёрнутую из листьев и обмазанную глиной неглубокую посудину приставленную к стволу впечатляющего размерами галактодендрона^[12]. По жёлобу свёрнутому из листа папоротника в корыто сочится густая молочная струйка древесного сока.

— Я всё вам расскажу, — слышится голос старика. — Дайте срок.

История, рассказанная профессором Секхаром Чакрабати.

— Вначале пару слов о том, как я нашёл вас, господин Иван. Ведь вас зовут Иваном, не так ли?

Так вот, кратер — да-да этот остров однозначно вулканического происхождения и отсюда даже можно разглядеть его специфическую вершину — собственно, южный его склон выходит к небольшой бухточке и что бы вы думали, прямо над ней из дюжины фумарол^[13] по крутому склону сбегают большие и не очень, но достаточно быстрые ручейки, собирающиеся в конце в мощный водопад. Солёные водопады на планете не редкость, но зачастую они расположены не на суше, а в мировом океане. Здесь же солёная вода бьёт прямо из-под застывшей лавы и как бы наоборот, выходит не из океана, а впадает в него. Откуда морская вода берётся под землей, неясно, но не про то речь. Как раз под тем водопадом я и нашёл вас, господин Иван.

Вы лежали на воде и были без сознания. Ваше тело просто болталось под падающими струями. До сих пор удивляюсь, как вы не утонули.

Я вытащил вас и принёс сюда. Не смотрите, что я старик, сила не в годах, а в том, как ты их проживаешь. Вы были здорово избиты и истекали кровью. Жуткое зрелище. С вас будто живьём сдирали кожу.

Десять дней вы пробыли без сознания. Я отпаивал вас отваром хрикти и заживлял ваши раны природным антисептиком из сока акуаро, смешанного с толчёной кожурой дерева бру. Иногда вы приходили в себя, и тогда я, как получалось, кормил вас жирными жареными червями. Вероятно, вы не помните этого, чудодейственный хрикти — сильнейший отвар грёз. Благо ни ваши кости, ни внутренние органы не пострадали. У вас была вывихнута правая лодыжка, пришлось наложить самодельный гипс. Думаю, ходить вам пока рановато, не исключены сколы и микротрещины — увы, рентгеновского аппарата у меня под рукой нет — но, по всей видимости, ничего страшного не случилось и скоро ваша нога придёт в норму.

Это что до вашего чудесного спасения. Теперь, собственно, моя история.

Видимо, молодой человек, не настало ещё время, когда моей душе суждено покинуть колесо сансары. Но скажу откровенно, за шестьдесят с небольшим прожитых лет я впервые испытал в том туземном каное состояние бардо.

Когда вы с этим уверенным в себе бриттом ушли на разведку, не прошло и получаса, как на берегу показалась группа людей. Завидев на фоне залива человеческие силуэты, мы возрадовались как дети. Неужели Кришна ниспослал нам спасителей?

Но радость наша была преждевременной. Чем ближе подходили те люди, тем скорее моё ликование сменялось страхом. То были сентинельцы. С луками и копьями, лица в боевом окрасе.

Господа же резвились и улюлюкали от счастья. Они не ведали, кто такие эти дикари. Я же был прекрасно осведомлён и знал практически всё-то небольшое, что было известно миру про этот полностью изолированный от цивилизации дикий народец.

Лихая слава о жителях Северного Сентинела берёт начало с XIII-го века, когда

знаменитый Марко Поло назвал их «самой жестокой и опасной генерацией из всех им виденных». «Кажется, они съедят любого, кого поймают», — писал великий путешественник в своих воспоминаниях.

В середине девятнадцатого века индийское торговое судно, севшее на мель неподалёку от острова, подверглось зверскому нападению туземцев. А десять лет спустя на Сентинел высадилась британская колониальная экспедиция под руководством Мауриса Портмана. Сопровождавшие миссионеров полицейские выкрали целую семью аборигенов, и вывезли в Порт Блэр. Родители тут же умерли от неизвестной болезни, после чего четверых детей возвратили обратно на остров.

В семидесятых-восемидесятых уже нашего столетия сюда раз за разом наведывались неравнодушные исследователи — учёные антропологи с блокнотами, магнитофонами и подарками и даже съёмочная группа National Geographic. Иногда забредали несведущие о местных нравах странники яхтсмены-европейцы. Все непрошенные гости были встречены агрессивно с боевым улюлюканьем и откровенной демонстрацией половых органов. Но главное, в них непременно летел град из ядовитых стрел. Не обошлось и без жертв. Некоторые выжившие рассказывали, как под страхом смерти участвовали в сексуальных оргиях устроенных дикарями, слава богу, без каких-либо последствий.

С тех пор края эти, гласно и не гласно, было принято обходить стороной. Вот почему завидев на берегу синтенельцев с луками и стрелами в руках, я понял, в какой переплёт мы попали.

Вышло так, что наш самолёт совершил посадку на одном из крошечных скалистых островов в нескольких милях от Северного Сентинела. Вероятно, аборигены заметили падающий лайнер, потому и приплыли, как водится, не допустить пришельцев на свою территорию.

Дальше всё было страшно и мрачно. Дикари набросили на меня петлю, господина Крофта избili дровками копий, а его жену, предварительно придушив, водрузили на плечи и понесли к каноэ. Тело пилота они перетащили на берег и прикопали в песке.

Вскоре все мы очутились в лодках. Все, кроме Питера. Смышленный мальчишка успел-таки скрыться. Молодчина! А ещё среди нас не оказалось той брюнетки-стюардессы. Куда она подевалась, для меня до сих пор загадка.

Дальше нас троих привезли сюда. Скажу что по моим ощущениям, между этим островом и местом приземления не более двух миль.

Дикари привели нас в лагерь. Меня и мистера Крофта бросили в яму, а господину Крофт отвели неизвестно куда. Господин Алекс всё время был без сознания. Туземцы связали ему руки, и я как мог, пытался ему помочь. Остановил кровь, протёр раны. По всей видимости, у него было сотрясение мозга.

В яме нас держали двое суток. Еду не давали. Только воду. Потом дали кабаньи потроха. Все в крови, грязные — остатки свежевания охотничьих трофеев.

Мне было легче переносить голод. Каждый экадаши^[14] я делаю упавасу^[15].

Господин Крофт мучился невыносимо. Бредил не переставая. Его была лихорадка. Кожа его высохла и побелела как мел.

На третий день нас вытащили из ямы и подвели к дряхлому старцу похожему на забальзамированную мумию. Если таковое возможно, я бы дал ему в два раза больше лет, чем мне сейчас.

Старец ощупал наши конечности, животы и спины. Делая это, он что-то пояснял

стоящим рядом соплеменникам. Те покорно внимали каждому его слову. Он осматривал нас, как покупатель осматривает на базаре вола или корову.

Когда старец крикнул: «Амуда!», один из аборигенов подошёл ко мне и каменным ножом сделал надрез на моём предплечье. Старец ткнул пальцем в рану, вымазал в крови и неожиданно для меня дочиста облизал его. Затем повернулся к племени и что-то пафосно прокричал.

Это же он проделал с господином Крофтом. Но когда старец попробовал его кровь, глаза его закатились под веки, он яростно затопал худыми ногами, истерично замахал руками и разразился долгой болезненной рвотой.

Племя недовольно заголосило.

Двое туземцев взяли господина Крофта подмышки и поволокли обратно к яме, мне же накинули на шею плетёную верёвку и затянули так, что я едва не потерял сознание.

Меня притащили на берег, как раз напротив той бухточки, в которой я вас нашёл. Длинными верёвками они привязали обе мои руки к деревьям и распяли как Христа. Я думал, они привели меня убивать, но они просто взяли и ушли.

Так я стоял под жарким солнцем, пока не ушёл в небытие.

Очнулся я оттого, что лежу на песке, а мои руки свободны. Лишь привязаны концы верёвок. Кто-то перегрыз их. Ума не приложу, как это случилось. Полагаю, моим спасителем должен быть зверь с хорошими и крепкими клыками. И побрезговавший моей плотью.

Удивительное дело. Хотя на этом острове удивление — обычное состояние чужака.

Как бы то ни было, я обрёл свободу.

Адаптироваться к диким условиям мне как профессору естествознания, специалисту в биологической антропологии и почётному члену Индийского антропологического общества, не представляло труда. Молодость я провёл в экспедициях. Ногами обошёл сотни километров навесных мостов штата Мегхалая. Спал в палатке в Тарских песках и в субтропических лесах Гималаев. За годы странствий я многое повидал и многому научился.

Еда здесь повсюду. Сложнее с водой. Единственный пресный источник течёт рядом с поселением аборигенов. Но как видите, я и к этому приспособился. Пью «древесное молоко», собираю утреннюю росу. Скоро начнётся сезон дождей.

Поначалу я боялся, что туземцы начнут меня искать, но потом сообразил, зачем им привязывать меня у вулкана, чтобы после организовать поиски? Ерунда. На что-то они рассчитывали. Или я был подарком кому-то. Их божеству? Диким зверям?

Это подвигло меня проследить за жизнью племени.

На вторую ночь, исследуя берег, я наткнулся на их каноэ. Я ждал в засаде до утра.

С рассветом на берегу показались люди. Они сели в лодки и отплыли далеко в море. Вернулись к ночи полные рыбы. Я проследил за ними до лагеря.

Сверху лагерь просматривался хорошо. Немного, штук двадцать хижин, расположены на широкой песчаной поляне. Посреди большой валун — место вече. Вдалеке несколько ям накрытых бамбуковыми решётками. Нас с господином держали в таких.

В стойбище кипела жизнь. Женщины носили корзины с плодами, мужчины разделявали принесенный улов.

Когда солнце спустилось за кроны деревьев и туземцы зажгли факелы, я собрался уходить. Но недоброе предчувствие остановило меня. Внутренний голос приказал мне ждать.

Синтенельцы привязали факелы к воткнутым в землю копьям, образовав огненное

кольцо вокруг валуна. Появились несколько людей с барабанами. В руках они держали корни в форме булав и этими колотушками отбивали ритм. Люди выходили из хижин. Не заходя в огненный круг, они скапливались вокруг. Если это было всё племя, их было не более полтора человека. Они готовились к какому-то обряду, и моё любопытство как учёного-антрополога пересилило страх быть пойманным.

А потом в круг ввели женщину.

* * *

Они усадили её на валун.

Её распущенные белые пряди ниспадали к пояснице. Безумный взгляд пустых глаз. Казалось, в них отсутствуют зрачки. Лицо походило на маску благодаря густым белилам, покрывавшим лоб, уши и нижнюю часть шеи. Обнажённое тело, усыпанное с головы до пят блестящей пудрой, неестественно и броско горело в свете частоколом опоясавших поляну факелов. Той бедной женщиной была миссис Крофт.

Монотонно завораживающе бил тамтам. Двадцать рослых атлетически сложенных аборигенов с поднятыми вверх руками склонились на колени и низкими утробными голосами вторили барабанному бою:

— Хо... хо... хо...

Их взмыленные спины сгибались в такт гулким ударам, а ладони едва коснувшись земли тут же, как испуганные птицы, взмывали ввысь. Мрачные тени блуждали в зарослях. Факельные блики то и дело озаряли затянутый сизым дымом красный как кровь песок. Запах потных человеческих тел перемешивался с наркотическим дымом костров.

Из темноты выплыла сутулая долговязая фигура. Человек не шёл, он крался, судорожно пригибаясь в такт ударам тамтама, и безостановочно тряс огромной, непропорциональной телу, круглой головой. Был он совершенно гол. Его блестящая, будто сдобренная маслом кожа красовалась росписью из длинных белёсых узоров, схожих на замысловатые иероглифы или витиевато переплетённое змеиное кубло. Запястья его рук и лодыжки ног украшали множество железных колец. На широкой груди сверкал медальон — до блеска отполированная шестерёнка. Только когда человек вышел на свет, стало понятно, принятым за невообразимо огромную голову, на самом деле оказался медный шлем от трёхболтового водолазного костюма времён Второй Мировой войны. Из боковых иллюминаторов торчали кабаньи бивни.

Над прогалиной вошёл серебряный диск луны, и вокруг сразу стало светло как днём. Свет озарил «пьедестал» с неподвижно сидящей на нём женщиной, и лунная её тень медленно поползла по земле, укорачиваясь и сливаясь в одну темную, заостренную к вершине чёрную дорожку.

Аборигены притихли и расступились. Человек в скафандре встал на край тени и расправил плечи. В этом долговязом островитянине было не менее двух метров роста. Он протянул руки к лунному диску, как бы взывая к нему, и в этот миг за спиной у несчастной всполохнуло белое пламя, и воздух наполнился стойким пряным ароматом. Огненные языки, поднимались ярким столбом вверх, и казалось, соприкоснувшись с лунным диском, немедля падали вниз, растворяясь в радужном свечении.

Раздался душераздирающий крик. За ним ещё и ещё. И вот уже возгласы всего племени

слились воедино с мерными ударами тамтама. Племя будто требовало действий.

Человек в скафандре обошёл пьедестал, склонился над свечением и развёл в стороны руки, жаром наполняя себя. Толпа взревела фанатичными голосами. Медленно раскачиваясь из стороны в сторону, под благодарные возгласы сородичей, колдун завёл дикую песню. Он пребывал в трансе. На ладонях его распростертых рук появились два предмета: большая глиняная чаша и каменный нож.

Аборигены расступились, образовав широкий круг. Из зарослей отделялись тени, и островитян становилось всё больше. Колдун выжидал, пока всё племя не обступит его. Рослые мужчины, женщины с детьми на руках, сгорбленные старики, ссохшиеся старухи — все как в наркотическом угаре с восхищением и предвкушением смотрели на полуживую миссис Крофт, жадно пожирая её глазами.

— Амуда! — вскричал колдун, и толпа в страхе отпрянула назад.

Два чернокожих воина пинками втокнули в образовавшийся полукруг полуживого Алекса Крофта. Господин был бос, без рубахи и шея его была густо окрашена засохшей синей глиной. Он едва держался на непослушных ногах. Лицо его было разбито. Из рта текла кровавая пена. Руки связаны за спиной, и подмышками был продет длинный шест так, что всё его тело склонилось к земле в низком поклоне. Шест за края держали два крепких дикаря.

Колдун подошёл к несчастному и десятки гортанных голосов вновь подхватили звуки тамтама:

— Хо... хо... хо... — раздавался в ночи выдох кузнечных мехов.

С каждым ударом рёв нарастал. Усиленный топотом босых ног и ударами ладоней по голым телам, он всё больше напоминал громовые раскаты. Толпа обезумела в своём ожидании. С каждым последующим выкриком «хо» аборигены делали шаг вперёд, сильнее сжимая круг, и когда накал достиг апогея, колдун коротко полоснул ножом по глиняной шее пленника. Кровавая струя ударила в изрисованную белыми змеями грудь шамана, и голова бедного Крофта безвольно опрокинулась набок.

Убийца подставил чашу под рану, и та до краёв наполнилась горячей тёмной кровью. Толпа неистово взвыла от восторга. С дымящимся сосудом в руке колдун подошёл Натали, встал на колени у её ног, и одну за другой окунул безвольные ступни в горячую кровь.

Огонь вспыхнул ярче.

— Амуда! — взревела толпа.

Миссис Крофт, теряя сознание, завалилась на бок, но два дикаря подхватили её за локти, не давая упасть. Колдун обошёл несчастную сзади, склонил перед собой и вылил остатки крови на спину.

— Хо... хо... хо... — неистовствовала толпа.

Ухватившись за женские бёдра все в кровавых подтёках, колдун с силой вошёл в жертву сзади. Всё племя от мала до велика пали ниц перед обезумевшей женщиной.

Иван долго переваривал услышанное. История Чакрабати и ошеломила его, насколько возможно ошеломить человека, на чью долю выпали столь невероятные за прошедшие две недели испытания, и в то же время заполнила логические пробелы, развязала спутанные узелки, а догадки перевела в разряд аксиом.

Рассказ индуса был не менее страшен, чем пережитое им самим. Но с другой стороны, разве можно надеяться, что это гиблое место пожалеет хоть кого-то из потерпевших крушение несчастных?

— А почему за всё время, племя не искало вас? — только и мог спросить Иван.

— Удивительно, молодой человек, но здесь, у подножия вулкана туземцы даже не охотятся. Их стойбище находится в северной части острова. Есть несколько хижин у берега, где они ловят рыбу, охотятся на черепах и прибрежных птиц. На опушках ближе к северо-западу женщины собирают плоды и ягоды. Мужчины ставят капканы на кабанов там, в низине, — и профессор указал в сторону густых джунглей. — Я изучил все их тропы. Это место они упорно обходят стороной. Ни стёжки, точно место это священо и табуировано их богами или чем-то отпугивает туземцев, как у вас называется «гиблое место». Не могу объяснить этот феномен, но полагаю, кратер каким-то образом невероятным охраняет нас, и пока мы у его подножья, мы в безопасности.

Иван вздрогнул.

— Вы не понимались туда? — спросил он, указывая взглядом на каменную «шапку», проглядывающую сквозь верхушки деревьев.

— Я следил за синтенельцами, изучал их повадки. Затем ухаживал за вами... да и как попасть в жерло вулкана? Склоны сплошь изрезаны магматическими щелями. Просто так не пройти.

— Разве туда нет дороги?

— Дороги? Туда? — недоумённо переспросил профессор.

Иван промолчал.

— Уверяю вас, — заметил старик, — в потухших вулканах нет ничего примечательного.

— Как знать, — буркнул Иван.

Выходит, Чакрабати ничего не знает о Виртуконе.

— Откуда у вас огонь? — перевёл разговор Иван.

Профессор развернул лоскут зелёной тряпицы и показал очки с огромными выпуклыми линзами:

— Универсальная зажигалка.

Только сейчас Иван понял, что зелёная ткань, служившая ему перевязочным бинтом, когда-то ни много ни мало была профессорским шервани.

— Кстати, островитяне давно разучились добывать огонь, — заметил Чакрабати, бережно заворачивая очки обратно в тряпочку. — Теперь им приходится днём и ночью поддерживать его в своих кострах. Это обязанность стариков. Ума не приложу, что будет с племенем, не догляди они за огнём. Именно так вымирают целые народы.

— Вы так говорите, будто это не они, а кто другой на ваших глазах зарезал Крофта.

— Временами я наблюдаю за поведением туземцев и моё мнение о них переменялось. Они меня не чувят. Плашки из смеси киримоны с глиной, что у меня на коленях и локтях

убивают мой природный запах. Ни животное, ни человек не в состоянии унюхать его. Поэтому я и могу подбираться к туземцам довольно близко. Так вот доложу я вам, что между собой они весьма приветливы и добродушны. За несколько недель наблюдений я ни разу ни видел, ни сор между ними, ни скандалов. Вечерами всё племя от мала до велика рассаживается у костра, и старики вещают свои длинные истории, а благодарные слушатели внимают их рассказам. Разворачивается целое представление с песнями и танцами. Я ни слова не понимаю из их языка, но по тому, как реагирует толпа можно различить, где комедия, где трагедия, а где драма. Охотничью добычу туземцы делят на всё племя в равных долях. Никто не остаётся без еды, ни старики, ни дети. Юноши и девушки ловят рыбу. Вооружённые длинными острогами они на лодках отплывают на полмили от берега и возвращаются с отменным уловом. Тут же спариваются на берегу без стеснения и ханжества. Для них это естественный процесс жизни. В племени нет больных. Может у них и вовсе не бывает болезней? Вероятно благодаря мощному иммунитету, выработанному тысячелетиями. Молодые женщины, что на сносях отстранены от работ и находятся под попечительством старух, которые внимательно следят за ходом беременности. Однажды племя хоронило усопшего. Они принесли на берег труп и привязали к бревну. Спустили на воду и большое каноэ с группой дикарей вооружённых горящими факелами, увезло бревно с мертвецом как на буксире в море. Всё племя оплакивало его пока, они не скрылись из виду. Скажу вам, весьма интересный и своеобразный народ. Их нравы по отношению к чужакам без сомнения жуткие, но разве не в миллион раз бесчеловечнее сбросить на мирный город ядерную бомбу?

— Вы это к чему, профессор? — не понял реплики Иван.

— Да так. Не обращайте внимания, — Секхар Чакрабати улыбнулся, пряча за улыбкой мысли.

— Когда я встану на ноги? — спросил Иван.

— Надо хорошо питаться. Думаю, дней через пять начнёте ходить.

— Оклемаюсь, будем искать путь к спасению. — Не смотря на слабость в теле, Иван чувствовал что идёт на поправку.

— В смысле, на материк? — уточнил Чакрабати.

— Ну да, — недоумённо ответил Иван.

— Хотите вернуться к прежней цивилизованной жизни?

— А разве вы не хотите?

— Что там ценного? — вопросом на вопрос ответил старик.

— Как это? — Иван пожал плечами. — Многое. Ну, хотя бы свобода.

— А разве сейчас вы не свободны?

— Не понимаю вас, профессор.

— Оглянитесь вокруг, — Чакрабати развёл руками. — Где здесь тюремные стены? Где надсмотрщики? Где камеры наблюдения? Можно биться головой о стену в поисках спасения, а можно найти своё счастье здесь, на этой земле. Много ли человеку надо?

— Чёрти что вы говорите, — раздражённо возразил Иван. — Вас дикари едва не прибили. Вы рассказали мне жуткие вещи, да и я могу порассказать вам не менее жуткое. В чём здесь счастье? — Пародируя профессора, Иван попытался развести руки в стороны, но ослабевшие они упали на грудь.

— Тише-тише, не горячитесь, — проговорил профессор, мягко укладывая Ивановы руки вдоль туловища. — Радость в том, что здесь нет иерархических условностей и

социализированной сегрегации. Нет вранья, нет веками узаконенного лицемерия. Разве те люди, кого мы свысока называем дикарями, не свободнее нас, цивилизованных рабов?

— Глупости, — фыркнул Иван распаяясь. — Предлагаете всю оставшуюся жизнь есть червей, летучих мышей и запивать всё этим вашим отваром из х...? Хотя я понимаю. Вам всё равно. Вы своё пожилы. Пришло время смириться, так? Почему бы не пойти в пещерные отшельники как выжившие из ума йоги? Собирали бы дань с туристов.

— Не злитесь, дорогой Иван, — примирительно произнёс индус. — Я просто хочу сказать, что не всё-то золото, что блестит.

Профессор говорил тихо и спокойно. Иванова пылкость ничуть не смущала его.

Иван же расходился не на шутку. Неврастеническое состояние переполняло его изнеможенное тело. Побочный эффект от седативных веществ или долгое пребывание без движения.

— Я, конечно, благодарен вам, профессор, за всё, что вы для меня сделали, но не лечите теперь мне мозги! Или вы со мной, или адъёс. Мне всё равно. Я не сдамся. Хоть вплавь, но доберусь до своих. Я расскажу им такое.

— Думаете, вам поверят?

— Конечно! Почему бы и нет?

— И что предпримут?

— Плевать. Пусть даже к чертям собачьим разбомбят этот проклятый остров!

— Ну да, — ухмыльнулся Чакрабати и продекламировал:

Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей. [\[16\]](#)

— Бремя белого человека — нести цивилизацию в мир, — подытожил он, — а тех, кто не подчинится, приучат бомбами. Так? Моя родина испытала это на собственной шкуре.

— К чёрту вашу философию, — раздражённо бросил Иван. — Дайте срок оклематься, и ноги моей не будет на этой адской земле. Я найду выход. Я всегда был свободным.

— И в чём заключалась ваша свобода? — тихо спросил профессор, вглядываясь в Иваново лицо, словно пытаюсь прочесть мысли.

— Жил как хотел и делал, что хотел, — не задумываясь, ответил Иван.

— Как и всякий в вашем возрасте. Пока не придёт пора ответить: «Кто ты есть?»

— Я и так знаю, кто я, — с достоинством произнёс Иван.

— Видимо революционер, как и все, родившиеся в стране нескольких революций? — шутливо поинтересовался профессор. — Понимаю. В 1969-м я молодым аспирантом проходил курсы в РУДН. После стажировался в Институте Востоковедения. В те годы колонны ваших соотечественников каждую осень ходили по городским улицам с красными знамёнами и революционными песнями.

— Нет, — не чуя подвоха, возразил Иван. — Революция для дураков. Я волк-одиночка. Всегда в движении и не привык жить в стае.

— Молодой человек сторонник Ницше? И это тоже пройдёт, — профессор ещё сильнее сощурился. Его забавлял начавшийся спор.

— И всё-таки я вас не пойму, — недовольно произнёс Иван. — Что не так? Я сам решаю свои проблемы и плевать на то, что думают остальные.

— Идеальное сочетание оптимизма и наивности, — возразил Чакрабати. — А если я скажу, что в день нашей первой встречи и моей судьбой, и жизнью несчастных Крофтов, да и вашей тоже, распорядились не я и не вы, а отказавшие двигатели самолёта... — и Чакрабати махнул рукой в сторону неба.

Это был удар ниже пояса. Иван смутился, но сдаваться было рано. Он слабым, но от этого не менее задиристым жестом, указал в ту же сторону:

— Пытались распорядиться, но не распорядились. Я и вы, как видите, живы.

— Молодой человек, — по-отечески выговорил профессор, — я лишь иллюстрирую, что ваша свобода ограничена сочетанием многих факторов и стечением обстоятельств, в которых первую скрипку играет выбор других людей.

Иван вспомнил завистливый взгляд провожавшего его Джима, и ему стало грустно. За Джима выбор всегда делала Анжела.

Но с другой стороны, если бы его американский приятель знал, что произойдёт через пару часов после их прощального рукопожатия, не позавидовал бы такому выбору. Да и сам Иван сейчас не завидовал себе. Вряд ли в последнее время ему выпадала возможность свободы выбора. Пилот-сикх и Рой Гаррет, Эмма и Доктор Зло, гер Кунц и фрау Хильда, и даже Сэмюель, все эти люди выбирали за него. Что уж говорить о спасшем его Чакрабати. Разве что с Аоллой получилось, да и то — случайно. Поэтому и чувствовал Иван — в словах профессора кроется правда.

— Может так и есть, — примирительно сказал он. — Но я знаю точно — меньше всего я хочу быть марионеткой в чужих руках.

Профессорские глаза, то ли от дыма, то ли от разгоревшегося спора, повлажнели.

— Наигравшись в свободу почти все, как правило, такие как вы, молодые волки-одиночки к тридцати годам обзаводятся семьями, рожают детей и устраивают себе вполне размеренное стайное существование, приобретая дома, машины, кухонные комбайны и электропылесосы. Юные ницшеанцы и страстные революционеры, безжалостно клеймившие существующий миропорядок, повзрослев, окончательно перевоплощаются в добропорядочных обывателей, а уходя в мир иной, оставляют после себя немалые банковские счета. Их отпрыски, транжиря унаследованное, поначалу так же страстно мечтают изменить несовершенный мир, называя его Прогнившей Матрицей и Тюрьмой Народов, но оказавшись в возрасте затухания гормональных функций, в точности повторяют жизненный путь своих отцов. Так из поколения в поколение и первые и вторые, в молодости непримиримые максималисты, яростно ненавидящие консерватизм сытых буржуа, на склоне дней на вопрос, что есть истинная свобода, поправив холёными пальцами лацканы своих дорогих пиджаков, ответят одним словом: «Деньги». Фокус в том, что свободы не существует. Её нет ни в ветрах перемен, ни в традиционалистских догмах. Нет ни в прошлом, ни в будущем. А деньги окончательно разрушают даже мечты о ней.

— Может потому, что у вас никогда не было их много? — спросил Иван.

Чакрабати едва заметно улыбнулся.

— У каждого своя правда, посему бессмысленно искать истину в чужих устах.

— И всё же, какой выбор сделали вы в свои тридцать? — спросил Иван.

— Увы, — тихо ответил старик, — я не был ни бунтарем, ни хиппи, чем в 60-е баловались многие мои сверстники. Не вышло из меня и доброго отца семейства. Я к этому не стремился. Да и не прижился бы я в так называемой «базовой системе ценностей». Жизнь отторгла меня как инородный элемент, как лишний пазл из чужой мозаики. Потому пришлось выбирать третий путь: отказаться принять участие в неравной, и априори проигрышной борьбе за место под солнцем ни на той, ни на другой стороне баррикад. — Чакрабати задумчиво поворошил потрескивающие угли, поднял над костром с десятков искр-светлячков и произнёс немного подрагивающим голосом: — Мой выбор одновременно и прост и сложен: обмануть жизнь и, не смотря ни на что, остаться самим собой. Что ни говори, а я стал счастливым и свободным только здесь, в единении с этим нетронутым цивилизацией островом. Вы же молодой человек, пока не встретитесь с собой настоящим, не поймёте меня.

Свет костра упал на лицо старика: брови сведены, три горизонтальные морщины прорезали высокий лоб, светлый взгляд глубоких без привычной смешинки антрацитовых глаз.

— Это вы к чему? — спросил Иван, не совсем понимая, куда клонит Чакрабати.

— Ваш путь к свободе — своего рода паломничество. Дорога к себе и переход от иллюзий к реальности. От пробы пера к пониманию смыслов. Так всегда бывает на пороге возраста Христа.

— Причём тут это? Я думал, вы буддист.

— Так и есть, — невозмутимо ответил Чакрабати. — Но лишь когда Христос взошёл на Голгофу, тогда он и стал Христом. И Христу и принцу Сиддхартхе, обоим пришлось пройти через это. Первый принял смерть на кресте за грехи людские, второй пробудился сам, указав им путь.

— Религия — это костыли для слабых и больных, — отмахнулся Иван. — Мне они ни к чему.

— Верите вы или нет, но в жизни наступает время, когда Всевышний испытывает каждого. Но век за веком люди проваливают его экзамен, предпочитая игры в политику, революцию, демократию и свободу.

Некоторое время царило молчание. Огонь мягко облизывал пурпурно-оранжевые угли. Ни дуновения ветерка, ни шелеста листьев. Тихая ночь настраивала на размышления о вечных ценностях.

— Есть в ваших словах что-то... хм... — наконец произнёс Иван.

К счастью профессор не продолжил дискуссию, поскольку ворох мыслей, охвативший Ивана, было бы сложно вместить в понятные фразы. В голове крутился полузабытый афоризм, позаимствованный из какой-то старой книжонки и непонятно зачем задержавшийся в глубинах памяти: «Я сам своя свобода».

Вместо этого Иван сказал следующее:

— Ладно, оставим высшие материи. Так что вы задумали, профессор? Сдаться? Опустить руки? Я не собираюсь вас переубедить. Но и вы мне не родитель, не гуру и не капитан. Хотите оставаться, ваше право. Но знайте, здесь дела повеселее. Англичанин сошёл с ума, а Питер Крофт в руках безумцев. И это не туземцы, а вполне белые люди самого что ни на есть европейского вида. Образованные, говорящие на нескольких языках и выдающие

себя за учёных, но волки в овечьей шкуре. И если вы считаете, что я бегу от чернокожих, знайте, страшнее их именно эти бледнолицые садисты, чьё логово находится внутри того кратера. Кровожадным островитянам до них как до Луны. Не удивлён, что аборигены обходят это место стороной. А теперь я расскажу свою историю, и после поглядим, что вы скажете о свободе.

Слушая Иванов рассказ, профессор Чакрабати то и дело менялся в лице, охал, выкрикивал что-то на санскрите и вообще вёл себя крайне возбуждённо. Он или застывал как мумия с глазами навывкат, или вскакивал «свечкой» и принимался мелко вышагивать взад-вперёд. Описание Виртукона вызвало у него шквал эмоций. Казалось, старик вспрыгнет сию минуту и бросится наверх, на вершину кратера, убедиться самолично, правда ли всё это или враньё.

Путаное повествование Ивана об увиденном в библиотеке — о колбах с выпотрошенными приматами, о папках с орлами, об обезьяноподобных аквахоми и о тайной рейкс-лаборатории — произвели на индуса ярчайшее впечатление. А описание Доктора Зло и его внуки — человекообразного существа-дельфина — и вовсе вогнало старика в ступор.

Как человеку многие годы посвятившему науке, ему требовались доказательства, которых Иван, естественно, предоставить не мог. Более того, Иван говорил беспорядочно, перескакивая с одного на другое, так, что любой на месте профессора, не обладающий аналитическим умом, послал бы такого рассказчика ко всем чертям, списав его бредни на посттравматический шок.

Профессор напротив, внимательно вникал в каждое произнесённое Ивановым слово. По нескольку раз переспрашивал, просил вернуться и повторить ту или иную часть рассказа, и было видно, как его пылкий мозг пропускает всё услышанное через сито критического анализа. Как он пытается скрепить части этого сумбурного повествования хотя бы маломальской логикой. Получалось не ахти как, но Чакрабати ни разу не позволил себе ни иронии, ни насмешки, ни сарказма. Причин не доверять Ивану у него не было.

Когда парень закончил, Чакрабати сел напротив, скрестил ноги по-турецки, прикрыл глаза, задрал голову вверх сделал длинный вдох. Задержал дыхание, да так, что удивил даже Ивана, а в конце, свернув губы трубочкой, медленно-медленно выпустил воздух тонкой струйкой вниз, гортанно пропев звук «Ом-м». Так он проделал трижды, после чего открыл глаза. Его лицо выражало космическое умиротворение.

— Ваш рассказ рушит все мои чаяния, — произнёс он ровным хладнокровным голосом.

Иван не понял, что имелось в виду, да это было и не важно. Главное что старик сказал дальше:

— Уверен, планы у этих ваших пленителей недобрые. То, какими вы их описали и обрисовали их намерения, выглядит значительно опаснее соседства с несмышлёными автохтонами. Нужно что-то делать иначе...

Чакрабати никак не мог подобрать подходящее слово.

— ...иначе нам кранты, — пришёл на помощь Иван.

Фраза была произнесена по-русски и, хотя последнее слово Чакрабати слышал впервые, смысл он уловил верно.

«Легко сказать «Что-то делать». Но что?!» — Иван испытал вселенскую усталость.

Тело снова заныло. Рассказ обоюдные рассказы вымотали его в край. Он сложил руки на груди и закрыл глаза. Проклятое состояние бревна.

— Отдыхайте, господин Иван, — произнёс профессор. — Утро вечера мудренее.

Но какой может быть сон, коль голова забита перевариванием пережитого. Только сейчас Иван осознал, в какую переделку они угодили.

Выходит, наци давно положили на него глаз. Так вот почему Лалит так вцепилась в него. Теперь, вспоминая всё, что было связано с той итальянской историей, Иван понимал — он многого не видел, или не хотел замечать. С группой спасателей ему пообщаться не удалось, санитары лишь разводили руками, а журналисты — те ещё вруны. Да и самому ему всё казалась выдумкой. «Газетной уткой». Глупейшим стечением обстоятельств. Шуткой судьбы.

А лаконично-немногословный капитан Иствуд так и сказал, прощаясь: «Я догадывался Джимми, что ты наполовину рыба».

Когда Лалит привела его к Нараяне, это было похоже на игру или на распутывание шарады.

— Мои мать и отец были его воспитанниками, — сказала тогда Лалит. — Гуру — вся моя семья. Я часто обращаюсь к нему за советом.

— И какой совет нужен тебе сейчас? — простодушно спросил Иван. Ему нравилась целеустремлённость Лалит.

— Хочу знать, что он расскажет о тебе.

Тогда её ответ Иван воспринял по-своему. Сейчас всё выглядело иначе.

Прибыв ранним утром на рейсовом автобусе в Черапунджи, к вечеру Иван и Лалит стояли у подножья одного из холмов восточных Хаси, прямо перед «живым» мостом над ущельем, заканчивающимся у чёрного пролома пещеры.

Это была Обитель, как выразилась Лалит, величайшего из полубогов, кто был на поле Курукшетры и слышал диалог Кришны с Арджуной, мудрейшего из учителей, бессмертного гуру Нараяны Свакхаранды Гири.

Из пещеры вышел совершенно нагой босоногий старик. Он был высок и статен. Его чёрные волосы доставали до поясницы. Он шёл уверенно и если бы не рассказы Лалит о возрасте гуру, перевалившем за сотню, Иван мог бы дать ему не больше пятидесяти.

— Здравствуй Лалит, — сказал старик, подходя ближе. — Это он?

Лалит безмолвно кивнула. Выглядела она бледной и растерянной.

Иван мысленно ухмыльнулся. Неужели этот старик такое уж веземное божество, что рядом с ним весёлая болтушка Лалит лишилась дара речи?

— Да..., - наконец выдавила она из себя.

Старик положил руку на её плечо и по-отечески произнёс:

— Ты молодец. Теперь ступай, а мы с твоим другом останемся. — Он повернулся к Ивану и их глаза встретились: — Не возражаешь, почтеннейший?

Фраза прозвучала как вопрос, но она не была вопросом, потому что не предполагала отрицательного ответа. Старик взял Ивана под руку и повёл в пещеру. По пути они не произнесли ни слова.

Позже, вспоминая то время, Иван часто задавался вопросом, как так получилось, что на него будто на собачонку набросили поводок. Разве для того он приехал в это захолустье, в разгар сезона дождей, чтобы провести неделю в пещере рядом с голым стариком? Но тогда его воля всецело принадлежала незнакомому ему йогину. Наваждение выглядело сном, и Иван всегда думал, что так и было.

Несмотря на худую циновку, предоставленную ему в качестве постели, спал Иван крепко и, проснувшись, чувствовал себя бодрым и свежим.

Гуру сидел неподалёку и медитировал.

Иван почувствовал вселенский голод.

Йог открыл глаза.

— Не будем терять времени, — произнёс он и встал.

Они вышли на свет. Неподалёку шумел водопад. Вымывая скалистую породу, быстрая вода впадала в небольшое озерцо. Йог направился по узкой тропинке. Иван шёл следом. Какая-то неведомая сила привязала его к этому старику.

На каменном спуске они остановились. Йог повернулся, посмотрел Ивану в глаза. Что-то щёлкнуло. Шум воды заполнил пространство. Зелень леса размылась в большое бесформенное пятно. Иван чувствовал, как к его ногам привязали верёвки, а после толкнули в спину. Удар о воду и груз на ногах увлёк его вниз...

Очнулся Иван уже на арбе. Скрип колёс. Тугие удары палкой о крупы неповоротливых мулов.

— Хвала богам, ты очнулся. Я испугалась. Что с тобой? — услышал он скороговорку Лалит.

— Что? — выдавил из пересохших связок.

Девушка склонилась к лицу. Её прохладные губы коснулись его лба.

— С чего ты так ослабел? — прошептала она прямо в ухо. — Ты едва не свалился вниз. Это так на тебя подействовала встреча?

— Он настоящий? — зачем-то спросил Иван.

— Ты как его увидел, у тебя ноги подкосились. Хорошо, я была рядом. Прости, зря всё это затеяла.

Странное наваждение. Непривычное состояние. Может это из-за разряжённого горного воздуха?

— Но я же... — Иван не договорил. Глупо пересказывать Лалит свои галлюцинации. Может, так всё и было? Йоги, они такие...

* * *

На третий день выздоровления Иван уже сносно стоял на ногах. Ступня приходила в норму. Кожа заживала, оставляя на память светло-коричневые шрамы. Чакрабати больше не кормил его жареными нетопырями и змеями. Восстановительный рацион состоял из сочных плодов и жареных кореньев. Сам профессор, по его словам, с рождения практиковал вегетарианство, и лишь крайняя необходимость поднять Ивана на ноги заставила индуса убивать.

По утрам Чакрабати массировал Иванову ступню, сменял лопухи на незаживших ранах, а раз в три дня уходил в джунгли и возвращался к вечеру с корзиною полной яств.

Пока индус занимался собирательством, Ивану вменялось в обязанность, дважды в день сливать сцеженное «молоко» с «бочонка» в «черепашью» миску, а по возвращению старика помогать чистить, жарить и разделявать принесённые им плоды.

И вот настал тот день, когда Чакрабати сказал:

— Сегодня идём вдвоём. Движение — лучшее лекарство.

Шагая позади индуса, Иван удивлялся, как тот преобразился. В аэропорту и в самолёте это был нескладный суетливый коротышка, а после аварийной посадки и вовсе потерянный человек. Сейчас же впереди шёл истовый следопыт, для кого джунгли — родной дом.

Индус вёл Ивана проверенными тропками. Умело, будто он родился в этих лесах,

отыскивал лучший путь. Они не сломали ни веточки, не оставили ни единой метки о себе.

Временами старик останавливался, прислушивался. Однажды и вовсе лёг на землю, и Ивану пришлось проделать то же самое. Хотя, что можно было расслышать в этой разноголосице из птичьей трескотни, ударов крыльями и стуков клювами по стволам? Джунгли пищали, шипели, звенели.

За спиной у Ивана висела корзина для плодов. Индус сплёл её плотным плетением из зелёных побегов бамбука. В пути они заполняли корзину «урожаем».

— Сегодня собираем это, — распорядился Чакрабати. — В этой рощице их полно. А после я кое-что покажу.

Наполнив корзину, они поднялись на невысокий обросший папоротником холм, за которым простиралась бирюзовая гладь Бенгальского залива. Кусты надёжно скрывали их от посторонних глаз.

Внизу у самой воды чернели лодки. Вёсла воткнуты в песок. Среди небольших сделанных из древесной коры каноэ была одна отличающаяся от остальных. Устройством она напоминала тримаран. Посредине большая пирога, выдолбленная из цельного ствола дерева, а по краям как балансиры, два небольших бамбуковых плотика. На корме расположен румпель, и по две ветки-уключины буквой «V» по обоим бортам. В центре высилась мачта со свёрнутым парусом из тростниковой циновки. Не лодка, а целая минияхта.

К «причалу» вела протоптанная тропа в коридоре из деревянных треног для сушки бредней. Неясно из чего они были сделаны, но без сомнения, то были настоящие плетёные сети с большими жёлтыми поплавками из пробкового дерева.

— Подождём, — сказал Чакрабати. — Прошлую ночь их шаман до захода луны трубил в рог.

— И что?

— А то, что так они отпевают усопшего. Сегодня его принесут на берег, чтобы отправить в океан. Своеобразный обряд и очень поэтичный. Но мне пока не ясна его суть. Как только не придумал многоликий гомо сапиенс за миллионы лет своего существования оформлять собственную смерть. Будто это на что-то влияет. Ингумация, кремирование и даже воздушное погребение. Были случаи, когда британские адмиралы завещали хоронить себя только в море и никак иначе. Неужели это отголоски пиратских обрядов? Или аборигены сжигают бревно с покойником в море, как это делали викинги, отправляя горящую погребальную ладью по реке? Поглядим. Будет интересно.

Ждать пришлось недолго. Внизу раздался барабанный бой и звук рога и вскоре на берег вышли люди.

Иван впервые увидел сентинельцев. Высокие и прекрасно сложенные мужчины несли на плечах бревно, к которому шнуром, сплетенным из волокон кокосовой кожуры, был привязан человеческий труп.

Мужчин было четверо. Их мускулистые чёрные как смола тела блестели на солнце. Каждый из них достойно выглядел бы рядом с олимпийским легкоатлетом. Луки на плечах... Из одежды лишь верёвка опоясывающая талию. За «поясом» каменные ножи и несколько длинных стрел.

Туземцы подошли к лодкам, положили мертвеца на песок и Иван только сейчас увидел, что тело усопшего привязано не к одному, а к двум связанным между собой бамбуковым брёвнам. Левые рука и нога покойника привязаны к левому бревну, а правые соответственно

к правому.

Мертвецом оказалась тощая сухопарая старуха. Лет ей можно было дать восемьдесят или все сто. До неприличия растянута кожа, впалый живот, пустые груди свисают до подмышек. Спутанные редкие и совершенно седые волосы сосульками свисают с морщинистой головы.

Двое мужчин занесли покойницу в море, аккуратно положили на покачивающуюся гладь воды. Бамбуковые брёвна теперь служили поплавками. Двое других дикарей готовили тримаран к отплытию.

Из леса выходили туземцы. В большей массе это были пожилые и молодые женщины с детьми на руках.

Женщины как на подбор были стройны. Их фигуры радовали глаз. Непроизвольно Ивану вспомнилась Аолла. Удивительно хорошие гены у этого дикого народа. Или это следствие их непритязательного образа жизни? Как бы то ни было, многие европейские топ-модели позавидовали бы осанке этих местных дикарок.

Чуть поодаль стояли убелённые сединами старики. Выглядели они подтянуто, держали себя с достоинством. Гудел рог, бил тамтам.

Четвёрка воинов села в тримаран и, прикрепив к корме «гроб» с покойницей, налегла на вёсла. Отплыв метров сто, одна из чёрных фигур поднялась к мачте, развернула тростниковый парус, и вечерний береговой бриз наполнил его силой, придавая неплохую скорость посудине.

Иван и Чакрабати лежали в зарослях папоротника, пока племя не растворилось в лесной чаще, и берег не опустел. Выждав, пока багровое солнце коснётся горизонта, они двинулись в обратный путь.

— Я понял, — уверенно сказал Иван, по возвращении в лагерь.

— Что поняли? — не сообразил Чакрабати. Он был занят приготовлением ужина.

— Я знаю, куда они отвезут брёвна с мертвецами, — словно самому себе ответил Иван.

— Как вы можете об этом знать?

В голосе профессора блеснуло ехидство.

— Кости... — задумчиво выговорил Иван, погружённый в собственные мысли.

— Что?

— Кости и черепа... — промычал Иван. Мыслительный процесс в его голове бурлил как кипящая вода в чайнике. — Да-да... именно они... кости... и черепа...

— Господин Иван, поясните, — лаконично выговорил Чакрабати. — Хоть я и придерживаюсь аскетического образа жизни, но моему сознанию пока не удалось достичь высот Кришны, чтобы читать чужие мысли.

— Прикиньте, профессор, — Иван, наконец, пришёл в себя. — В газетах, что давал мне Сэмюель, я прочёл, как за милю от самолёта спасатели наткнулись на ямы с человеческими останками. Много костей и черепов. Из чего был сделан неверный вывод, будто все мы оказались съедены аборигенами.

— Но сентинельцы никогда не были каннибалами, — возразил профессор.

— Вот именно! Кости и черепа — это их кладбище. Именно туда они свозят своих мёртвых и оставляют там..., ну не знаю как это по-научному. Что-то вроде семейных склепов под открытым небом. Или своеобразных братских племенных могил, что ли.

— Да... это вполне правдоподобно, — согласился Чакрабати. Такая теория вполне вписывалась в его антропологическую логику.

— Как раз, поэтому дикари и не селятся на том острове, — запальчиво продолжал Иван. — Кто строит дом на кладбище? По такому стечению обстоятельств они и не нашли тех военных, ну... индийских лётчиков. И хижину не нашли. Я ещё не рассказал вам о записке, найденной мной в лётном планшете командира нашего покойного пилота. Уверен, туземцы не заходят дальше своих погребальных ям. Они привозят, оставляют и уплывают обратно. Может там у них живёт Дух Смерти, и они передают ему своих покойничков. Чёрт знает, что в голове у этих язычников.

— А вы сообразительный, молодой человек. Это открытие потянуло бы на диссертацию. Только что оно даёт в нашем теперешнем положении?

— Даёт-даёт. И многое даёт, — глаза Ивана загорелись. — Есть у меня одна идея. Надо только не пропустить следующих похорон. Услышите погребальный рог, обязательно дайте знать.

— Это глупая и не реализуемая затея, — негодовал Чакрабати, выслушав предложенный Иваном план.

— ...в которой ваша роль — зрительская, — огрызнулся Иван. Не ожидал он такой реакции.

— Причём здесь это? И кстати, недолго я останусь зрителем, если вы устроите здесь войну.

— Бросьте, профессор. Коль суждено нам остаток дней провести на этом острове, так лучше не на голой земле под пальмами, а в доме под черепичной крышей.

— Ваш план значительно приблизит этот ваш конец.

— Это была шутка. А серьёзно, вы сами сказали, что подобное соседство хуже чем с дикарями. Верно? Так. И главное, я уверен, у нелюдей есть связь с большой землёй. Её просто не может не быть. Откуда они знают обо мне? Откуда у них индийские газеты? И как-то это длинноногое и пышногрудое Эммо оказалось в аэропорту Чиннаи? Что там у них? Рация, передатчик, сотовый? Да пусть даже морзянкой, мне бы лишь добраться до их узла связи, и мы спасены.

— Вы спасены, — уточнил профессор.

— В смысле?

— Я не с вами, молодой человек. Думал, вы меня поняли.

— Ну, это как пойдёт, — отмахнулся Иван. — Не хватало оставить вас здесь. Как говориться «Сядем усе».

Чакрабати примирительно промолчал, сделав вид, что не понял последней фразы:

— Допустим, вам удастся этот переход. Хотя я не соображу, каким образом вы вернётесь. По звёздам, что ли?

— А почему бы и нет? — оживился Иван. — Отличная идея. До ближайших похорон есть время?

— Предостаточно, — выдохнул профессор. — Или вы полагаете, они тут мрут как мухи? Может, пройдёт месяц, может два... или больше, и вы передумаете...

— И не надейтесь, — отрезал Иван. — Но ожидание стоит провести с пользой. Приготовиться, изучить здешнее звёздное небо. И вот ещё что. Вы знаете, что такое секстант или астролябия?

— Астрономические приборы, — ответил Чакрабати с видом «что ещё за вопросы?» — Использовались в навигации.

— Bravo, профессор. Думаю, вместе мы сможем из подручных средств соорудить нечто похожее на то, чем пользовались наши предки.

— Допустим, первая часть плана выйдет удачно. Но вторая? Это полное безумие, — не сдавался Чакрабати.

— Не соглашусь. За всё время пребывания там, я видел лишь трёх тупых охранников, одного худого очкастого врача-ассистента с немолодой медицинской сестрой, ну и самого Доктора Зло. И конечно дельфино-человека Эммо. И негритянку... но она не в счёт. Были ещё эти... вечно не вовремя появляющиеся мерзкие аквахома. Но что они предьявляют против того, что будет у меня? Это вам не итальянский пневматик. Как говориться: «Против лома нет приёма».

Ивана забавлял этот разговор. Он для себя всё решил, и потуги профессора отговорить были напрасны. Молодой максимализм побеждал стариковскую осторожность.

— Всё равно...верх беспечности, — у Чакрабати не осталось аргументов, и он понуро качал головой.

— И главное, дорогой вы мой профессор, — уже серьёзно произнёс Иван, — не забывайте, в их руках Питер. Что они с ним хотят сделать? Что уже сделали? Вам его не жалко?

— Мне всех жалко, — тихо ответил индус. По его щекам текли слёзы.

Следующие несколько дней прошли в будничной суете.

Иван разрабатывал выздоравливающую ногу. Самостоятельно прикладывал листья к заживающим ранам. Он похудел. Щёки его ввалились, над впалым животом нависали выпирающие рёбра.

Из упругой лозы Чакрабати сплёл ему лапти, а из мягких тянущихся как резина листьев смастерил шорты и панаму от солнца. Теперь они оба были одеты одинаково — тысячелетнее племенное однообразие.

Иван не терял времени. Он приготовил восемь плоских дощечек коры шириной две на две ладони и на четырёх из них выковырял начальные английские буквы по названию сторон света: S — юг; N — север; W — запад; E — восток. Четыре других обозначил двумя буквами: SW — юго-запад, и далее соответственно — юго-восток, северо-запад и северо-восток. Закончив приготовления, он семь бессонных ночей наносил острым камнем на дощечки расположение звёзд, а на очищенной палочке отмечал движение луны. Затем он привязал к подходящей дугообразной ветке две другие так, чтобы вышел треугольник, а посередине приладил бамбуковую трубку со свободным движением по дуге от угла к углу. Получился кое какой, но вполне рабочий астрономический квадрант^[17].

Всё это Иван упаковал в большой лопух, плотно обвязал кокосовой пенькой и прикрепил к шлангу на поясе — тому, что нашёл в садовническом сарайчике в Виртуконе — единственной на нём вещи, пережившей падение.

Далее он смастерил полутораметровую полу бамбуковую трубку. Промучился с ней два дня и сломал три заготовки — выковырять сердцевину, то ещё удовольствие. Чакрабати пришёл на помощь. В одно утро он положил перед Иваном идеальный бамбуковый стебель с полностью удалённой сердцевиной.

— Не сумпитан^[18], но всё же, — с гордостью сказал профессор, — Калимантанские даяки многому меня научили.

К обоим концам трубки Иван привязал длинную плетёную пеньку — и снова Чакрабати помог сплести кокосовые нити в прочную верёвку — так, чтобы можно было носить трубку на плече. На этом основные приготовления были завершены. Оставалось ждать часа X.

Дни текли за днями, и при каждом возвращении старика из джунглей Иван задавал один и тот же вопрос:

— Ну что?

На который профессор отрицательно махал головой.

И вот в один из вечеров старик повёл себя не как всегда.

— Почему они не ищут вас всё это время? — спросил он, и Иван не сразу понял, в чём вопрос.

— Вы видите здесь хоть одну проложенную дорогу? — ответил он вопросом. — Из кратера нет выхода, вы же сами мне это сказали. Думаю, никто из них ни разу и не покидали

Виртукон с самого сорок пятого. Но к чему вы клоните?

— Вы мне рассказали про их эксперименты... с обезьянами.

— И что?

— Вы слышали что-либо об Алистере Харди?

— Какой-нибудь голливудский актёр?

— Ах да, — профессор покачал головой, — вы же из другого... мира. В 1960-м году известный биолог сэр Алистер Харди впервые опубликовал в академическом научном журнале свою водную теорию происхождения человека. По его мнению, дарвиновская теория упускает один немаловажный момент, так сказать — пропущенное звено в эволюции человека. То есть, дарвинисты убеждают нас, что наш предок обезьяна, но умалчивают какая именно. Так вот, Харди утверждал, что ею была большая обезьяна миоцена из семейства проконсул, которая перед тем как выйти на сушу, много миллионов лет обитала в океане.

— Ну и?

— Следовательно, в вашем рассказе есть определённая логика. И то, что вы их называете сумасшедшими фанатиками, это не совсем так...

— Профессор, о чём вы? Там, в кратере настоящие фашисты.

— Это да... — профессор замялся. — Но мне как учёному не даёт покоя ваш рассказ. Хотел бы я побывать на вашем месте.

— И это случится, если мы не «сделаем ноги», — жёстко отрезал Иван.

Чакрабати долго молчал, а затем произнёс:

— Я на вашей стороне, господин Иван. Я обещал и сдержу слово. Сегодня я слышал звуки погребального рога.

* * *

Утро выдалось облачным. Береговой бриз гнал мелкую пенную волну, и серая полоска неба над горизонтом предвещала дождь.

Иван вошёл в море за полмили от стоянки туземных лодок. Плыл он неспешно, временами останавливаясь для передышки. Слабое тело не так хорошо слушалось, как прежде. Увидав чернеющие лодки на берегу, он поравнялся с ними и, определив направление ветра, растянулся на спине в положение «звёздочка», покачиваясь на ласковых утренних волнах. Теперь предстояло ждать.

Несколько раз он погружался на метр-два, оценивая подводный ландшафт и направление течения. Здесь на глубине, вдалеке от берега, вода была кристально чистой. В ультрамариновой толще бледными пятнами парили диски медуз. Над гладким в тонких наплывах дном носились стайки разноцветных рыбёшек. Испуганные Ивановой тенью одни прятались в островках ярко-зелёных водорослей, другие в поисках укрытия шныряли меж коралловых отростков, некоторые ложились на мелкозернистый песок, и их яркая окраска блекла на глазах.

Подбирая уровень погружения, Иван временами снимал с плеча бамбуковую трубку и примерялся, как будет через неё дышать. Один конец трубки он брал в рот, второй выставлял из воды. Стоило приноровиться, чтобы трубка не очень высоко торчала над поверхностью, но и не так низко, чтобы её не заливали волны. Та ещё задачка.

Когда солнце поднялось на одну треть и на берегу показались чёрные силуэты дикарей,

стало понятно — сценарий прощального ритуала вышел на финишную прямую. Теперь важно правильно определить направление движения лодки-катафалка.

На этот раз действие на берегу продолжалось довольно долго. Глядя на дикарей, Иван строил разные догадки, чем коротал ожидание и тешил свои дедуктивные способности.

Вероятно, думал он, сегодня племя хоронит какого-то знатного «вельможу». А может и самого шамана. Или какого-нибудь отца многочисленного семейства. Или старуху, родившую добрую половину племени. Чакрабати утверждал, что молодыми туземцы практически не умирают. Разве что, на охоте при стычке с диким зверем и от змеиного яда. Или несчастный случай на рыбалке. Болезней аборигены не знали.

Туземцев Иван опасался меньше всего. Бояться стоило появления «водяных обезьян» — так Иван прозвал наглых аквахома. Эти мерзкие твари, словно нюхом чувяли его. А может так оно и было. От такой мысли Ивана передернуло, и он по-настоящему перепугался, как бы от нервов судорога не свела его больную ногу. Хотя судорог у него отродясь не случалось.

Почему-то эти плавучие пращники наполняли его душу панической брезгливостью, начиная от своего первого появления при «артобстреле» хижины. Создавалось впечатление, что эти твари достаточно умны, изворотливы и организованны когда им того требуется. Животные повадки, руководимые человеческой рефлексией — если вспомнить газетные строчки, что они сделали с «терминатором». Но судя по тому, как с ними обращался Кунц, они достаточно хорошо поддаются дрессировке и выполнению простейших команд. А это означает, что они вполне способны исполнять и более сложные задачи, в достижении поставленных перед ними целей. Вероятно, среди них есть главари и какая-никакая иерархия. Может даже Эммо их вожак.

И если люди не могут, или не хотят, покидать Виртукон, то водяные обезьяны вполне могут быть их «бойцами на внешнем контуре». Они уж точно имеют какой-то способ выхода из кратера и вполне свободно передвигаются от острова к острову, а это значит, что в любую минуту не исключено их неожиданное-негаданное и крайне нежелательное появление.

От невесёлых мыслей Ивана отвлекло действие на берегу. Шум прекратился, и чёрные фигуры стали готовить тримаран к отплытию. Остальное племя выстроилось вдоль берега в длинную рваную цепь. «Работники местной фирмы ритуальных услуг» — так Иван окрестил тех, кто сопровождал мертвеца — погрузились в лодку, отчалили от берега и подняли парус.

Иван сделал с десяток сильных гребков, остановился и вернулся на полметра обратно. Огляделся. Так и есть. Лодка быстро приближалась к тому месту, какое он удачно выбрал.

Ветер был хорош. Мелкая беспокойная рябь как раз кстати.

Иван ушёл под воду и стал выжидать. Через минуту на морской глади показалась тёмная тень тримарана — чёрная по центру и расплывчатая по краям и у кормы.

Иван приготовил сплетённую профессором верёвку-лассо и с силой ударил ногами о воду. Дно тримарана прошло прямо над головой, и он едва не врезался в него темечком. Сразу обозначилась ещё одна тень — меньше и светлее. Несколько движений и Иван оказался под брёвнами с мертвецом. Он быстро и умело, как заправский швартовщик, накинул петлю на одно из брёвен, а свободной рукой схватился за первое, что подвернулось — за ногу покойника. Ход лодки подхватил Ивана и понёс вперёд.

Хвала Кришне, у него получилось! Теперь из-за его хотя и полегчавшего за время, но всё-таки веса, брёвна с мертвецом притопились, но не так глубоко, чтобы это заметили сидящие в лодке.

Покойником оказался худой старик, чья нога, за какую держался Иван, была тоньше

ножки семилетнего ребёнка. Иссохший от старости труп был лёгок и весил, вероятно, как семилетка.

Под парусом ход был быстрый и несколько дёрганный. У «гроба» бурлила и пенилась вода, превосходно скрывая «зайца-безбилетника».

Временами Иван прикладывался к трубке, и вдыхал воздух. Дабы не заглотнуть воды, приём требовал некой осторожности и сноровки, и вскоре ему удалось приноровиться, пристроив верхний конец трубки к голове покойного выступающей над поверхностью и замаскировав её в длинных седых его волосах.

Минуты сменяли минуты, а Ивана всё несло за «похоронной процессией». Коль скоро слова Чакрабати об одной-двух морских милях были верны, и, учитывая скорость хода и прошедшее время, пора было готовиться к экстренному «десантированию».

Миля, две — в любом случае переход должен был быть коротким, если даже для кота Бисмарка он оказался под силу. Не каждый кот доплывёт «до середины Днепра», а уж от Сентинела к островку «скелетов»... Сарказм помогал не сойти с ума.

«Ведь кому рассказать — когда останешься жив и если (!) останешься жив — как прижимаясь к мёртвому дикарю и дыша через бамбуковую трубку, ты плыл чёрти куда и неведомо зачем» — Иван сам офигевал от происходящего.

Чтобы быть начеку он чутко прислушивался к изменению температуры воды. У берегов она теплее. Теперь он чаще дышал через трубку и старался разобрать сквозь пену над головой, не убрали ли парус.

Когда скорость стала гаснуть, а вода теплеть, какое-то глубинное чувство подсказало — пора, и в тот же миг о воду ударили вёсла.

Иван обхватил труп, подтянулся, дёрнул за конец верёвки и распустил петлю. Лодка с буксируемой поклажей устремилась дальше, а он, не мешкая, поплыл следом. Выждав минуту, когда вода впереди посветлеет, наконец, решился вынырнуть.

«Yes!» — мысленно прокричал Иван. Всё удалось лучше не придумать!

Впереди виднелась полоска суши — бледно-жёлтая снизу и тёмно-зелёная сверху. Тримаран причаливал к берегу.

Похвалив себя за умелость, смекалку и выносливость, Иван поплыл параллельно береговой линии, подальше от высаживающихся там дикарей. Свою роль они исполнили на сто процентов.

Когда место высадки скрылось из виду, Иван решился плыть к берегу. В этой части острова он был сплошь песчаный, без намёка на глину и Ивану на миг показалось, а не другой ли это остров? Таких мелких островков здесь может оказаться с десятков, и все как две капли воды похожи друг на друга.

Определив по солнцу, что находится на южной части, и, вспоминая, как они с Гарретом держали курс на юго-восток, Иван предположил, что место экстренной посадки «хонды» может находиться чуть ли не на противоположной стороне. Над буйными зарослями не просматривалось ни холмов, ни какой-либо возвышенности. Вполне возможно это самая низкая точка острова.

К дьяволу всё! Только сейчас Иван почувствовал, как сильно бьётся его сердце, выравнивая давление. Он чертовски устал. Ноги едва держали. Руки тряслись. Тело знобило.

Добравшись до ближайшего куста, он упал на горячий песок головою в тень и забылся нервным беспокойным забвением.

Солнце уже было в зените, когда Иван отправился в путь.

Песок накалился до предела. Ядовитые песчинки обжигали ступни, забираясь в щели лаптей, медленно, но уверенно расползающихся от долгого пребывания в солёной воде.

Ивану приходилось держаться подальше от береговой линии и скрываться в тени прибрежных пальм. К джунглям он тоже старался не подступать слишком близко, кто знает, кого прячут дикие густые заросли. Вскоре начался мангровый лес, и песок сменился супесью^[19].

Ориентировочно шёл пятый-шестой час пути, и солнце клонилось к закату, когда впереди показалась знакомая местность. Иван прибавил шагу.

Так и есть! Он не ошибся и план его удался! А когда он ошибался? Да множество раз. Но не сейчас! Он действительно вышел к месту, где когда-то стояла «хонда».

Всюду были следы, оставленные не голыми пятками туземцев и не диким зверьём. Песок вокруг настала был истоптан ногами в обуви. Вмятины от каблуков, от протекторов кроссовок. Виднелись даже следы гусеничных траков. Отметины цивилизации. Глаза Ивана наполнились слезами, к горлу подступил ком.

Чёрт! Здесь были люди! Чуть раньше..., всё сложилось бы по-иному.

По видимости, сюда прибыла целая эвакуационная экспедиция. Вот следы от шасси — самолёт подтягивали к барже. Вероятно лебёдкой с плавучего подъёмного крана. Работали дня три-четыре, не меньше.

Вокруг были разбросаны обрывки лент ограждения, рваные строительные рукавицы, искорёженные доски — подложки под шасси. Здесь же блестело, переливалось на солнце радужным гейским флагом и нестерпимо воняло болотце из слитого авиационного топлива. Так спасатели облегчали самолёт.

Иван вспомнил некролог в Чиннайском вестнике, посвящённый семье Крофтов, где ни слова о простом белорусском парне и горько усмехнулся. Самолёты стоят миллионы..., а сколько стоит его жизнь? Они даже не знают, где находится Беларусь.

Определив место, где находился трап, Иван опустился на корточки и принялся обшаривать вокруг себя. Так и есть, пальцы наткнулись на металлические предметы — выкованные им тесак и «швайку» — брошенные в борьбе с тварью. Строители попросту втоптали их в песок.

Кое-какие узлы и строительный мусор были сложены неподалёку в наспех вырытой яме. В ней Иван и нашёл то, что так надеялся найти.

Спасатели, как и все работяги, народ простой и конкретный. Зачем спасать то, что приказало долго жить? Согласно этой железной логике в грудe мусора, среди бетонных подпорок, подкладочных лагов, целлофановых упаковок, пустых консервных банок и пивных бутылок, оставленных от завтраков, обедов и ужинов эвакуационной бригады, Иван обнаружил остатки того самого спасательного плота, на который совсем недавно возлагал надежды. Его водяные обезьяны разорвали пополам. В ошмётки изодрали дно и накидную палатку-тент. Но все пять прорезиненных надувных баллонов образующие в рабочем состоянии правильный пятиугольник были на месте. Отделённые друг от друга, смятые и кое-как брошенные они были сплошь измазаны нечистотами, но при беглом осмотре выглядели цельными. По крайней три из них точно.

Солнце быстро стремилось к горизонту, тяжёлый день подходил к концу, но не было конца поставленным целям и стоило поспешить.

Не теряя времени Иван, как мог, отмыл в море выуженные из ямы баллоны и сложил в одну кучу. Поклажа выдалась внушительной. Перетащить такую, задача не из лёгких. Пришлось разделить её на две равные части и по очереди перенести баллоны к хижине. Можно было зарыть их здесь, на берегу, всё равно после придётся нести обратно к морю, но Ивана подмывало проверить пригодность основных элементов, от которых зависела судьба всего плана.

Перенеся на пару сотен метров одну часть, он возвращался за второй. Переносил её ещё на пару сотен метров и возвращался за первой. Так к ночи он добрался до хижины. Луна ещё не вышла, но от звёздного ковра было светло как днём. Завтрашний день обещал быть горячим.

С того момента как Иван покинул хижину, здесь ничего не изменилось. Водяные обезьяны даже не заходили внутрь. У входа валялась пустая ракетница. Питер успел дать ракету.

Жив ли мальчишка? Вероятно всё же эти, с позволения сказать научные деятели, упустив Ивана, решат шантажировать стального магната? Тогда Питер должен быть живым и невредимым, а значит, Иванова задумка не напрасна. Питер, Чакрабати и связь с материком. Ну и его собственная жизнь. Игра стоила свеч.

На лежаке разобранные вещи Гаррета: майка, трусы, носки. Всё что мог Иван надел на себя. За прошедшие недели он значительно исхудал, и вещи англичанина висели на нём мешком. Резинку в трусах пришлось укоротить едва ли не вдвое. И всё-таки, как же хорошо ощутить себя одетым. Чувство это вселяло уверенность, защищённость, что ли.

Рядом с вещами «терминатора» лежала опасная бритва добротной английской стали и нераспечатанная пачка сигарет. Никогда не куривший Иван сейчас с наслаждением бы затянулся качественным дурмящим дымком.

Он достал припасённое на чёрный день «огневое хранилище», но все угли отсырели и остыли. Он пошарил под лежанкой и выудил жестяной чемоданчик, принесённый в последний раз с самолёта. Открыл, достал коробку влагостойких штормовых спичек и бутылочку с жидкостью для розжига и через время очаг ожил добрым огнём.

Закурил. На удивление не закашлялся с непривычки. Голова закружилась как на карусели, и по всему телу поплыло блаженство как после первых выпитых ста граммов.

Он достал котелок, тот самый, из банки из-под мороженого и, вооружившись фонариком, сходил к ручью за водой. Из двух кофейных чалд сварил кофе.

Иван пил бодрящий горький напиток прямо из котелка, курил третью сигарету подряд и осоловелыми глазами таращился в звёздное небо. Стоило, определились местоположение своё и Синтенела. Он нащупал на боку приготовленные таблички со звёздным небом и самодельный прибор, но доставать не стал. Не сейчас заниматься измерениями и расчётами, когда тело расслаблено до последней клетки, а голова пуста и чиста. Завтра, всё завтра. Сделать необходимые замеры не составит труда — в отрочестве он зачитывался подаренной дядей Жорой старой и затёртой 1954-го года издания книгой легендарного инженер-капитана 1-го ранга Андрея Павловича Белоброва «Мореходная астрономия».

В чёрном пластиковом пакете он нашёл бутылку шампанского и полбутылки шотландского виски — богатство, тоже принесённое с самолёта. Никогда он так не радовался возможности напиться. Алкоголь — верный спаситель от депрессии и суицида.

Он откупорил бутылку и сделал прямо из горлышка три больших обжигающих глотка. Горячий ураган понёсся по венам. Он цедил виски, любовался огромными яркими звёздами на чёрном как смоль небе и думал о вечном.

Как же сложен и одновременно прост этот мир, думал он. В нём есть место всему на свете — и злу и добру. И даже такому дерьму, в какое он вляпался.

Такой невероятной истории, какая приключилась с ним на этом диком и крохотном пятачке суши под этим бескрайним и вселенским небом не придумать ни в здравом уме, ни под галлюциногенами. Расскажи кому — засмеют. Не поверят и обзовут сумасшедшим. Может когда-нибудь он даже напишет мемуары о своих злоключениях.

В ответ на эти пьяные рассуждения Иван усмехнулся хмельной улыбкой и затянулся длинной дурманящей затяжкой. Для того чтобы написать, надо сначала выжить.

Он достал собственный рюкзак и вынул оттуда новенький гидрокостюм Скубапро, купленный у Джима. Представил удивлённую и обескураженную физиономию своего американского друга. Как бы тот клепал глазами, слушая Иванов рассказ о таком, мягко говоря, не совсем удачном перелёте в Порт-Блэр. Вот Анжела не поверила бы ни единому слову, а Джим поверил на все сто. Джим, он такой.

Иван выпил ещё виски и закусил-зажевал кофейной гущей. Докурил. Окурок нетвёрдой рукой бросил в костёр, имитируя баскетбольный трёхочковый. Снова потянулся за рюкзаком и едва не свалился с лежанки. Достал из рюкзака тот самый найденный здесь же под ящиками лётный планшет командира индийского бомбардировщика. Развернул письмо, и мутными глазами прочёл последние строки:

«Мы оставляем вооружение «Канберры» здесь, но это не означает, что мы бросаем оружие на поле боя. Прилагаю подробный план места, где спрятаны запечатанные в ящики промасленные и законсервированные четыре двадцатимиллиметровых пушки Aden Mk.4 и контейнер с 7.62-миллиметровым пулеметом и с полным комплектом боеприпасов».

Дальше следовала карта местности — подробная и исполненная без сомнения военным человеком, знающим толк в топографии. На схеме была обозначена хижина, а на расстоянии ладони химическим карандашом был нанесён жирный фиолетовый крест.

* * *

Алкоголь не помог забыться. Спал Иван чутко, часто просыпался и подбрасывал хворост в огонь. Прислушивался к звукам леса. Заглядывал в щели, нет ли кого на ветвях и в кустах. Спать чудилось разное. Лишь к утру накрыл тяжёлый сон.

Солнце ещё не в полной мере осветило кроны деревьев, а он уже качал ножным насосом принесённые с берега баллоны. Голова была ватной, но времени терять было нельзя.

Как и предполагалось, из пяти в «живых» осталось три. На четвёртом не держал клапан, пятый был разорван по клееному шву. Но и трёх было вполне достаточно для задуманного.

Попрыгав на каждом баллоне, Иван затащил их надутыми в хижину и оставил для проверки, как держат воздух. Взял лётный планшет, тесак, пару отвёрток из инструментального ящика, полусгнившую сапёрную лопатку, вероятно, ею пользовались лётчики, и направился в лес.

Продираясь сквозь заросли, он поймал себя на мысли, что идёт знакомым маршрутом. Здесь они с Гарретом несли то злосчастное бревно-убийцу. Да и вообще, остров этот

становился в какой-то степени знакомым и понятным. Если первые дни Иван шарахался каждого куста, сейчас чувствовал себя, будто прожил здесь полжизни. Он привычно прислушивался к звукам леса, голосам птиц, привык к запахам. Даже влажный холодок мелких ручейков журчащих в папоротниковых зарослях Иван ощущал кожей. Лес становился домом. Как для дикарей-синтенельцев... и профессора.

Иван грязно матерно выругался. Сколько бы не довелось пережить за последнее время, но одна лишь мысль, что этот трижды проклятый остров может навсегда стать его последним пристанищем... Чёрт! Это всё идеи престарелого хиппи Чакрабати!

«Я сам своя свобода». Какая глупость! Не хватало и Ивану превратиться в освобождённого от цивилизации туземца.

«Превращаюсь в Робинзона Крузо. Только Пятницы не хватает» — от спонтанно накотившей ярости он пнул мохнатую кочку.

«Пятница» как из итальянской комедии «Синьор Робинзон». В Одессе Иван смотрел его раз пять. Дважды с Катькой. Кажется, этот фильм вышел в год его рождения. Аолла чем-то походила на актрису из того фильма. С одной лишь разницей: то, что Аолла называла «хо-хо», героиня итальянской робинзонады величала «динь-динь».

«У каждого уважающего себя Робинзона должна быть своя Пятница».

Хмурые мысли развеялись. Если уж и суждено прожить остаток своих дней в этих джунглях, так уж лучше с Пятницей-Аоллой чем с престарелым индусом-профессором.

Отдаляясь от хижины, Иван время от времени сверялся с картой. Определял ориентиры, отмерял шаги. Рисовавший её военный оказался отнюдь не дилетантом. Он умело выстроил приоритеты. Не привязывался к тому, что за годы могло сгнить, измениться или исчезнуть. Вот обозначен край скалы. Тут каменистое русло ручья. Рядом вековой бенгальский фикус с плеядой больших и малых стволов растущих в пятиметровом периметре. Корневая система такого исполина мощнее фундамента добротной избы. Такой простоит как минимум полтысячи лет.

Наконец Иван добрался до места обозначенного крестиком. Так и есть. Небольшая полянка, а на ней выложенный валунами крест. Лётчик точно был педант и перфекционист.

Откинуть камни у Ивана заняло больше часа. Валуны буквально вросли в землю, не отдерёшь. Он убрал слой дёрна, для чего пришлось подрезать снизу тесаком, и стал копать. Взрыхлять тесаком землю и убирать лопаткой, которая сломалась сразу после пяти подходов. Дальше пришлось выгребать руками.

Иван копал до ночи, и осилил едва полметра глубины. Грязный, измотанный со сломанными ногтями он повалился в сырую холодную яму, в ней и уснул.

Проснулся когда солнце уже светило полным ходом. Протёр глаза, похлестал грязными ладонями по щекам и, не мешкая, взялся за работу.

Тесак натыкался на камни, врезался в разросшиеся за тридцать лет крупные и мелкие корни, но. Иван не отступал. Он безостановочно рыхлил твёрдую землю отвёртками и «швайкой», тесаком рубил корни, им же как лопаткой сгребал грунт в кусок кожаной обивки кресла и выгребал всё это из ямы.

Он окончательно согнул съеденные ржавчиной отвёртки и теперь орудовал только «швайкой». Тяжёлые корни рубил тесаком, помогая молотком. Несколько раз тот слетал с рукояти, и Ивану приходилось искать его в зарослях папоротника.

Пот лил ручьём. Мешался с грязью. Жёг едва зажившие раны.

Трясущиеся, отбитые пальцы отказывались сжимать тесак. Молоток не держался в

руках. Не то, что на ногах, невозможно было стоять на коленях. Позвоночник размяк, превратился в желеобразную субстанцию. Это нельзя было назвать ни слабостью, ни усталостью. Так, наверное, уходит жизнь из тела покойника. Полное опустошение, отсутствие энергии. Организм отказывается жить.

Тесак очередной раз упёрся в камень и внезапно переломился пополам. Иван замер. Смотрел на сломанный инструмент и не понимал, что произошло. Наконец он пришёл в себя. В сердцах зашвырнул обломки далеко в чашу и заорал. Дико. По-звериному.

Он выскочил из ямы и бросился обратно к хижине. Он бежал, не различая пути. Не глядя и не боясь. Бежал и дико орал.

Слёту вбежал в хижину, достал початую бутылку виски — в ней было ещё половина — и вылебал всё без остатка прямо из горла. Затем нашёл бутылку шампанского, отбил погусарски горлышко о край лежака и вылакал пенящуюся шипящую жидкость до доньшка. Сел на землю и заплакал.

Иван плакал навзрыд пьяными слезами. Бил грязными кулаками землю. Хлестал себя по лицу. Рвал на груди майку Гаррета. Выл как загнанный за флажки и смертельно раненый волк. Продолжалось это довольно долго.

Выдохшись, он замер и поник в неестественной позе. Сгорбился как-то по-стариковски, и изо рта вытекла пьяная слюна. Влажные опухшие глаза его закрылись, и всё тело онемело. Его повело в сторону, он завалился на бок и упал. Головой приложился о камни очага. Из рассечённого лба потекла кровавая дорожка.

Это его отрезвило. Он вскочил, выматерился пьяным голосом, схватил котелок-банку и помчался обратно к кресту.

Он выгребал землю банкой, руками, затем снова банкой. Корни разбивал острой стороной молотка «в мясо». Он выломал до крови два ногтя и, наконец, добрался до цели. В «схроне» на метровой глубине лежал большой ящик в виде гроба сколоченного из плохо очищенных от коры брёвен и накрытый сверху куском окрашенного в зелёный цвет дюралевого листа.

Иван поднял лицо к небу и заорал что есть силы:

— Блядь!!!!

Затем упал на дно ямы на дюралевый лист и отключился.

Спал Иван сутки. Однажды проснулся, выблевался желудочным соком и вновь впал в забытьё.

Очнулся от ощущения чего-то слизкого на лице. Расплющил налитые кровью веки и перед самым носом обнаружил огромную зелёно-жёлтую ящерицу с выпуклыми как бинокли глазами. Рыгнул кислым перегаром прямо в морду земноводной, и та тут же растаяла как дым.

Перевернулся набок. Всё тело неимоверно ломило. Голова раскалывалась на части. Голодное похмелье страшнее атомной войны.

Руками обхватил голову, сдавил виски, да так и пролежал, боясь шелохнуться. Казалось, сделает движение и развалится как карточный домик.

И всё же встал и, едва переставляя ноги, направился к ручью. Лёг в воду на каменистое дно лицом вверх, и быстрая ледяная вода поглотила всё его горячее тело.

Если кто спросит, что есть на белом свете неземное блаженство — так это как раз то, что в тот момент испытывал Иван. Словно выползаешь из кровавой вязкой вагины и делаешь первый живительный вдох. Подобно возвращению после долгой клинической смерти. Наверное, тоже чувствует и растение в пересохшей земле после многих дней засухи, когда на него наконец-то ниспадает долгожданный дождь.

Над головой щебетали птицы, слышались быстрые, глухие удары о дерево. Будто дома в белорусском Полесье, кругом кустится папоротник, а по сухому дубу грохочет неутомонный дятел. Встань и увидишь поляны бледных колокольчиков линией перемешанных с жёлтым пахучим рододендронам.

Силы постепенно возвращались. Через какое-то время Иван смог подняться. Головная боль прошла, но появилась колющая в содранных пальцах. Пришлось долго отмачивать их в ручье и вычищать из рваных ногтей въевшуюся в раны грязь.

Он выстирал майку и трусы. Плетёные лапти окончательно расползлись и болтались на ступнях драными ошмётками. Сел по-турецки и продышался, как научил его Чакрабати. Вдох-задержка-выдох — четыре-шестнадцать-восемь. Мысли упорядочились, кровь насытилась кислородом, кости перестало ломить. Иван встал, потряс руками. Повертел головой, разминая шейные позвонки, и направился к яме. Пора было заняться делом.

В «гробу» под листом дюрала глазам предстали аккуратно уложенные одна на одну четыре авиационных пушки, каждая весом под восемьдесят килограмм и длиной под два метра. Механизмы все сплошь в оружейном масле и переложенные промасленной бумагой. Два десятка стальных лент с боеприпасами без коробок. С виду ленты весили ничуть не меньше самих пушек. Так же ещё один ящик, но уже заводского изготовления — вероятно, тот самый оружейный контейнер, о котором говорилось в письме.

Иван отстегнул затворы, откинул крышку. Авиационный пулемёт был тоже весь в оружейном масле. Механизм бережно завёрнут в промасленную бумагу. Бирка, приклёпанная к «щеке» гласила: **Browning Model 1919**, ещё какие-то цифры и год изготовления: **1944**. Старьё конечно, но в довольно приличном состоянии. Рядом сменный ствол также блестел консервационным маслом.

Под контейнером оказался ещё один кейс поменьше и скорей всего из-под чего-то «самолётного». В нём четыре патронных коробки с пулемётными лентами и десять ручных

гранат — ребристых, похожих на «лимонки», но, по всей видимости, британские. Рядом в упаковочной стружке десять медных трубочек зарядов-детонаторов для них.

Иван достал пулемёт и повертел в руках. Примерился, потряс, прикинул на вес. Открыл крышку приёмного устройства, осмотрел. Всё выглядело идеально. Отличная и мощная штука. Килограмм пятнадцать, не меньше. Вполне возможно переправить. Недоставало лишь станка. Но если к креплению приделать бамбуковую рукоять получится «игрушка» не хуже чем М60 как у Шварца из «Коммандо».

Содержимое патронных коробок также прилично сохранились. Превосходная консервация боевого оружия. Видимо вечно воюющие британцы на совесть обучали свои колонии военному искусству.

Раз десять Ивану пришлось ходить туда-сюда к хижине и обратно, чтобы перенести пулемёт с контейнером и ящик с гранатами и боекомплектом.

Вернувшись к яме уже в сумерках, он бережно накрыл «гроб» с пушками дюралевой «крышкой», присыпал землёй, заровнял, как было и, притоптав, замаскировал дёрном и мхом.

Кто знает, может, когда и понадобятся.

* * *

Стрелять Ивану приходилось лишь раз. Давно, на полигоне в Одессе. И то одиночными и из «калаша». Результат не абы какой — семь с половиной из десяти и отбитое плечо. А здесь ещё и пулемёт без станка. Это только у Шварца получается кучно поливать от бедра. Да и то на голливудской киноплощадке.

При тусклом свете очага он долго осматривал и изучал найденный «аппарат». Вводил затвор, щёлкал спусковым крючком. Вставлял и убирал ленту в приёмнике. Стоило потренироваться в стрельбе, но это было делом опасным. Кто знает, один он на острове или нет. Может, именно сейчас туземцы хоронят очередного покойника. Может, водяные обезьяны ненароком рыщут по лесу или сам Бисмарк рыбачит в ручье. Решение вопроса о тренировке было отложено на потом.

Вспомнив о коте-рыболове, Иван проглотил слюну. Как бы сейчас пригодилась его та рыбина. Из запасов — две чалды кофе, специи сикха и по одной бутылке Спрайта и Колы. Пустые вакуумные упаковки из-под полуфабрикатов, принесённых в первый день, валялись изодранные у стены — водяные обезьяны сожрали всё без остатка.

Ни вчера, ни сегодня во рту у Ивана не было ни былинки. Если не считать алкоголя, пережёванной кофейной гущи да табачных крошек. Виски, кофе и сигареты — вот и вся еда. Как на первом курсе мореходки.

Стоило поискать какие-нибудь плоды. Время, проведённое с Чакрабати, научило. Но и это Иван отложил на потом. И так потеряно много времени. Сейчас стоит другая задача — постройка плота.

Баллоны достойно держали воздух, и это радовало Ивана. Достав сумку с капроновыми фалами, он разложил их на ровной площадке и внимательно обмерял шагами. Если не жадничать, плот мог получиться два на два метра. Неплохо, однако.

Теперь предстояла самая трудоёмкая работа.

Он вспомнил, как зашвырнул обломки тесака в кусты и зарычал от собственной

тупости. Затем успокоился и пошёл искать сломанное лезвие. Долго не мог найти. Весь искололся ветками, изодрал колени и наконец, нашёл. Лезвие было без рукояти, тесак разломился в месте соединения, но даже такой он вполне подходил для поставленной перед ним задачи.

Иван сложил в кейс лезвие-обломок, выдавший вида молоток, несколько подходящих камней и даже крохотный ножик в виде скальпеля и направился в лес рубить брёвна.

Рубка заняла целый день. Иван приставлял лезвие тесака к стволу дерева и бил по обуху молотком. Переставлял дальше и проделывал то же самое. Рука с лезвием онемела, а ударная просто отваливалась. Неимоверно ныло плечо. Время от времени он старался менять руки, но это мало помогало. Пальцы дрожали и плохо держали инструмент. А ещё нужно было обтесать и обрубить лишнее. Так он сделал пять брёвен — восьмая часть от необходимого.

Когда от усталости и от надвигающихся сумерек глаза стали плохо видеть, обессиленный Иван едва добрался до лежака и мертвецки измотанный завалился в глубокий сон.

Он лежал, не шевелясь, раскинув в стороны руки и ноги, но сон не приходил. Так бывает из-за длительного перенапряжения и полной потери сил. Его организм опустел, будто из него выдавили все внутренности. Да, так бывает у людей. У самых обычных.

Ведь он простой обычный парень. Не Супермен. Не Капитан Америка. Не Шварц.

Месяц назад в Чиннаи ему довелось побывать на премьере нового американского боевика «Люди Икс»^[20]. Пригласила Лалит, ещё до своего таинственного исчезновения. Премьера^[21] получилась потрясающей. Зал аплодировал стоя. Вот уж что нужно показывать людям, воспитанным на комиксах.

Хотя причём тут комиксы? Чакрабати упоминал о Ницше. Кажется, у того тоже что-то было про сверхчеловека... Целая теория. Вечная тема.

Доктор Зло пытался убедить его, что он не такой как все. Так может старый наци прав и Эммо первая из таких? Из новых. Из людей Икс. Человек-дельфин. Как Человек Паук или Человек Россомаха. Одна из будущих рас обновлённой планеты Земля. В общем, мутант созданный сумасшедшими Франкенштейнами.

Сегодня они прячутся на затерянном острове под прикрытием диких синтенельцев и под охраной злобных водяных обезьян, а завтра Голливуд начнёт штамповать о них блокбастеры. Сериалы о мутантах. Может даже на главную роль пригласят великого Шварца.

Иван представил любимого им Шварценеггера с дыхалом на шее и его едва не стошнило. Уж точно облевался, если было бы чем.

Нет, Шварц не вариант. Скорей всего роль эта будет женской. Женщина-Супергерой. Какой бред!

А может и не бред вовсе. Голливуд, он такой — любое дерьмо превратит в деньги. Не исключено, что когда-нибудь явится киношедевр о том, как честный и добрый дельфино-человек спасает мир от злобных потомков Адама. Нет, дельфино-женщина, предводительница сверхспособных обезьян... Что сказать? Миллениум. Граница веков. Ожидай всякого. Даже Конца Света. Даже фильма про Супер-Женщину или Планету Обезьян.

Иван бессильно застонал. Что за бессмыслица лезет в голову? Всё это от упадка сил и переизбытка кофеина.

Хотя был уже такой фильм. Бразильская комедия, где Супер-женщина рекламировала

противозачаточные средства для мужчин. Воспоминания некоторых сцен заставили Ивана улыбнуться.

Ну, хватит мозгового онанизма. Пора спать. И наплевать на осторожность. Стоит хорошенько выпасться, отдохнуть и набраться сил. Иначе всё пойдёт прахом.

Не обращая внимания на зуд ран — вот бы сейчас ему регенерацию Логана — Иван заставил себя сосчитать слонов. Вышло комично. Вместо слонов в голове вырастали фигуры водяных обезьян. Они монотонно одна за другой спускались в бассейн Виртукона как в старом мультфильме про крысолова, заманившего крыс в море волшебной игрой на флейте.

Раз обезьяна... два обезьяна... три обезьяна...

Образы в голове стали тускнеть. За аквахомо шествовал Капитан Америка во главе туземного племени и с авиационным пулемётом на плече, а за дикарями следовала миловидная, похожая на Аоллу, бразильянка с пачкой контрацептивов в руке... и снова обезьяны... они размахивали пращами и пищали как дельфины...

...а после летящий в пропасть «терминатор» с лицом Гаррета... и пустота. Ивана накрыл Морфей.

* * *

На следующее утро он снова валил деревья. Выбирал небольшие и одинаковые стволы, толщиной в две руки. Их было и рубить легче, и обтёсывать. И в будущем удобно связывать в плот. Брёвна он стаскивал к хижине.

Передохнул всего лишь раз. Допил последнюю бутылку Спрайта, сходил к ручью, набрал воды. Вернулся к недорубленному дереву и... вырвал жёлчью и разразился трёхэтажным матом.

Он шёл к морю и матерился. Бил по пути деревья молотком. Тонкие ломались, толстые недовольно гудели, отдавая удары в руку. Но боль не чувствовалась. Что-то сломалось у него внутри. А может наоборот, что-то родилось. Новое. Сильное.

Выскочил на берег, осмотрелся и направился к небольшой пальмовой рощице. С размаху саданул несчастным молотком по стволу ближайшей пальмы. Он тряс её, пинал ногами и бил обухом пока сверху не полетели коричневые кокосы. Упало сразу три, едва не угодив в голову, вовремя успел отскочить.

Глаза Ивана загорелись, а из горла вырвалось: «Блядь!». Подскочив к ближайшему из орехов, он яростно рубанул по нему молотком и отколол часть.

Он жадно пил кокосовое молоко, и выпив всё до капли, заорал по-звериному, как вампир, вылакавший досуха кровь у поверженной жертвы. После расколол орех на части и выгрыз мякоть, едва не сломав зубы. Так он проделал и с остальными кокосами.

Насытившись, несколько успокоился. Уселся спиной к пальме, и долго удовлетворённо созерцал бирюзовое море. Теперь можно было жить дальше.

Затем встал и уже не так неистово, а размеренно и с пониманием, стал трясти пальмы и стучать по ним молотком. Выбирал самые тонкие стволы и с созревшими плодами.

Когда на песке их оказалось дюжина, Иван снял с себя майку, узлом связал «плечики» и в получившуюся торбу-мешок собрал улов. С кокосами на плечах он вернулся к хижине.

В этот день Иван больше не рубил деревья.

Следующие два дня он посвятил себе.

Отыскать живительные листья кауры, оказалось несложно. Здесь они были всюду. Облепившись с головы до ног лопухами, он пролежал так полдня. Вторую половину навёл порядок в хижине.

Старая флотская поговорка гласит: «Храни порядок и порядок сохранит тебя». И то была правда жизни.

Съев в этот день все принесённые кокосы, утром следующего дня он отправился на охоту.

«Настоящему охотнику ненужно ружья, — провещал Чакрабати в их первую вылазку. — Вполне достаточно чутья, выдержки, внимательности, ну и рук и ног тоже».

К вечеру у очага на полу лежала гора устриц, жирная толщиной с руку змея и две черепахи. А также дюжина кокосов, жареные коренья и котелок чёрно-фиолетовых ягод, похожих на переспелую сливу.

Так прошли два дня. На третий Иван был полон сил и желания продолжить работу. К вечеру на поляне перед хижинкой лежали все четыре десятка ровных четырёхметровых брёвен.

На следующее утро Иван перетащил брёвна ближе к берегу. Собрать плот прямо у воды не решился. Разложил всё на «сикхской взлётной полосе». Туда же перенёс и три баллона. Надул их ножным насосом и выложил в виде равнобедренного треугольника так, чтобы острый угол исполнял роль носа, а поперечный баллон — роль кормы. После выложил все брёвна на получившуюся конструкцию и долго и обстоятельно связывал их вместе всем, что было под рукой. В ход шли и ветхие остатки парашютного нейлона, и крепкие капроновые фалы из «хонды», и тугие прочные лианы, и даже сплетённая «косичкой» молодая кокосовая пенька.

Ближе к сумеркам на берегу красовался полноценный плот с парусом из остатков палатки его оранжевого предшественника.

Вернувшись в хижину, Иван упаковал пулемёт в контейнер, взял заранее смастерённое весло, больше похожее на снегоборочную лопату — длинная бамбуковая рукоять и широкое «перо» из куска дюралевой переборки — всё это снёс на берег, а после вернулся за патронными лентами. Туда же перенёс и их.

Весь скарб он сложил под «Титаником» — безысходность воистину мать чёрного юмора — замаскировал всё пальмовыми ветвями, листьями папоротника и большими лопухами какого-то раскидистого кустарника, названия которого не знал и вернулся обратно к хижине. Пора было собираться в путь.

Он плотно поел, оставшуюся еду выбросил в ручей. Выкурил сигарету. Потушил очаг. Надел новенький Скубапро. В кармашек для фонарика, что на левом рукаве, вложил ножичек похожий на скальпель тот, что взял когда-то на камбузе «хонды», в карман на правой штанине поместилась «швайка» найденная в песке на месте пленения. На пояс надел кобуру с ракетницей, оставшиеся патроны сунул за пазуху гидрокостюма. В рюкзак уложил гранаты, предварительно вставив в каждую запал. Сверху накрыл сигнальными фальшфейерами и самодельными навигационными «поделками». Надел рюкзак, взял три ярко-оранжевых спасательных жилета. На всякий случай.

Огляделся, не забыл ли чего. Присел на край лежанки — по старинной дедовской традиции «на дорожку». Прислушался к шуму джунглей. К ветру — к крепкому береговому бризу. Погода, что надо.

Вышел из хижины и поднял глаза к чистому без единого облачка небу. Звёзды он

прочитал ещё прошлой ночью, и теперь превосходно ориентировался, куда держать путь.

Всё сопутствовало удачному исходу. Плот давал хорошую осадку и прилично держался на лёгкой и ровной, едва заливавшей настил волне. К тому же чистое звёздное небо без единого облачка и дымки — идеальная карта для мореплавателя.

Приличной силы бриз помог отчалить от берега, но едва чётная береговая полоска скрылась из виду, ветер переменялся. Одновременно управляя парусом и орудуя рулевым веслом, Иван, приловчился держаться ногами за леера — канаты, натянутые вдоль плота — живо приспособился к нюансам рулёжки и, умело галсируя против ветра, положил своего самодельного монстра на избранный курс. Справившись с управлением, зафиксировал фалы паруса и руль в неизменном положении и перенёс пулемётный ящик на корму для большей устойчивости «судна» и там закрепил канатом.

После разложил перед собой навигационные «самodelки» и дощечки с «картами звёздного неба» и принялся колдовать над всем этим, время от времени сверяя расчёты с небесными ориентирами. Занятие это заняло некоторое время, но теперь Иван был уверен на сто процентов в правильности проложенного маршрута.

Едва волны поутихли, а ночное небо озарила полная луна, он достал из ящика пулемет. Повертел в руках, встал во весь рост и для устойчивости расставил ноги пошире. Приделанную бамбуковую рукоять уложил на локоть, патронную ленту перекинул через предплечье, а приклад прижал к бедру. Приготовился, напрягся. Стальной взгляд, собранность и уверенность в каждой мышце — знаменитая поза великого Шварца. Иван представил, как выглядит сейчас со стороны — ни дать, ни взять, супергерой.

Минуту постояв так, он собрался с духом, напряг мускулы и нажал на спусковой крючок. Сочная вспышка прорезала ярко-алую дорожку над чёрной водой, и грохот выстрелов катком прокатился по тихой морской глади. Отдача была такой силы, что Иван упал на брёвна и едва не выронил пулемет в море.

Да уж, ситуация выглядела критической. Если дикая стая аквахома возможно и разбежится от такого страшного грохота, то сможет ли он, тот, который держал сейчас пулемет второй раз в жизни, противостоять сразу трем вооруженным до зубов охранникам-неграм? Иван знал о троих, но, сколько их там на самом деле. Впервые он усомнился в реалистичности своего авантюрного плана. Неужели Чакрабати был прав?

Стоило попробовать ещё раз. Он встал на одно колено, упёр приклад в бедро и дал длинную очередь вверх. Затем ещё одну, короче и слева направо. Теперь вышло более-менее. Иван аккуратно снял ленту, уложил пулемёт на место и взялся за руль. Ничего, всё будет «Ок». Главное быть уверенным в победе.

Плот покачивался и немного «клевал» носом, но бойко шёл вперёд. Ветер был переменчивым, и приходилось делать жуткие зигзаги, стараясь не сбиться с курса. Вскоре на горизонте зардел рассвет и в его неровном свете Иван различил чёрную береговую полосу. От радости и гордости за собственные навигационные умения он вскочил и закричал что есть силы, едва не станцевав чечётку. Плот закачался, грозясь перевернуться. Иван присел и схватился за фалы. Вот это будет номер, если он потопит посудину у самой цели плавания.

Он выровнял плот, подхватил поток ветра и нацелился на берег. Парус сильно кренился вперёд. Брёвна скрипели, а самодельную мачту едва не ломало, и это было нехорошо. Утренний бриз надувал парус, но «титаник» оставался на месте.

Иван сунул руку в воду по локоть, на минуту замер и на его лице отразилась невероятная смесь удивления, злости и непонимания. В это сложно было поверить, но так и есть, мощное встречное береговое течение компенсировало движущую силу ветра, не давая плоту двигаться дальше. Посудину упорно сносило вбок и немного назад и никаким галсом этого теперь не исправить. Надо было что-то предпринимать, помочь плоту выкарабкаться на тихую воду, но что?

Иван вытащил из кормовой уключины рулевое весло и принялся грести. Изо всех сил он налегал на бамбуковую рукоять. Дюраль гнул, а бамбук предательски скрипел, грозя оставить плот без руля, но ситуация никак не менялась — черная полоска вождеденной суши, освещаемая первыми лучами утреннего солнца всё также оставалась миражом на расстоянии в непреодолимые четверть мили, которые теперь стали настоящим водным препятствием.

Иван различал серые контуры потухшего вулкана, серебряную дорожку водопада и даже сплошной ковёр серо-бурых джунглей, но время шло, солнце поднималось всё выше, а его старания так и оставались безрезультатны — плот упорно сносило в океан.

Вдруг откуда-то снизу как выстрел, как землетрясение, рождённое в морских глубинах, страшная неведомая сила подхватила хлипкий Иванов «титаник», закачала его как хлипкую щепу, завертела водоворотом и с размаху выплюнула на несколько метров вверх. Квёлый плотик удивительным образом не перевернулся. Мощно вспенилась вода вокруг и что-то чёрное и огромное, будто спина кита или касатки, но явно искусственного происхождения, выгнулось дугой так, что посудина, мгновенно став желеобразной, легко скатилась по образовавшемуся скату как санки по ледяной горке. Перед самой водой, зацепившись баллоном за что-то выступающее, плот завалился на один бок и замер, грозясь рассыпаться в любую секунду.

Звонко лопнул один из поплавков, отчего бревенчатый настил всколыхнуло точно молочную пенку в кипящем молоке. Воздух из баллона с шипением вырвался наружу. Заскрипели, затрещали, затёрлись друг о друга насквозь промокшие брёвна. Оружейный контейнер съехал на край и застрял, запутавшись в канатах. То здесь, то там стреляли рвущиеся узлы нейлона. Концы лопнувших лиан гулко хлестали о прорезиненную ткань. Конструкцию, вмиг получившую множество степеней свободы, теперь удерживали на честном слове лишь несколько поперечных жгутов сплетённых из капроновых фалов. Вцепившись за один из них, Иван попытался дотянуться до ящика. Не дай бог пулемёт соскользнёт в воду, и «пишите письма».

Но как тут быть, если всё происходящее, ни много, ни мало, настоящее светопреставление.

Зависнув на несколько секунд в воздухе, чёрная гора двинулась вниз, а вместе с ней весь плот перешёл в состояние разрушения. Нос его предательски задрался кверху и одно из брёвен, что у самого края, соскользнуло в бурлящую пену. Следом за ним соседний ствол также сполз в воду. Хилый крепёж фатально расползлся прямо на глазах. Брёвна неумолимо тянуло в омут и в бревенчатом настиле всё больше появлялось чёрных просветов как щелей от выбитых зубов во рту у боксёра. Посудина тряслась и рассыпалась на части, словно старый японский веер с прогнившими в край нитками...

...в этот самый момент треснул центральный канат и вместе с несколькими брёвнами ушёл под воду и контейнер с пулемётом.

Не раздумывая, Иван бросился за ним. Нырнул, но схватить за рукоять не успел,

помешало накатившее бревно. Он едва увернулся от удара, снова различил очертания контейнера и двумя сильными гребками почти догнал его, но...

...вдруг лицом уткнулся во что-то твёрдое и скользкое, такое, что силой остановило его.

Лоб и щёку обожгла резкая боль. Сильный удар пришёлся по носу, и кровавое облачко окрасило воду красным. Ящик растворился в бездне, а неведомое препятствие неумолимо сжимало Ивана, как комок ваты.

Больно завернулась рука. Обе ноги свело и сдавило вместе. Тело выгнулось и окаменело в неестественной и до потери памяти болезненной позе. Не имея возможности шевельнуться, смятый как пластилин Иван судорожно вертел зрачками, стараясь разглядеть причину своего спонтанного пленения.

От постигшего его озарения он едва не захлебнулся. Со всех сторон его, как комара липкой паутиной, стискивала в тугой кокон самая настоящая рыболовецкая сеть. Похожая на огромную авоську вроде невода или бредня она практически повязала его по рукам и ногам. В это сложно было поверить, но он натурально был пойман как самая обыкновенная безмозглая плотва.

Собрав все силы, Иван попытался было вырваться, но тут его изрядно потрянуло, да так, что он едва не выблевал остатки воздуха вместе с лёгкими и в его глотку устремился поток ледяной воды. Незримый буксир с приличной скоростью тащил его сплюснутое в бесформенную кучу тело. Сеть шла против течения и две противоположные друг другу силы выдавливали из Ивана все кишки...

* * *

Очнулся он от удара обо что-то твёрдое. Крепко зашиб плечо и колено. Резкая боль прошла всё тело электрическим током.

С сети стекали тучные струи воды. Густо и навязчиво стучали они о металл, точно весенний ливень бьёт о жестяной подоконник. Стальной витой фал тянулся вверх прямо к шнеку на выгнутой «гусиной шее» стреле крана-подъёмника. Стрела уходила куда-то за спину, куда Иван видеть не мог. Он висел сдавленный слизким коконом, не имея возможности пошевелить и пальцем, ориентируясь лишь только по слуху.

Когда вода стекла, стали различимы и прочие звуки. Утренняя птичья разноголосица, свист и трели свидетельствовали о том, что он сейчас на суше, а это значит, что кругом снова ненавистные джунгли, а он опять в чьём-то плену.

От бессилия и безвыходности собственного положения хотелось завывать белугой. Как же всё это достало! Может, пора опустить руки и пустить всё на самотёк? Отпустить ситуацию по течению на все четыре стороны? Довериться судьбе?

Вспомнился недавний разговор с Чакрабати. Собственное самоуверенное заявление: «Я сам решаю свои проблемы и плевать на то, что думают остальные» и ответ старика: «Идеальное сочетание оптимизма и наивности».

Он представил снисходительное выражение профессорского лица и зло сплюнул солёную слюну. Пошевелить языком — это всё, что он мог сейчас сделать.

«Ха! Ха! Ха! А вот сейчас тебе плевать? Ответь, где твоя свобода теперь?» — мысленно ругал себя Иван. Сейчас он готов был вырвать свой глупый язык. Исхлестать себя по впалым щекам и долбить кулаками в тупой лоб, пока не выбьёт весь этот застоявшийся авантюризм

и ни чем не обоснованные супергеройские амбиции.

Надо же, терминатор выискался! В одиночку с пулемётом наперевес вознамериться захватить логово вооружённых злодеев. Шварц доморощенный! Вот теперь повиси так, как салака на крючке и подумай. Обтекай и жди, когда тебе выпотрошат кишки и завялят на солнышке.

— Принимайте беглеца! — раздался снизу громкий прокуренный баритон.

Заскрипели лебёдки, сеть пришла в движение и начала опускаться.

Через минуту Иван лежал на холодном мокром металле, всё ещё не имея возможности пошевелиться.

— Что разлётся, как камбала на блюде? — громыхнул сверху тот же скрипучий голос.

Чьи-то руки принялись распутывать сеть. Наконец Ивану удалось высвободиться. Он встал на колени и, держась за выступы в металлической конструкции, поднял голову.

Вначале он увидел выступающую из воды «машину» похожую на рубку подводной лодки. На ней массивную стойку подъёмника. Над головой поскрипывала стрела крана с тросом и сетью, а рядом со стропильным крюком круглое бородатое лицо незнакомца в капитанской фуражке времён Второй Мировой.

Это действительно была субмарина, но очень маленькая, не больше десяти метров в длину. Иван знал, что подобные строили немцы в конце войны, но чтобы увидеть миниподлодку за тысячи миль от Антарктики и спустя полвека с тех времён...

На чёрном острове рубки красовалась надпись белой краской «Brunhilda»^[22]. Субмарина покачивалась на тихой ряби в центре бассейна. Солнце всю освещало внутренние отвесные стены кратера, поблёскивая кварцевыми вкраплениями в многовековую магматическую породу. Оно отражалось в оконных стёклах Виртукона, сияло на куполе опреснителя, а трава лужайки для крикета сверкала утренней росой. Идиллия утра навевала умиротворение.

На краю бассейна стоял собственной персоной доктор генетики Альбрехт Иоганн Миллер. Позади него Жан и Жак во главе с Сэмюелем, а чуть поодаль протирал очки гер Кунц и фрау Хильда со шприцом наготове.

— Посылка доставлена, — бравым тоном провещал бородач, приложив два пальца к козырьку фуражки, и легонько подтолкнул пленника вперёд, — принимайте на мостик.

* * *

Иван босой стоял на скользком острове субмарины, держась за хлипкий леер. Струйки змейками стекали с гидрокостюма, образуя небольшую лужицу под ногами. Приходилось прилагать усилия, чтобы не соскользнуть в воду.

— А вы оказались крайне строптивым юношей, — отеческим тоном пожурил доктор Миллер. — Эмма права, с такими надо жёстче.

— Жёстче надо с такими как вы, — едва различимо огрызнулся Иван.

— Ну, куда здесь сбегать? — хохотнул доктор, наслаждаясь собственным сарказмом. — Разве я неясно объяснял, где вы и кто мы? Один Сэмюель чего стоит. Мы не допускаем ошибок.

— Парочку всё же сделали, — уверенно выговорил Иван.

Не стоило перед этим партайгеноссе выказывать слабость, хотя в эту минуту Ивану

хотелось разрыдаться от бессилия.

— Поясните? — Миллер внимательно глянул на парня.

— Чернокожая девчонка...

— Это да, — кивнул старик.

— Но главное, зачем добивать гарпуном уже мёртвого пилота и стрелять из автомата по самолёту? Были бы индийские спасатели более сообразительными...

Кривая ухмылка исказила бледное лицо доктора.

— Вы льстите местным полицейским. Они, как и все любят деньги. Что до, как вы выразились ошибок, нам надо было выходить из сложившегося положения. Эмма инсценировала нападение на пилота. На гарпуне остались отпечатки пальцев Гаррета. Что касается автоматной очереди, вам стоило внимательнее присмотреться к отметинам на фюзеляже. Но я вас понимаю, тогда было не до того. И это сработало. Будь вы не так напуганы, вы бы отличили чёрную краску от пулевых отверстий. Аквахомо отличные пращники, а метать по целям шарики с краской входит с детства в их групповое обучение. Это как учить медведей езде на велосипеде. Так на вашей родине дрессируют животных, верно? В общем, всё было инсценировано для того, чтобы отпугнуть вас от самолёта и от возможной встречи со спасателями, пока аквахомо не приберут вас с Питером к рукам.

— То-то я не слышал звуков автоматной стрельбы, — усмехнулся Иван. — Значит всё же всё дело в Питере? Я и тогда не поверил, что вы заварили всю эту кашу только ради меня.

— А вы догадливы Йохан. И не купились на лесть. Таких «перекати-поле» как вы легче «поддеть» на какой-нибудь крючок, не мудрствуя лукаво. Учитывая то, как вы, не раздумывая, согласились примчаться в Порт-Блэр, по одному лишь телефонному звонку с предложением от человека, которого не видели десять лет. Вы действительно полагаете, что инструкторов в элитарные заведения VIP-класса подбирают из телефонного списка бывших однокашников? В том рейсе «в один конец» вы были бонусом. Вишенкой на торте. Не хочу ранить ваше самолюбие, но всё затевалось не ради вас. Вернее, не только.

— ...ради миллионов Грегори Крофта?

— С одной лишь поправкой — все свои миллионы старина Крофт отписал нам пять лет назад, вписав в своё завещание Эмму. После его смерти половина состояния достанется ей, половина Питеру. Это вполне справедливо, ведь Эмма — его родная тётка. Да-да, не делайте такие глаза, Йохан. Моя погибшая внучка Ангела Крофт — биологическая мать Питера и старшая сестра Эммы, — Миллер выдержал театральную паузу. Глянул на остолбеневшего Ивана и победно добавил: — Да-да, вы верно меня поняли. Выходит так, что Питер Крофт мой правнук.

Иван не мог поверить собственным ушам. Чего-чего, а такого поворота невозможно было даже представить. Выходит этот выживший из ума докторишка, а с ним и вся семейка Крофтов, и погибшая мать Питера, как и эта человеческая самка-дельфин, все они повязаны какой-то своей общей уродливой тайной, из-за которой с неизменным постоянством гибнут ни в чём не повинные люди. А скольким ещё суждено погибнуть?

Такие как эти не остановятся ни перед чем. Их античеловеческая «мораль» главнее закона, важнее божьих заповедей, сильнее здравого смысла. Для них Иван, как и любой другой, всего лишь подопытный образец. Кролик, крыса, обезьяна. Они выжмут из него всё, что им нужно и убьют. Вышвырнут как тряпку. Им нужна его необъяснимая способность, о которой он сам всегда боялся даже подумать, и чтобы он теперь не предпринял, его жизнь не стоит ломаного гроша.

Между тем Миллер продолжал:

— Григорий Кровтенко... он же мой давний друг мистер Грегори Крофт, является основателем тайного международного масонского фонда спонсирующего доктрину «Наследия предков». Он же главный наш лоббист в высших политических кругах цивилизованного мира. Неужели вас не смутило всё увиденное здесь? Не возник вопрос, а можно ли прожить полвека на диком острове, работать, заниматься евгеникой и делать научные открытия без финансовой поддержки извне? Наивная славянская простота.

— Но Алекс и Натали? Вы же убили их?

— Алекс — единственный сын Грега — получился неудачным. Современный мир извратил его. А после женитьбы на этой... с позволения сказать «княгине Юсуповой», Григорий и вовсе решил — с сыном-недорослем надо кончать, а из внука пора делать человека будущего. Это было его единоличное и обдуманное решение.

— Таким образом, вы собрали из всех нас рейс обречённых?

— Именно так. Эмма не всё вам рассказала. Вернее, несколько исказила реальность. Когда самолёт должен был пойти ко дну, она через выбитый «фонарь» обязана была в первую очередь спасти не вас, а Питера, доставив его на «Брюнхильду», а уж потом вернуться за вами. Такое в своём роде испытание. Если вы тот, кто нам нужен, вряд ли бы вы утонули. Ваш организм погрузился бы в метаболическую «спячку» в ожидании перехода, и не важно, сколько прошло бы времени до возвращения Эммы. Если же вы оказались не тем счастливым, о ком растрезвонили болтливые итальянские газетчики, и ваша якобы сверхспособность, о которой гуру Нараяна Свакхаранда Гири поведал Лалит, а она передала нам, оказалась бы фикцией, что ж, все «концы в воду» и «дело с концом». Но эксперимента не получилось и нам пришлось проверять ваши сверхвозможности в барокамере, которую вы так некстати испортили. Вышло нехорошо, но я гуманный человек. Эмма же требовала обколоть вас снотворным и сбросить в океан, посмотреть, что будет. Есть в ней некая чертовщина. Если бы не ваше упрямство, нам не довелось бы прибегнуть к крайним мерам.

— Это когда тварь... хм..., когда ваша... Эмма утатила меня в бассейне? — внутри у Ивана всё похолодело.

— На счастье вы оказались действительно тем самым... вторым Сальватором, — лицо Миллера просияло.

— Я уже слышал это имя.

— Ах, да... вы не знаете о ком я... Вы многого не знаете...

— Объясняйте. Что уж скрывать в моём-то положении. — Иван старался держаться уверенно. Пусть всё станет на свои места. Даже перед неизбежным.

Миллер с пониманием кивнул. Хочет знать, пусть знает.

— У него было много имён: Сальватор, Аквамэн, Морской Дьявол. Он был не просто моим зятем и отцом моих девочек, Ангелы и Эммы, Сальватор был мне названным сыном. И первым из смертных, чьё семя передало ген *Spirabilis* по наследству дочерям. Я не имел права потерять Эмму, как потерял Ангелу. Именно поэтому мне нужны были вы, Йохан. Точнее ваши сперматозоиды. Для неё. Для Эммы. И для будущего человечества. Господь велик, но он творит слишком медленно. Кто-то же должен ему помочь? Облегчить его труды.

— Труды?

— Я говорил вам, что рассчитывал стать вашим другом? С годами делаешься сентиментальным. Я искренне надеялся, что вы замените мне Сальватора. Хотя как заменить того, кого заменить невозможно. Вы же злоупотребили моей добротой. Не оценили гостеприимства. Спугали нам все карты. На что вы рассчитывали? Вам что не понравилась Аолла? Ты почему такой глупый, Иван?

— Вы не ответили... обо мне и...об этой. И причём тут сперма? Я не понимаю, — скороговоркой выдохнул Иван, хотя именно сейчас, наконец-то, он всё понял.

— Не понимаете? — старик улыбнулся проницательной улыбкой. — Всё вы поняли. Вы гораздо умнее, чем кажетесь. Поэтому я и недооценил вас, старый я олух.

— Выходит вы доили меня как корову?

— Всё что нужно уже случилось, — старик дёрнул головой, словно поставил точку. — Честно сказать, я мало верил в удачу. Вы у нас семнадцатый с момента, когда Эмма стала пригодной к деторождению. Я не успел сделать нужных анализов, но... надеюсь... нет, уверен, всё удалось как должно и дело моё продолжится.

Воцарилось молчание. Оба смотрели глаза в глаза, и каждый старался прочесть мысли другого. Неожиданно Иван расхохотался, да так, что качнулась субмарина, на которой он стоял. То был настолько заразительный смех, что в другой ситуации могло показаться, будто старик выдал самую остроумную шутку тысячелетия.

— Ну, это вряд ли, — задыхаясь от хохота, бодро бросил Иван.

Зрачки Миллера расширились:

— Вы не хотите принять то, что станете прародителем нового человека? Новым Адамом?

— Я просто знаю, что не пригоден к этому, — иронично выговорил Иван. — Я задам вам вопрос: мне двадцать шесть лет, а я до сих пор холост. «Перекасти поле» как вы выразились. Почему, как думаете? Отвечу. Когда-то давным-давно меня чуть было не женили. В Одессе. На одной «горячей дивчине» по имени Катерина. Слыхали такое имя? Так звали знаменитую русскую императрицу. У нас с Каткой всё завязалось случайно, и она залетела. Понимаете? Выдать её замуж хотела вся её семейка. Торговка и алкоголик — упыри один почище другого. Я был в дипломном рейсе, когда Катка родила «шоколадного» парнишку, и все её родственнички скопом вскричали, будто ребёнок мой. Пришлось делать тест на отцовство. Так вот, уважаемый доктор, я оказался совершенно бесплодным. Моё так нужное вам семя — пустышка. Как там по-научному...

— Чёрт! Дьявол! — прорычал затрясшийся в истерике Миллер. Лицо его исказилось и

налилось кровью. Глаза расширились в пол лица. Тело била мелкая дрожь. Губы и щёки дрожали. Но после минутной ярости он как-то сразу сник, лицо его посерело, и он тихо-тихо и подавленно прошептал:

— Я же просил Аксея проверить...

Сэмюель, Жан и Жак стояли недвижимо в ожидании указаний. Спустя время Доктор Зло вполне овладел собой. Глаза его заблестели, теперь он дышал ровно, на безгубом рту блуждала улыбка, а усы топорщились как прежде.

— Что ж, — как ни в чём не бывало, произнёс он, — будем считать, что и семнадцатая попытка оказалась неэффективной. Отсутствие результата — тоже результат. Я как истинный испытатель философски отношусь к неудачам подобного рода. На сотню отрицательных экспериментов придёт один, что перекроет все прежние издержки. Увы, вы оказались не тем, а значит, как у вас говорят на родине, с глаз долой и с души вон? Так? Вы, вероятно, догадываетесь, дорогой Йохан, какой конец выпал на долю шестнадцати ваших приемников?

— Эй, Док! — раздался позади голос капитана.

— Да, кэп. Слушаю, — Миллер перевёл взгляд. Иван глянул через плечо.

— Пока вы не увели его..., ну сами знаете куда, смею ли я просить о маленькой прихоти? — деловито продолжил капитан, указывая мундштуком трубки на Иванову спину.

Миллер сделал вопросительный жест.

— Поглядите, какой приличный водонепроницаемый рюкзак. Я видел похожие в журнале. Думаю там... ну, вы понимаете где, так там такая добротная вещь навряд ему пригодится. Да и вам она ни к чему, а на моей малышке-«Брюнхильде» самое то. Я буду хранить в нём табак для своих трубок.

Миллер кивнул и глянул на Сэмюеля. Охранник верно понял приказ. Он подошёл к Ивану и стащил с плеч рюкзак. Швырнул бородачу. Тот умело поймал за лямку, запустил жёлтые от никотина пальцы внутрь рюкзака и выудил оттуда один из фальшфейеров. Причмокнул, оценив обстоятельность Ивановых приготовлений, но подробно изучать содержимое не стал. Трофей исчез в люке рубки.

— Окей, — капитан довольно оскалился и махнул трубкой. — И гидрокостюмчик тоже передадите. Ну, после того как...

Минуту висела тишина, и это означало, что все разговоры окончены.

Сэмюель наклонился к Ивановым ногам, надел на лодыжку кольцо и приготовился было щёлкнуть замком, как острое жало похожего на скальпель лезвия вонзилось ему под ухо, выбив густой кровавый фонтан.

Негр охнул и повалился на настил. Он хрипел и бился в конвульсиях, а Иван уже сверлил седой висок Доктора Зло дулом оброненного им пистолета.

— Все назад! — диким голосом рычал Иван. — А ты живо в воду! — не оборачиваясь, крикнул он капитану.

Жан и Жак направили свои стволы.

— Я не шучу! — взревел Иван и как взбесившийся пёс оскалил зубы.

Прикрываясь тощим Миллером как щитом, он наугад стрельнул через плечо в сторону рубки. Попал. За спиной раздался глухой вскрик, и несчастный подводник рухнул за борт, держась за простреленную ногу.

— Не стрелять, болваны! — прокричал бледный как мел Миллер. — Он глуп и напуган. И поэтому способен на всё. Бросьте пистолеты! Ему куда отсюда не деться.

— Как знать, как знать, — шёпотом приговаривал Иван, пятясь к рубке и увлекая за заложника собой. — Поднимайся, иначе полетишь следом за кэпом, — пригрозил Миллеру.

Он втащил старика за собой в рубку и тут же задраил люк. Снаружи слышались звонкое звяканье. Жан и Жак бестолково падали по субмарине из пистолетов.

Иван швырнул Миллера в кресло второго пилота. Осмотрелся в поисках верёвки или чего-нибудь подходящего для кляпа. Старик вызывающе щерился:

— Глупо. И что дальше? Поплывём в Белоруссию? Или сдадите меня КГБ? Валяйте Воздуха нам хватит на восемь часов, а аккумуляторов миль на пятьдесят.

Иван молчал. Он снял с рюкзака лямки и привязал ими Миллера к остову кресла. Рюкзак положил под ноги, сам же уместился в переднее кресло водителя.

В юности он читал о посудинах такого типа, о сверхмалых подводных лодках Третьего Рейха образца 44–45 годов. Кажется они назывались зеехундами ^[23]. И хотя эта мини-субмарина соответствовала всем тем параметрам, о чём читал Иван, и даже носила гордое имя героини германо-скандинавских саг — Брюнхильда — она уж точно построена была не в Германии. Об этом свидетельствовали металлические таблички с вытравленными на них иероглифами, коими пестрила вся приборная доска, и это красноречиво указывало на её императорское происхождение из «страны восходящего Солнца».

Ситуация стала бы проблемной, если бы не одно обстоятельство — на каждой из табличек оранжевым нестираемым маркером были выведены слова по-английски. Кое-где маркер затёрся, но общая картина как управлять этой «японкой» была вполне ясна, а тем более для выпускника одесской мореходки имени героя Советского Союза, капитана 3-го ранга и командира подлодки С-13 Александра Ивановича Маринеско.

Иван выдвинул перископ, припал к окулярам. Снаружи носились люди. Кто-то из охранников стоял у рубки и что-то «химичил» с люком. Времени на раздумья не оставалось. Иван запустил электродвигатель, подал рычаги от себя. Лодка качнулась и стремительно пошла вниз. Погружение заняло считанные секунды. Иван едва успел подумать о возможной глубине, как страшный удар сотряс корпус, едва не разломив пополам. Лодка села днищем на каменистое дно.

— Вы отказались от шадящего укола фрау Хильды в пользу утонуть в этой жестянке? — с намеренным вызовом произнёс Миллер. Но тон его не был уже таким саркастичным. В нём слышался страх.

Иван с жалостью посмотрел на ещё недавно хорохорящегося старца. Каким ничтожным он выглядел сейчас. Некогда гордо торчащие усы теперь висели облезлыми крысиными хвостами. Старый, несчастный человек, приговоривший себя к существованию в созданной им же тюрьме в окружении не людей, мутантов. И всё-таки как же он держится за свою бесполезную жизнь.

— Чему быть, того не миновать, — спокойно ответил Иван. — Уж, коль судьба издохнуть на вашем проклятом острове, я сделаю это вместе с вами, и как посчитаю нужным.

Он наклонился над стариком, взял морщинистую шею цепким хватом и сдавил сонную артерию. Миллер сразу обмяк. Из посиневшего рта скатилась жёлтая горошина слюны.

Иван снова припал к перископу. Лодка лежала на дне большого подземного озера, но не это озадачило его. Было понятно, бассейн Виртукона каким-то природным образом соединён под землёй с открытым океаном. Удивительным было другое — невероятно сильное течение в этом подземном резервуаре. Потревоженные ударом водоросли, поднятый

со дна песок и отколотые известковые наросты сильнейшим течением тянуло к дальней каменной стене, в которой как кусок огромного антрацита зияла чёрная бездонная дыра диаметром не менее двух-трёх метров.

Память слово в слово воспроизвела слова Чакрабати: «...солёная вода бьёт прямо из-под застывшей лавы и как бы наоборот, выходит не из океана, а впадает в него. Откуда она берется под землей, неясно...». Иван сложил дважды два, и всё стало на свои места. И то, как он с Питером попали сюда, и как Эммо с аквахомо переправляются во внешний мир, и неожиданное появление малышки-«Брюнхильды», и... и даже то, почему из Виртукона нет ни одной дороги по суше.

Под этим островом, а именно под потухшим вулканом, текла огромная и быстрая подводная река с мощным градиентным течением. Река эта входила под магматический склон, наполняла подземное озеро и выходила с другой стороны водопадом, а чёрная дыра в перископе — ни что иное как устье этой самой реки. И если бы не было этого устья, не было бы этой «чёрной воронки» куда безудержное течение затягивает вздыбленный лодкой песок, река нашла бы другой выход, единственный возможный для неё — выход наверх.

Разом покончить со всем этим и дело с концом — решение не из худших. Коль пошёл войной на Виртукон, но нет возможности захватить, уничтожь — таков закон войны. А он сейчас на настоящей войне и в настоящей боевой субмарине. Идея эта выглядела фантастической, но и вся история, происходящая с Иваном, тоже была таковой.

Он осмотрел приборную доску. Справа снизу нашёл небольшую панель серого цвета с полудюжиной тумблеров и двумя рычагами по центру. Сверху над большим красным иероглифом жирная маркерная надпись: «TORPEDO BLOCK».

Определяясь с названиями, полущёпотом проговаривая их, Иван машинально гладил тумблеры кончиками пальцев, будто отправлял некий ритуал. Затем перекрестился и запустил насосы сброса балласта. Попеременно лавируя рулями, развернул нос к подземному устью. Снова глянул в перископ, сверил диспозицию. Сделал несколько глубоких вдохов-выдохов — годами сложившаяся привычка перед каждым важным шагом «накормить» тело кислородом — и перевёл оба рычага в положение «START».

Раз, два, три, четыре... Лодку швырнуло так, словно торпеды взорвались где-то под самым её брюхом.

Взрывов Иван не слышал. От встряски он повалился на Миллера. Головой смачно приложился к переборке. Из глаз брызнули слёзы. Не мешкая, игнорируя боль, поднялся и припал к биноклям перископа.

На месте взрывов дыбилось мутное облако из тонны песка и пыли, но даже сквозь него можно было разглядеть, как массивная вулканическая порода, сползая по стене, наглухо запечатывает место, где недавно чернело устье подземной реки.

Выйдя из короткого замешательства, Иван тотчас открыл кингстоны. Все до единого.

Сбросившая весь без остатка балласт, лодка, облегчённая и подхваченная безудержным потоком, быстро пошла на всплытие. Спустя несколько минут её рубка вынырнула на треть из бассейна и покачивалась над прибывающим уровнем воды.

В перископ Иван наблюдал за безудержным хаосом снаружи. Нарастающий водный поток вырывался за края бассейна, бурлил как кипящее молоко и растекался по всему периметру Виртукона. Вода достигла цокольного этажа. Вокруг здания носились туда-сюда люди. Человек в медицинском халате пытался открыть окно изнутри. Снаружи к нему по пояс в воде бежали Жан и Жак.

В этот миг Иван ощущал себя одновременно и вершителем судеб и фанатичным камикадзе готовым на всё. Настоящим моряком-смертником, для каких и строилась полвека назад эта утлая посуда. Девиз самураев той страшной войны — «Один человек — один корабль» — теперь стал и его девизом. И пускай он погибнет, но и этих сволочей он непременно заберёт с собой на тот свет. Смоет с лица Земли, так сказать, Вселенским Потопом их гнилое фашистское кубло.

Вдруг лодку тряхнуло и потянуло вперёд. Нос завалился, а корма устремилась вверх. Иван прилип к перископу, развернул его по ходу и замер. Так и есть, бассейн, был лишь малой частью огромного подземного озера и лодка, не вписавшись в его периметр, зацепилась носом за край и начала переворачиваться.

Чтобы выровнять горизонт Иван налёг на рычаги. Дал задний ход. Бесплезно — сила извергающегося потока прочно вдавила нос в бетонное перекрытие, подняв винты над водой.

Безумная мысль родилась в голове у Ивана. Он поднял брошенный под ноги рюкзак, раскрыл и оглядел содержимое — несколько нетронутых бородачом-капитаном фальшфейеров, а под ними заряженные детонаторами гранаты. Все было сухим и пригодным к использованию.

Иван собрал с пола лоцманские карты, обёртки из-под табачных брикетов, протирающую ветошь, сдобренную машинным маслом, и всё это упаковал в рюкзак, прямо сверху на боекомплект. Работал он быстро, молясь лишь об одном, чтобы лодка не перевернулась, и поток не захлестнул её рубку раньше, чем он успеет исполнить задуманное. Приготовив всё, Иван отыскал на измазанной пеплом полке, среди больших и малых курительных трубок, спичечный коробок и поджёг всё, что уложил в рюкзак. Спички бросил туда же.

Получившуюся «бомбу замедленного действия» он сунул под сидение. Отвернул на полную вентиль кислородного баллона, в последний раз глянул на бескровное лицо Миллера, перекрестился и полез в рубку. Быстро откупорил люк, выглянул наружу и облегчённо выдохнул. Неужели ему снова везёт? Ещё полминуты и будет поздно. Лодка накренилась градусов на сорок пять, корма стояла над водой торчком, а винты молотили воздух.

Иван вылетел из люка как пробка из бутылки. Замешкайся он, и рубка с лихвой загребла бы бурлящую воду открытым люком. В несколько секунд Иван задраил задвижки и успел как раз вовремя — крен лодки стал быстро увеличиваться, и всю её теперь прилично захлёстывало мутной волной. Вот-вот завалится набок, накренится, перевернётся и пойдёт

ко дну. Не думая ни о чём, не имея чёткого плана, на составление которого совершенно не осталось ни времени, ни сил, Иван мощно оттолкнулся ногами от субмарины и ушёл под воду.

Поток подхватил его и понёс вверх. В паре метров от себя он различил затопленные окна первого этажа. И это был ещё не конец. Ивана кидало на стены, вертело бурлящим потоком, швыряло в стороны. Поток нарастал, многократно усиливался и грозил затопить всё здание Виртукона вместе с крышей и солнечными батареями. В мутной жиже, поднятой прибывающей водой нельзя было разглядеть ни зги.

И тут снизу ударная волна неистовой силы вышвырнула Ивана из воды. Пролетев метров пять, он спиной ударился обо что-то твёрдое. Вторая волна с размаху бросила его вбок, плечом приложила о ствол дерева. В голове зашумело. Из обеих ушей потекла кровь. Больше он ничего не слышал, только принимал и принимал последующие удары. Сильные, глухие, страшные. Его болтало из стороны в сторону, вертело как тщедушную щепку в бурлящем адском потоке. Будто он внутри огромного заполненного водой барабана и сам Господь гремит гигантской колотушкой по бараньей коже. Но, то были не удары Господни, то взрывались гранаты.

Ивана швыряло и крутило как болванчика на дьявольской карусели. Вода не гасила взрывные волны, а наоборот, усиливала их в десятки раз. Казалось, он очутился в Аду и вот оно, то самое непреодолимое и самое страшное испытание, на какое только и могут сподобиться черти, топ-менеджеры Того Света, креативные изобретатели дьявольских утех.

Его несло, но уже не потоком, а настоящим извержением. Взрывы гранат, по всей видимости, разорвали на клочки хлипкую десятиметровую японскую «старушку», разрушили перекрытия бассейна, повредили фундамент под зданием и под всем Виртуконом, высвободив тем самым скованное бетоном подземное озеро, и воды его устремились вверх. Теперь все эти тонны неудержимой подводной реки, не имея прежнего устья, ринулись наружу подобно вулканической лаве.

Иван выныривал, чтобы набрать воздух, но тут же шёл ко дну. Головой он врезался во что-то металлическое, спустя секунду запутался в кроне дерева, чуть не разорвав гидрокостюм на спине, бился боками, сам не ведая обо что. Если бы не новенький Скубапро, пришёл бы конец. Ивана швыряло, вертело и едва не расплющило о каменную стену. В этот миг он был овощем, который варится в огромной кастрюле с кипящим борщом.

Вдруг его толкнули вбок. Последовавший далее удар был такой силы, что Ивана отшвырнуло на несколько метров, и он спиной врезался во что-то жёсткое, едва не разодрав недавно зажившие раны. Гидрокостюм Скубапро и на этот раз выдержал проверку на прочность.

Боковым зрением Иван заметил быстро приближающийся черный силуэт. То было Эммо. В секунду тварь оказалась рядом. Нырком ушла под Ивана и выбросила вверх две сведённые вместе ноги. Удар пятками пришелся именно туда, куда и был рассчитан — в подбородок. Иванова голова запрокинулась, едва не оторвавшись от шеи. Хрустнули позвонки, щёлкнули зубы, один из которых наверняка треснул, а из носа струей брызнула кровавая струйка.

Эммо сделало кувырок, и теперь удар её ног пришелся Ивану в живот, выбив последний воздух из лёгких. Бурлящая вода хлынула в горло. Иван дёрнул ногами, сделал мощный гребок и практически выстрелил из воды. И тут же сильные руки схватили его за лодыжки и также как в прошлый раз, тогда в бассейне, рывками потащили в бурлящую глубину.

Но на этот раз Иван был готов отразить атаку. Он сложился вдвое, руками достал до пальцев ног и, не разбирая, принялся колотить кулаками в черную воду. Его усилия достигли цели — Эммо отпустило ноги, но тотчас нанесло ответный удар. Адская боль пронизала всё тело Ивана. Треснули ребра, в глазах потемнело. Его снова жёстко бросило на ствол дерева, но теперь это оказалось весьма кстати. Иван что есть силы, оттолкнулся вверх от спонтанно возникшей опоры и, вынырнув, наконец, сумел сделать глубокий и такой необходимый сейчас вдох.

То здесь, то там над бушующей водой выныривали головы аквахома, и их дельфиний писк походил на звуки аварийной сирены. Они метались взад-вперёд, но близко не подплывали. Казалось, они следили за поединком своей «королевы» и этого мерзкого недочеловека как заправские болельщики следят за матчем-реваншем на подпольных боях без правил, поставив все деньги на победу своего бойца.

Иван не обращал внимания на беснующихся водяных обезьян. Один из военных постулатов гласил — победишь главаря, одержишь победу и над всем войском.

Не раздумывая, Иван нырнул туда, где осталась тварь. Определил тень впереди себя, мощно ударил ногами о воду и выбросил вперёд руку. Ладонь уперлась Эммо в грудь — упругую, молодую, женскую — пальцы скользнули вверх, ухватили за горло. Следующий толчок ногами, и Иван, навалившись на тварь всем телом, прижал её спиной к дереву. Свободной рукой выхватил из ножного кармана «швайку» и ударил вперед. Острие пробило девичье горло и, пройдя сквозь дельфинье дыхало, глубоко вонзилось в ствол сзади.

Не теряя драгоценного времени, Иван устремился вверх и через мгновение оказался над бурлящей и всё пребывающей водой. На удивление морды аквахома уже не появлялись на поверхности.

Иван огляделся. Вода доходила до самого края кратера. Всюду плавали обломанные ветки, разнообразная утварь, изломанные шезлонги, мебель и деревянные части иных конструкций. Неуклонно прибывающий поток поглотил весь Виртукон. Накрыл его тоннами воды. В один миг на дне оказалось всё: и звездообразное строение, и водонапорная башня с опреснителем, и деревья с лужайкой, и сотня квадратных метров зелёных насаждений, и прочее-прочее-прочее. Поток достиг крон деревьев. Он поднимался всё выше и выше, неумолимо образуя бурлящее солёное озеро. Ещё немного и вода достигнет краёв, выйдет из берегов и хлынет вниз с магматических склонов, превращая столетиями спящий вулкан в могучий пенящийся водопад.

Это и случилось. Стремительный поток, перехлестнул через край, увлекая за собой и Ивана.

Его несло по склону, било о деревья, тащило по кустам и камням и если бы не гидрокостюм, с живого содрало бы кожу. Прикрывая голову руками, он едва сохранял равновесие, чтобы держаться ногами вперёд. Действо было похоже на извержение вулкана с одной лишь разницей, роль раскалённой лавы теперь исполняла вода и в этом было нечто мистическое, будто библейский Потоп смывает всю скопившуюся на этом острове нечисть, очищает это дикое место от тех, кто принёс с собой сюда скверну.

* * *

По затылку словно загрохотали кувалдой. Будто в голове у Ивана поселились гномы-

молотобойцы, и попеременно, но с неизменным постоянством они один за другим стучали по черепной кости своими маленькими, но очень гулкими молотками.

С одной стороны всё тело будто стало чужим, парализованным, лишённым нервной системы. И в тоже время Иван чувствовал каждую свою забитую израненную мышцу, каждое растянутое, разорванное сухожилие, каждую сломанную кость. Казалось тело одновременно и болит, передавая в мозг болезненные сигналы от каждой едва уцелевшей клеточки, и вместе с тем напрочь онемело, стало деревянным, бесчувственным, безжизненным. Будто гидрокостюм не что иное как прорезиненный мешок с грудой изломанных костей и рваного мяса.

Иван с трудом раскрыл глаза. Ночь. Луна. Над ним склоняется силуэт. Знакомое девичье лицо — правильный овал, обрамлённый смолистым шаром курчавых волос «а ля Free Angela Davis». Антрацитовая кожа также как и в ту ночь сверкает в лунном свете, будто намазанная маслом. Но в этот раз Аолла не улыбается. Её глаза блестят от слёз.

— Ван, — тихо шепчет девушка и её слёзы капают ему на щеку.

— Ты мой дасса, — едва выговаривает Иван и в бессилии закрывает глаза.

В следующий раз он очнулся от сильной боли в голени. Нога чужая. Тянется по земле лишним отростком. Аолла сгорбилась в три погибели, но упрямо тащит на себе шестьдесят Ивановых килограммов. Её босые ноги утопают в мокром песке. Они движутся вдоль берега, если это можно назвать движением. Каждый шаг даётся девушке с трудом.

Позади шумит водопад. Луна освещает путь. Иван держится одной рукой за хрупкие девичьи плечи, вторая висит недвижимо. Стараясь помочь, он ступает на здоровую ногу, отталкиваясь, стараясь сохранять равновесие, но, не смотря на это, они оба падают через каждые сто метров. Один раз Иван приземлился на сломанную ногу и едва не лишился чувств.

Пока он лежит, приходя в сознание и собираясь с силами, Аолла поддерживает его за голову, целует глаза, лоб и шепчет тихо-тихо, словно вопрошая:

— Амуда, Амуда...

Словно выпрашивает у своего духа милостыню и спасение для этого белого безбожника. Иван встает на одну ногу, и они движутся дальше.

Впереди в лунном свете виднеются лодки туземцев. Над низкими рыбацкими каноэ высится парусный тримаран. Рогожа паруса свёрнута змеей вокруг бамбуковой мачты.

Иван не в силах произнести ни звука. Лишь пальцем указывает в сторону лодок. Аолла без слов понимает его. Белый господин всегда знает, что надо делать. А что лучше для господина, то лучше и для всех.

Стоя на одной ноге, действуя одной рукой, Иван сталкивает тримаран с мели. Он падает в воду и вода вперемешку с песком забивает его нос и рот. Аолла помогает ему подняться.

С большим трудом они взбираются на тримаран. Проходит много времени пока лёжа на корме Ивану удастся, как следует оттолкнуться от берега. Аолла разворачивает парус, и лёгкий ветерок наполняет его. Иван улыбается ветру.

— Дасса Амуда, — произносит он, указывая на путеводную звезду на небе.

Аолла понимает его — бывают такие моменты, когда между людьми совсем не нужно слов. Девушка подтягивает канаты паруса так, чтобы нос тримарана поравнялся со звездой и берет в руки рулевое весло. Рыбная ловля в племени дело молодых, да и девушки рыбачат с детства.

Шелестят волны, забрасывая лёгкую пену на борт. Иван лежит на коме и смотрит в

звёздное небо. Удивительно, но лишь теперь он замечает, что в этой части мира ночное небо всегда чистое и звёздное.

Звезда горит ярко, и тримаран уверенно режет волну. Иван доверяется этой не по возрасту сильной аборигенке и наконец, закрывает глаза. Ветер надувает парус, и в израненном Ивановом теле растёт уверенность, что всё худшее уже позади, и с этого самого момента всё будет только лучше.

Чёрная точка растворялась в дымке над водой. Она стала сперва бледно-серой, а после молочно-лиловой и едва различимой на горизонте.

Иван продолжал выжидающе вглядываться, хотя уже отлично понимал, рыбацкая шхуна, так неосмотрительно приблизившаяся к его острову, теперь подхваченная попутным зюйдом, вот уже несколько минут, как уверенно держит курс в противоположную сторону, к берегам Бангладеш.

Облегчённо выдохнув, Иван снял палец со спуска. Постучал костяшками по глиняному брустверу, осмотрел бревенчатый сруб, скрепленный бамбуковыми чопами, проверил на наличие влаги и грибка. Всё идеально сухо. За пять лет конструкция ничуть не утратила своей монолитности. Лишь приобрела. Просмаливаемые каждый год в несколько слоёв брёвна теперь выглядели точно каменные. Прочная сухая крыша, крепкие стены, ни единой щели. Под ногами выложенное обожжённой глиной с кокосовой пенькой углубление для ящиков с боекомплектom. Превосходный береговой дот, способный простоять лет пятьдесят, не меньше. Сентинельцы обзавидовались бы такой охране своей территории. Защите собственного маленького мирка.

Иван убрал из бойниц воронёные стволы, бойницы же плотно законопатил деревянными лючками. Оглядел пушки. Все в идеальном состоянии. Механизмы каждой недавно перебраны, смазаны и отлажены как часы. Всё уложил в чистые, сухие ящики. «Храни порядок, и порядок сохранит тебя» — флотская поговорка. А оружие любит порядок.

— Идём, дружище, — миролюбиво произнёс Иван. — Пора к обеду.

Он поскреб колючую кошачью холку. Бисмарк прижался к бедру и доверительно приподнял морду, подставляя подбородок под руку хозяина.

Они вышли из укрытия. Иван поднял с земли вязанку рыбы — их сегодняшний общий улов — и направился по тропинке. Бисмарк потрусил следом.

Когда оба подошли к калитке, Иван пальцем пригрозил Бисмарку.

— Не говори лишнего, — с нарочитой строгостью сказал он коту. — Мы ничего не видели. Мы просто задержались на рыбалке.

Они вошли на полянку и из хижины на встречу им вышла улыбающаяся Аолла с трёхлетним ребёнком на руках. Мальчик тянул к Ивану свои пухлые ручонки цвета капутино и заливисто смеялся.

— Папа Ван, — лепетал он вперемешку с жизнерадостным смехом.

Иван поднял вверх связку с рыбой, показывая знатный улов, и тоже рассмеялся в ответ.

— В следующий раз возьму Риши с собой. Пора делать из него помощника, — сказал он.

Аолла понимающе кивнула и положила ладонь на свой явно выпирающий животик. Ярко-голубые глаза мальчугана горели радостью и весельем.

Глядя на сына, Иван в полной мере испытывал настоящее человеческое счастье.

Больше в его маленьком уютном мирке впредь никогда не поселится беда. Он не допустит. И пусть цивилизация идёт своим путём, лишь бы подальше от его нового дома. Главное, чтобы и ветры перемен, и тяжёлая поступь человечества обошли стороной их с Аоллой и Риши тихое пристанище, а они уж проживут и без цивилизации.

В один момент Ивану нестерпимо захотелось забыть всё, что с ним произошло тогда.

Вычеркнуть из памяти и навсегда перевернуть горькую страницу жизни. Неужели чем цивилизованнее становится человек, тем больше ему хочется заглянуть в бездну?

В первый год от таких мыслей Ивана долго мутило, и мучили кошмары. Лишь когда он убедил себя в том, что всё что не делается в этом мире, всё делается к лучшему, ночные видения прекратились.

Сентинельцы более не беспокоили их своими прибытиями. Вероятно, туземцы ушли далеко на север Сентинела. Восприняли водяное извержение как недобрый знак духов или предостережение к чему-то худшему. А может, решили, что высшие силы покарали этих, живущих внутри «каменного мешка» белых шаманов за их странные деяния. Как бы то ни было, на месте стойбища теперь чернели ямы от погасших костров и остовы от разобранных хижин. Вся юго-западная часть подножия вулкана превратилась в образованную извержением непроходимую водяную сельву, и всякий раз приближаясь к бухте на тримаране, Иван более не опасался быть пленённым дикими аборигенами.

С моря затопленный вулкан выглядел потрясающе. Его нельзя было назвать ни озером, ни горой. Он напоминал огромную переполненную чашу, из которой со всех сторон струятся нескончаемые потоки, образуя под собой бесчисленное количество мелких озёрков и заводей. Издалека это казалось так, словно громадный осьминог, разлёгшийся на вершине кратера, обвивает вулкан своими многочисленными светло-голубыми щупальцами. При этом щупальца эти живые. Они шевелятся, искрятся на солнце днём и переливаются серебром при лунном свете.

В тот памятный день вода выплюнула наружу много чего, некогда принадлежавшего Виртукону. Части мебели, кровельное железо, деревянные балки перекрытий. Книги, части медицинского оборудования, кухонную и бытовую утварь. У подножия вулкана в образовавшихся болотцах плавали изодранные матрацы, исковерканные оконные рамы, узлы и детали, изуродованные картины, ковры, одежда и обувь. Каждый день в течение месяца Иван перевозил всё это к себе на остров. Из четырёх бочек из-под масла он соорудил «баржу» — дощатую платформу — и, прикрепив её жёстким бамбуковым фаркопом к корме тримарана, переправлял на ней всю громоздкую поклажу. Кровлю, балки и прочие плавучие штуковины он сплавлял, привязав их канатами позади «баржи». Всё что не всплыло, осталось затопленным под многометровой толщей воды.

Иван несколько раз совершал длительные глубоководные погружения в новообразованное вулканическое озеро, стремясь найти ответ на вопрос — остался ли кто в живых, или нет?

Взрыв вырвал водонапорную башню — её прибило к расщелине в стене — и проделал на месте бассейна огромную полынью, раскроив на части бетонный настил и раскрыв подземное озеро как перезревший бутон. Глубина доходила до тридцати метров и продолжить поиски удалось лишь, когда ему посчастливилось наткнуться на коморку в затопленном Виртуконе с четырьмя полностью заряженными аквалангами и ещё с несколькими комплектами водолазного оборудования.

Потоп напрочь разрушил два крыла здания. Третье, что было подальше от бассейна, осталось целым, но под завалами трудно было пробраться внутрь, пока Иван не расчистил один из оконных проёмов. В ближайшей из комнат он сразу натолкнулся на изъеденный рыбами труп в изодранном белом халате. Идентифицировать тело не было никакой возможности, но на обглоданных костях с ошмётками галифе висели чудом уцелевшие офицерские сапоги, а рядом с черепом лежали очки со стеклами больших диоптрий, некогда

принадлежавшие Кунцу.

В одном из затопленных помещений цокольного этажа Иван обнаружил дизель-генератор, нет, целую электростанцию, а на полу, между высокими трансформаторными стойками обуглившись, изуродованные, изъеденные солёной водой трупы неизвестных ему белых людей.

В противоположном конце коридора оказалась почти не разрушенная детская комната. Ярко выкрашенные стены, шведская стенка увитая молодыми водорослями, несколько красочных гантелей, стол с компьютером, пластиковый шкаф с разложившимися от воды книгами и картами и ещё один шкаф с одеждой на двенадцатилетнего подростка. На небольшой односпальной кровати запуталась в простынях истлевшая, как и всё вокруг изъеденная соленой водой ярко-голубая футболка с контуром дельфина и надписью «**2000 Year of the Dolphin**».

На месте их с Чакрабати стоянки теперь разливалось широкое солёное озеро. Иван месяц искал по джунглям своего друга-профессора, надеясь, что талант того к самовыживанию и немалая удача и на сей раз спасут никогда не унывающего старика. Но все поиски оказались безрезультативными.

Больше Иван не нашел ни признаков жизни, ни свидетельств смерти. Зато нашел много полезного и нужного для быта, что вполне могло пригодиться в будущем.

И пригодилось.

За прошедшие годы он обжился. Практически заново перестроил всю хижину и наладил быт на своем островке. Частоколом обнёс полянку вокруг жилища, саму хижину расширил вдвое и установил на фундамент на глинистом растворе из ракушника и остатков стен Виртукона. Укрепил потолок балками, крышу перекрыл привезенным с Сентинела железом. Поставил двери и окна. Кое-где даже вставил стёкла, уцелевшие после извержения. Внутренний интерьер обустроил выловленной из заводей и заток под водопадом и высушенной на солнце мебелью.

В прошлом году он даже занялся земледельцем, и вот уже несколько месяцев Аолла готовила вкуснейшие хлебные лепешки в выложенной Иваном печи.

В последний год Иван не бывал на Сентинеле. Плавать к вулканическому озеру больше не было ни необходимости, ни желания. Тримаран он теперь использовал исключительно для рыбной ловли. «Баржу» разобрал, а бочки приспособил под тару для солений.

— Где твоя подружка? — Иван почесал Бисмарка за ухом: — Или ты, дружище, как и я когда-то гуляешь, где хочешь, свободен как ветер и не желаешь расстаться с этим ради уютного дома, вкусной рыбы и будущего потомства? Идеальное сочетание оптимизма и наивности.

Кот-рыболов в ответ примирительно потёрся об Иванову ногу. Иван ухмыльнулся.

«Обмануть жизнь и несмотря ни на что, остаться самим собой» — то, что не удалось Чакрабати, стало его уделом.

«Я сам своя свобода».

Иван нежно поцеловал Аоллу, потрепал по черной курчавой шевелюре улыбающегося во весь рот Риши и пошел потрошить и чистить утренний улов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Шервани (хинди ■■■■■■■■; урду شيروانى бенг. ■■■■■■■■■■) — длинное мужское полупальто или пиджак, одежда в странах Южной Азии.

Ганди (хинди **गांधी** **गंधी**) — белый головной убор наподобие пилотки с острыми углами спереди и сзади и широкий по бокам.

Дастар (в. — пандж. ■■■■■, dastār) — обязательный головной убор сикхов в форме тюрбана.

Вестенхёфер, Макс. «Проблема происхождения человека, представленная через морфогенетические размышления о мозге и черепе, и применительно ко многим другим частям тела». Берлин, Издательство Норнен, 1935 год.

Виртукон (англ., Virtucon Industries) — мегакорпорация Доктора Зло из модной в конце века серии шпионских комедийных фильмов: «Остин Пауэрс: Человек-загадка международного масштаба» (1997 г.) и «Остин Пауэрс: Шпион, который меня соблазнил» (1999 г.)

Dai ossigeno!!! - (итал,) Дайте кислород!!!

Кевала-кумбхака (санскрит. ■■■■■■■■■■■■) — разновидность спонтанной задержки дыхания, не привязанной ко вдоху или выдоху

Нет (нем)

Манкай — манго, плод мангрового дерева, (тамилск.)

Каупина или **лангот** — индийская набедренная одежда; набедренная повязка йогов, которую обычно надевают для выполнения асан.

Дáса (санскр. दासा, IAST: dāsa) — санскритский термин. В своём изначальном значении «враг».

Галактодендрон — «молочное дерево», выделяет млечный сок, но в отличие от млечных соков других растений, он вполне съедобен и вкусен. «Молоко» не портится в течение недели даже в условиях тропического климата, хорошо смешивается с водой в любых пропорциях, при этом не сворачиваясь

Фумаро́ла (итал. fumarola, от лат. fumare — дымить(ся)) — трещина или отверстие, располагающееся в кратерах, на склонах и у подножия вулканов

Экада́ші́ (санскр. ■■■■■■ — «одиннадцать») — одиннадцатый день после полнолуния и новолуния каждого лунного месяца считается особо благоприятным для совершения аскезы.

Упаваса — йогическая практика голодания

Отрывок из стихотворения английского поэта Редьярда Киплинга «Бремя белых (людей)» (также «Бремя белого человека»; англ. *The White Man's Burden*).

Квадрант — в астрономии, астрономический угломерный инструмент, служивший для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между светилами.

Сумпитан — (малайско-индонез.), стрелометательная трубка (длина до 2,5 м, диаметр 2–3 см) из дерева или бамбука; распространён у ряда племён и народностей Индонезии и Малайзии для охоты на мелкую дичь.

Супесь — рыхлый грунт, состоящий, главным образом, из песчаных и пылеватых частиц с добавлением глинистых частиц.

«Люди Икс» — фильм X-Men 2000-го года режиссёра Брайана Сингера, положившего начало первой супергеройской киновселенной.

Напоминание — действие книги происходит в 2000-м году.

Brunhilda (Брюнхильда, нем. — «кольчуга+битва») — воинственная героиня германоскандинавской мифологии и эпоса, одна из основных действующих лиц древнегерманского цикла поэм о Нибелунгах; валькирия; супруга Гунтера, короля Бургундии

Подводные лодки типа «Зеехунд» (другое название Тип XXVII; нем Seehund, «тюлень») — проект немецких сверхмалых подводных лодок периода Второй мировой войны.